

«Быть впереди народа, освещать ему путь, направляя его правосознание ко благу и правде в человеческих отношениях, – такова истинная обязанность юриспруденции и ее отдельных представителей»

ISSN 2074 – 7306

*И. А. Покровский
История Римского права. Введение.
Петроград. Изд. 4. 1918. С. 4*

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 3, 2020

Периодичность 4 номера в год

*Издается с 1997 г.
Основан д. ю. н., проф.
Д. Ю. Шапсуговым*

Включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»
Входит в Перечень ВАК по отрасли: 12.00.00.00 – юридические науки

Регистрационный номер ПИ № ФС 77 – 76204 от 02.08.2019 Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

Редакционная коллегия

доктор юридических наук, профессор, академик АМАН и МАНЭБ, заслуженный юрист РФ, почетный доктор Ереванского университета «Манц» **Шапсугов Д.Ю.** (директор центра правовых исследований, заведующий кафедрой теории и истории права и государства ЮРИУ РАНХиГС, главный редактор, г. Ростов-на-Дону); доктор юридических наук, профессор **Краковский К.П.** (профессор кафедры государственного управления Института государственной службы и управления РАНХиГС, зам. главного редактора, г. Москва); доктор юридических наук, профессор, академик РАЕН, заслуженный деятель науки РФ **Баранов П.П.** (заведующий кафедрой конституционного и муниципального права ЮРИУ РАНХиГС, г. Ростов-на-Дону); доктор юридических наук, профессор **Овчинников А.И.** (заведующий кафедрой теории и истории государства и права Южного федерального университета, Ростов-на-Дону); доктор юридических наук, профессор **Шатковская Т.В.** (профессор кафедры теории и истории права и государства ЮРИУ РАНХиГС, г. Ростов-на-Дону); доктор юридических наук **Егорова М.А.** (профессор кафедры конкурентного права МГЮУ, г. Москва); доктор юридических наук, профессор **Корецкий А.Д.** (заведующий кафедрой гражданского права РГУП, судья Ростовского областного суда, г. Ростов-на-Дону); доктор юридических наук, профессор **Момотов В. В.** (судья, секретарь Пленума, член Президиума Верховного Суда Российской Федерации, г. Москва); доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ **Овсепян Ж.И.** (заведующая кафедрой государственного (конституционного) права Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону); доктор юридических наук, профессор **Свечникова Л.Г.** (профессор кафедры истории государства и права Кубанского государственного университета, г. Краснодар); кандидат юридических наук **Супатаев М.А.** (ведущий научный сотрудник ИГиП РАН, г. Москва); доктор юридических наук, профессор **Авакян Р.О.** (ректор Ереванского университета «Манц», академик МАНЭБ и Всеармянской Академии проблем национальной безопасности, г. Ереван); доктор юридических наук, профессор **Алиев А. И.** (декан юридического факультета Бакинского государственного университета, г. Баку); доктор исторических наук **Алиева С. И.** (заведующая отделом «История азербайджанско-российских отношений» Института истории им. А. А. Бакиханова Национальной академии наук Азербайджана, г. Баку); доктор исторических наук, профессор Стамбульского университета **Мехмет Али Бейхан** (Высшее Общество по Турецкой Культуре, Языку и Истории имени Ататюрка, Президент Центра исследований имени Ататюрка, Турецкая Республика, г. Анкара); доктор права, университетский профессор **Шелухин С.И.** (Городской университет, факультет законодательства, полиции и криминальной юстиции, г. Нью-Йорк)

Редакционный совет

доктор юридических наук, профессор **Акопов Л.В.** (заведующий кафедрой «Основы правоведения» Донского государственного технического университета, г. Ростов-на-Дону); доктор юридических наук, профессор **Бойко А.И.** (заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин ЮРИУ РАНХиГС, г. Ростов-на-Дону); доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ **Волова Л.И.** (профессор кафедры международного права Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону); доктор юридических наук, профессор **Казинян Г.С.** (декан юридического факультета Ереванского государственного университета, г. Ереван); доктор юридических наук, профессор **Исмаилов М.А.** (заведующий кафедрой истории государства и права Дагестанского государственного университета, г. Махачкала); доктор юридических наук **Исмаилов Х.Д.** (юридический факультет Бакинского государственного университета, г. Баку); доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ **Ляхов Ю.А.** (профессор Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону); кандидат юридических наук **Радачинский Ю.Н.** (доцент ЮРИУ РАНХиГС, г. Ростов-на-Дону); доктор юридических наук, профессор **Фаргиев И.А.** (председатель Верховного Суда Республики Ингушетия, г. Магас)

Адрес редакции:

344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54, к. 216;
тел.: (8-863) 2-03-63-89; e-mail: yurvestnik@mail.ru

«Северо-Кавказский юридический вестник», 2020, № 1

16+

© ЮРИУ – филиал РАНХ и ГС, 2020

“To be ahead of the nation, show the way to its people directing their legal awareness towards the benefit and truth in human relations – that is the genuine duty of jurisprudence and some of its representatives”

I. A. Pokrovsky

History of Roman Law. Introduction.

Petrograd. Ed. 4/ 1918. P. 4

ISSN 2074-7306

NORTH CAUCASUS LEGAL VESTNIK

SCIENTIFIC-PRACTICAL JOURNAL

№ 3, 2020

Regularity 4 times a year

Published since 1997

*was founded
by Doctor of Law, professor
D. Y. Shapsugov*

The journal is included into the «List of reviewed scientific publications where main research results of dissertations for the degree of Candidate and doctor of Science».

Enters the VAK List on the industry: 12.00.00.00 – jurisprudence

Registration number ПИ № ФС 77 – 76204 from 02.08.2019 of Federal Service for Supervision of communications, information technologies and mass media (Roskomnadzor)

Founder – Federal state budget educational institution of higher education «Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration»

Editorial Board

Doctor of Law, professor, Academician AMAN and MANEB, honored lawyer of the RF, Honored Doctor of Erevan University "MANTS" **Shapsugov D.Y.** (Director of Legal Research Center, Head of the Department of Theory and History of Law and State of URIU RANEPА, editor-in-chief, Rostov-on-Don); Doctor of Law, professor **Krakovsky K.P.** (Professor of the Department of State Governance, of Institute of Public Administration and Management of RANEPА, deputy editor-in-chief, Moscow); Doctor of Law, professor, Academician of the RANS, Honored Worker of science of the RF **Baranov P.P.** (Head of the Department of Constitutional and Municipal Law URIU RANEPА, Rostov-on-Don); Doctor of Law, professor **Ovchinnikov A.I.** (Professor of the Department of Theory and History of Law and State URIU RANEPА, Rostov-on-Don); Doctor of Law, professor **Shatkovskaya T.V.** (Professor of the Department of Theory and History of Law and State URIU RANEPА, Rostov-on-Don); Doctor of Law **Egorova M.A.** (professor of the Department of competitive right of MGYuU Law, Moscow); Doctor of Law, professor **Koretsky A.D.** (Honored Worker of Higher School of the RF, Rostov-on-Don); Doctor of Law, professor **Momotov V. V.** (Justice, Moscow); Doctor of Law, professor, Honored Worker of Higher School of the RF **Ovsepyan Zh.I.** (Head of the Department of Constitutional Law of South Federal University, Rostov-on-Don); Doctor of Law, professor **Svechnikova L.G.** (professor of the Department of State History and Law of Kuban State University, Krasnodar); Candidate of Law **Supataev M.A.** (leading fellow researcher Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow); Doctor of Law, Professor **Avakyan R.O.** (Rector of Erevan University "MANTS", Academician MANEB and All-Armenian Academy of the problems of national security, Erevan); Doctor of Law, professor **Aliev A.I.** (Dean of Law Faculty of Baku State University); Doctor of Historical Sciences **Alieva S.I.** (Head of the Department "The History of Russian Azerbaijan relations" in the Institute of History named after A.A. Bakhihanova in National Academy of Sciences of Azerbaijan, Baku); Doctor of historical sciences, professor of the Istanbul university **Mehmet Ali Beihan** (Atatürk Supreme Council for Culture Language and History, the President of the Center of researches of Atatürk, Republic of Turkey, Ankara); Ph.D. **Serguei Cheloukhine** (John Jay College of Criminal Justice, Department of Law and Police Science, New York)

Editorial Council

Doctor of Law, professor **Akopov L.V.** (Head of the Department «The fundamentals of jurisprudence», the Don State Technical University, Rostov-on-Don); Doctor of Law, professor **Boiko A.I.** (Head of the Department of Criminal Legal disciplines of URIU RANEPА, Rostov-on-Don); Doctor of Law, professor, Honored Worker of Higher School of the RF **Volova L.I.** (Professor of the Department of International Law of South Federal University); Doctor of Law, professor **Kazinyan G.S.** (Dean of Law Faculty of Erevan State University, Erevan); Doctor of Law, professor **Ismailov M.A.** (Head of the Department of history of state and law of the Dagestan state university, Makhachkala); Doctor of Law **Ismailov Kh.D.** (Law Faculty of Baku State University, Baku); Doctor of Law, professor, Honored worker of Higher School of the RF **Lyakhov Y.A.** (professor of South Federal University, Rostov-on-Don); Candidate of Law **Radachinsky Y.N.** (associate professor, URIU RANEPА, Rostov-on-Don); Doctor of Law, professor **Fargiev I.A.** (Chairman of the Supreme Court of the Republic Ingushetia, Magas)

Address: 344002, Russia, Rostov-on-Don, st. Pushkinskaya, 70/54, room 216

Tel: 8-863-203-63-89,

e-mail: yurvestnik@mail.ru

<http://vestnik.uriu.ranepa.ru/> /

© URIU RANEPА.2020

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА	9
К.П. Краковский ИЕРЕМИЯ БЕНТАМ И СУДЕБНАЯ РЕФОРМА 1864 Г. В РОССИИ	9
Т.В. Шатковская, М.Х. Федорова ПЕРВАЯ КОДИФИКАЦИЯ РОССИЙСКОГО ПОЗИТИВНОГО ПРАВА: К ЮБИЛЕЮ СУДЕБНИКА 1550 ГОДА	21
Е.А. Филимонова, С.С. Изюмская К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ И РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ ЮРИСТОВ XXI ВЕКА НА СОСТОЯНИЕ ЗАКОННОСТИ	31
А.Г. Данилов МОЖНО ЛИ ДОВЕРЯТЬ ИСТОЧНИКАМ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ НАЧАЛА XX ВЕКА?	37
В.В. Бжания ИНСТИТУТ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В РЕСПУБЛИКЕ АБХАЗИЯ	48
Н.В. Сараев, А.Б. Бабунидзе ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ПРОКУРАТУРЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	54
ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННОГО И АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА	59
П.П. Баранов ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ИТОГИ КОНСТИТУЦИОННОЙ РЕФОРМЫ 2020 ГОДА В РОССИИ	59
А.П. Червинская КАДРОВЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ КАК КРИТЕРИЙ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПОДЗАКОННОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПАЛАТ ПАРЛАМЕНТА В РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ	69
ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО, ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО, ЛЕСНОГО И ЗЕМЕЛЬНОГО ПРАВА	76
П.П. Баттахов ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ	76
Т.Ч. Чебоньян, С.А. Закирова ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КУПЛИ-ПРОДАЖИ ЖИЛЫХ ПОМЕЩЕНИЙ	83
М.Е. Родина ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ НА ЛЕС НА ЗЕМЛЯХ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО НАЗНАЧЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ – ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО, ЗЕМЕЛЬНОГО И ЛЕСНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА	90
ПРОБЛЕМЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА	103
Ю.А. Ляхов ДЕЙСТВИТЕЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ СУДЕБНОГО ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ	103
Е.В. Миллеров СУДЕЙСКАЯ ЭТИКА: ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ПРАКТИКИ	109
М.А. Малина УЧАСТИЕ НАСЕЛЕНИЯ В СТАДИИ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	119

С.Н. Назаров	
ФУНКЦИИ ПРОКУРАТУРЫ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ОБОСНОВАНИЯ	128
С.М. Хоменко	
СУЩНОСТЬ, ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ЗАКОНОВ О НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ	135
С.Д. Гринько	
РАССМОТРЕНИЕ ДЕЛ СУДОМ ПРИСЯЖНЫХ КАК ПРОБЛЕМА РОССИЙСКОГО ПРАВОСУДИЯ И БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ	144
ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА	154
С.А. Алтухов, А.С. Ширяев	
ТЕНДЕНЦИИ ПРЕСТУПНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЕЙ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА И «САНКЦИОННОГО» ДАВЛЕНИЯ	154
Е.В. Ивлева, М.Г. Князькова	
К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА МОШЕННИЧЕСТВО И НЕКОТОРЫЕ ЕГО ВИДЫ В РОССИИ	161
Е.А. Пащенко	
РЕАЛИЗАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ В ФОРМИРОВАНИИ ПРИЗНАКОВ СУБЪЕКТОВ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ	170
ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ	175

CONTENTS

<i>THE PROBLEMS OF THE THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE</i>	9
<i>Krakovskiy K. P.</i> JEREMY BENTHAM AND THE JUDICIAL REFORM OF 1864 IN RUSSIA	9
<i>Shatkovskaya T.V., Feodorova M.KH.,</i> THE FIRST CODIFICATION OF RUSSIAN POSITIVE LAW: TO THE ANNIVERSARY OF THE SUDEBNIK OF 1550	21
<i>Filimonova E. A., Izyumskaya S. S.</i> ON THE INFLUENCE OF LEGAL TECHNOLOGY AND SPEECH CULTURE OF LAWYERS OF THE XXI CENTURY ON THE STATE OF LEGALITY	31
<i>Danilov A. G.</i> CAN WE TRUST PRIVATE SOURCES DATED BACK TO THE EARLY 1900S?	37
<i>Bzhania V. V.</i> INSTITUTE OF PARLIAMENTARISM OF THE REPUBLIC OF ABKHAZIA	48
<i>Saraev N. V., Babunidze A. B.</i> HISTORICAL, LEGAL AND INSTITUTIONAL ASPECTS DEVELOPMENT OF THE PROSECUTOR'S OFFICE IN THE RUSSIAN FEDERATION	54
<i>PROBLEMS OF CONSTITUTIONAL AND ADMINISTRATIVE LAW</i>	59
<i>Baranov P.P.</i> POLITICAL AND LEGAL RESULTS OF THE 2020 CONSTITUTIONAL REFORM IN RUSSIA	59
<i>Chervinskaya A. P.</i> PERSONNEL POWERS AS A CRITERION FOR DIFFERENTIATING THE SUBORDINATE COMPETENCE OF THE CHAMBERS OF PARLIAMENT IN RUSSIA AND ABROAD	69
<i>PROBLEMS OF CIVIL, BUSINESS, FOREST AND LAND LAW</i>	76
<i>Battakhov P. P.</i> LEGAL REGULATION OF SOCIAL ENTREPRENEURSHIP IN THE FIELD OF INTELLECTUAL PROPERTY	76
<i>Chebonyan T. G., Zakirova S. A.</i> FEATURES OF LEGAL REGULATION OF PURCHASE AND SALE OF RESIDENTIAL PREMISES	83
<i>Rodina M. E.</i> PRIVATE OWNERSHIP OF FOREST ON AGRICULTURAL LAND IN THE RUSSIAN FEDERATION – TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF CIVIL, LAND AND FOREST LEGIS- LATION	90
<i>PROBLEMS OF PROCEDURE LAW</i>	103
<i>Lyakhov Y. A.</i> THE ACTUAL PHILOSOPHY OF JUDICIAL ENFORCEMENT	103
<i>Millerov E. V.</i> JUDICIAL ETHICS: ISSUES OF LEGAL REGULATION AND DISCIPLINARY PRACTICE	109
<i>Malina M. A.</i> PARTICIPATION OF THE POPULATION IN THE EXECUTION OF THE SENTENCE IN THE CRIMINAL PROCEEDINGS OF THE RUSSIAN FEDERATION	119

Nazarov S.N.	
FUNKCII PROKURATURY: PROBLEMY TEORETICHESKOGO OBOSNOVANIYA	128
Khomenko S. M.	
ESSENCE, GOALS AND OBJECTIVES OF THE PROSECUTOR'S SURVEILLANCE ON COMPLIANCE WITH THE LAWS ON MINORS	135
Grinko S. D.	
REVIEW OF CASES BY THE JURY TRIAL AS A PROBLEM OF RUSSIAN JUSTICE AND COMBATING CRIME	144
PROBLEMS OF CRIMINAL LAW	154
Altukhov S. A., Shiryaev A. S.	
TRENDS IN CRIME AND PROBLEMS OF COUNTERING IT IN THE CONTEXT OF THE CRISIS AND "SANCTIONS" PRESSURE	154
Ivneva E. V., Knyazkova M. G.	
ON THE ISSUE OF CRIMINAL LIABILITY FOR FRAUD AND SOME OF ITS TYPES IN RUSSIA	161
Pashenko E. A.	
THE IMPLEMENTATION OF CRIMINAL POLICY IN THE FORMATION OF SIGNS OF SUBJECTS OF CRIMINAL RESPONSIBILITY	170
REQUIREMENTS TO REGISTRATION OF ARTICLES	175

ИЕРЕМИЯ БЕНТАМ И СУДЕБНАЯ РЕФОРМА 1864 Г. В РОССИИ

Краковский Константин Петрович доктор юридических наук, профессор кафедры государственного управления Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. (119606, Россия, г. Москва, пр. Вернадского, 84).
E-mail: kp.krakovskiy@migsu.ru

Аннотация

В статье рассмотрены вопросы влияния идей И. Бентама, изложенных им в трактате «О судостроительстве» на творцов судебной реформы 1864 г. в России. Автор делит идеи и предложения Бентама, касающиеся суда на три группы: отвергнутые реформаторами, частично принятые и те, что получили свое закрепление в Судебных уставах 1864 г.

К первой группе относились идеи о единоличном суде, сменяемости судей и избрании всех судей народом, о введении суда присяжных по гражданским делам. К идеям великого английского мыслителя, частично принятым «отцами судебной реформы 1864 г.», относится, в частности, идея о создании механизма отстранения нерадивых судей. Идеи И. Бентама, которые нашли свое место в тексте Судебных уставов 1864 г., - создание институтов присяжных заседателей, адвокатуры, обеспечение высокого жалования судей, гласности судопроизводства, установление оптимального контингента судей и др.

Автор статьи отмечает, что полемика вокруг идей Бентама продолжалась и после того, как Судебные уставы были разработаны и стали законом. Данный историографический феномен еще раз обнаруживает актуальность идей английского мыслителя о суде и судопроизводстве для российской пореформенной действительности. Да и для современного российского суда, находящегося в состоянии вялотекущей судебной реформы с начала 90-х годов прошлого века, ряд идей Бентама не утратил своего значения.

Автор подчеркивает, что несмотря на парадоксальность некоторых идей Бентама о суде, великий английский мыслитель был озабочен высокой идеей: создать проект действительно справедливого суда, заслуживающего доверия народа.

Ключевые слова: *судебная реформа, судоустройство, независимость суда, выборность судей, суд присяжных, гласность судопроизводства, уголовный и гражданский процессы, политический процесс.*

«Бентамиана» (отечественная и зарубежная) столь обширна, что, кажется, нет ни одного сколь-нибудь значащего фрагмента жизни или учения великого англичанина, выдающегося мыслителя, «Законодателя Мира» Иеремии Бентама (Jeremy Bentham), который не привлек бы пристального внимания исследователей. И все же есть одна тема, которая освещена скромнее других: это учение Бентама о суде. К примеру, в самом обширном в отечественной литературе исследовании о великом английском мыслителе, принадлежащем перу П. Покровского, из почти 700 страниц монографии этой сфере творчества Бентама посвящено лишь чуть более десятка.

К. Яневич-Яневский в пространной статье о юридических произведениях Бентама также всего несколько страниц (с. 285-291) посвятил сочинениям Бентама о суде. Впрочем, он сделал важную для нас оговорку: «Не высказал Бентам столько проницательности мысли, столько остроумия, нигде деятельность его не была столь непосредственно практична и применима к жизни, как в области судоустройства и судопроизводства».

Новейшие диссертационные исследования, чутко «схватывающие» научную и иную актуальность, как правило, посвящены неувядающему учению Бентама о праве, но, увы, не его учению о суде.

Интересующее нас ответвление этой «судебно-процессуальной темы» - влияние идей Бентама на «отцов судебной реформы» 1864 г. и вовсе остается в тени. Даже всеведущий «Энциклопедический словарь» Брокгауза и Ефрона посвятил этой теме всего одну фразу: «В начале прошлого царствования (Александра II – К.К.), когда на очередь стали обширные судебные реформы, ... вновь пробудился в нашем обществе интерес к сочинениям Бентама: А. Книрим издал по Дюмону сочинение Бентама “О судоустройстве” (СПб, 1860)» [4].

Прежде чем обратиться непосредственно к анализу названного сочинения Бентама о суде и его влияния на составителей Судебных уставов 1864 г., считаю необходимым сделать небольшое отступление, касающееся «русской темы» в биографии Иеремии Бентама [5].

Судьба Бентама неоднократно пересекалась с судьбой России. Первая его встреча с «холодной и суровой страной» состоялась в 1786-1787 гг., когда он жил в Кременчуге у младшего брата Самуила, служившего у князя Г.И. Потемкина судостроителем. Именно тогда И. Бентам завершил свой знаменитый трактат «Паноптикон» о рациональном, вернее, идеальном устройстве тюрьмы (весьма симптоматично, что именно в России так стремительно взлетели его мысли о тюрьме).

Вторая «встреча» имела место в начале XIX в., когда он за малым не стал «душой» российского «долгостроя» - продолжавшегося на протяжении всего XVIII и начала XIX вв. процесса систематизации национального законодательства. И. Бентам внимательно следил за работой Комиссии по составлению законов и предлагал императору Александру I свою, подчеркнем, *бескорыстную*, помощь в деле кодификации [6]. Однако, опала талантливого и энергичного М.М. Сперанского, в успехе кото-

рого Бентам был уверен и попадание дела систематизации законов в руки барона Г.А. Розенкампа (в письме Александру I Бентам жестко отозвался об этом «радикально неспособном человеке», уверяя, что он, скорее, будет посылать свои советы повелителю Марокко, нежели в Комиссию, во главе которой стоит барон Розенкамп) отвратило его от этой затеи.

И все же не могу удержаться от соблазна привести отрывок из письма И. Бентама императору Александру I, касающийся подготовки российского уголовного кодекса (май, 1814 г.). Ссылаясь на свои 66 лет (почтенный возраст) и напечатанную в 1805 г. на русском языке его «Теорию гражданских и уголовных законов», Бентам писал, что после этого сочинения появились французский и баварский гражданские кодексы – хорошие, на взгляд Бентама, но они оба взяли за свое основание не его теорию, а римское право. По мнению Бентама, Россия не нуждается в таком «балласте»: «В организме человеческого рода есть некоторые черты, встречающиеся всегда и везде, другие же переменяются с переменой места и времени. Я обратил преимущественное внимание на последние. Особенности России я знаю по опыту. Я провел в ее границах два года моей жизни, наиболее посвященные наблюдениям. Мы видели уже довольно кодексов по французскому образцу. Прикажите, Государь, и Россия произведет *образец из самой себя* (курсив мой – К.К.). Пусть судит тогда о нем Европа». Действительно, стране нужно жить своим юридическим умом; мысль не утратила своей актуальности по сей день.

Увы, Бентам показался царю и тогдашним нашим консерваторам избыточно радикальным, и первый русский «УК» - Уложение о наказаниях уголовных и исправительных – появится только в 1845 г., в значительной степени, благодаря усилиям М.М. Сперанского, искреннего почитателя идей и талантов английского мыслителя, и которого, как говорилось выше, и сам Бентам считал чрезвычайно умным и талантливым.

Итак, вернемся к «судебной теме». При посещении Петербурга в 1802 г. друг Бентама и издатель его работ француз Э. Дюмон [9] в письме своему английскому другу дал такую характеристику русских юристов: «Если бы Вы знали, что такое здешний адвокат или вообще юрист – Вы бы покраснели за честь своей профессии. А судьи! Вы в Англии не можете себе составить понятия о здешней магистратуре. Я уверен, что через 10 лет все здесь переменится».

Увы, оптимизм Дюмона не оправдался. Лишь спустя 62 года свершилась судебная реформа, создавшая новый суд и условия для появления принципиально нового типа юриста. И произошло это, по нашему убеждению, не без идейного участия И. Бентама, хотя к этому времени его мумифицированное тело, одетое в костюм той эпохи, согласно его завещанию, уже более 30 лет находилось в стеклянном шкафу в фойе Университетского колледжа Лондона (где, кстати, находится по сей день) [11].

В 1860 г., в разгар подготовки судебной реформы был издан на русском языке трактат И. Бентама «О судопроизводстве» [12]. Не сомневаемся, что это было не «дежурное» издание труда великого англичанина, а мероприятие, *специально приуроченное к работе Комиссии по преобразованию судебной части в России*. Симптоматично, что переводчиком этой работы выступил А.А. Книрим, весьма авторитетный

член Комиссии и большой поклонник идей Бентама, как, кстати, сказать, и главный «мотор» этой же Комиссии С.И. Зарудный.

Несколько слов следует сказать о весьма сложной, даже захватывающей истории этой, как, впрочем, и многих других, работы великого англичанина.

Как известно, Бентам откликнулся на события *мирового масштаба* – это был его уровень. Так, не мог он остаться безучастным и к Великой Французской революции. На одном из первых заседаний Учредительного собрания Франции был поставлен вопрос о преобразовании суда. Был образован комитет, состоящий преимущественно из адвокатов и судей, который и разработал проект судебной реформы, носящий эклектичный характер: соединил старые институты и принципы суда с новыми. Бентам, ознакомившись с этим проектом, как отмечали исследователи его жизни и творчества, пришел в негодование: множество судов, многочисленный состав, много инстанций, недопущение гласности в гражданских делах, излишние формальности..., т.е. все, что претило его представлениям о справедливом и совершенном суде. Он решил представить разбор этого проекта Учредительному собранию.

В парижском журнале «*Courrier de Province*», который издавал Мирабо, Бентам опубликовал четыре статьи в опровержение проекта комитета Учредительного собрания. Однако он не ограничился критикой этого проекта, а написал тогда же (1789-1790 гг.) свой собственный проект под названием «*Draught of a Code for the organisation of the Judicial Establishment in France*» (Очерк Кодекса для организации системы судебных учреждений Франции). Впервые он был опубликован в 1790 году. Бентам надеялся убедить Учредительное собрание принять его, бентамовский, проект нового судостроительства и судопроизводства; однако, несмотря на то, что проект нашел немало сторонников, как в Англии, так и во Франции, он был отклонен.

Неудача не ослабила его творческий порыв, он продолжил работу и вскоре напечатал его в таком виде: это были два столбца – в одном он поместил текст своего проекта, а в другом свои замечания и разъяснения (на английском языке) [1].

В 1802 году Дюмон подготовил и издал трехтомник сочинений Бентама на французском языке. В 3-м томе был помещен переведенный на французский язык вышеназванный труд английского мыслителя (впрочем, издатель опубликовал не проект, отвергнутый Учредительным собранием, а только замечания Бентама, причем заменил форму их изложения, более того, прибавил много своих замечаний – Бентам не возражал!) под названием «*L'organisation judiciaire et de la Codification*» (Т. 3. С. 1-126). В 1828 году Дюмон выпускает в свет второе издание этого сочинения Бентама (на французском языке), но русский перевод 1860 года делали с издания 1802 г.

Интересно, что, публикуя перевод на русский язык этой работы Бентама, редакция «Журнала Министерства юстиции», признавая, что перед ней выдающееся произведение, оговаривалась, что она «не имела в виду придавать этому сочинению значения проекта, применение которого было бы удобно для какого-нибудь государства. Напротив, многие из предложений Бентама..., при несомненном достоинстве их в теоретическом отношении, являются смелыми предположениями, могущими существовать только в идее. Даже законодательства государств Западной Европы

признали проект Бентама неосуществимым и удержались на прежних началах, диаметрально противоположных предложениям знаменитого юриста».

Симптоматично, что из оригинала трактата, по цензурным соображениям была исключена третья глава, в которой шла речь о том, во имя кого должно осуществляться правосудие, и развивался тезис, что правосудие не должно отправлять ни во имя монарха, ни какого-либо другого лица, а во имя самого правосудия. Это легко объяснимо: все же Россия была в то время абсолютной монархией и подобные вольные заявления были тогда неприемлемы для режима.

Работа И. Бентама «О судеустройстве» получила в России ряд весьма благожелательных откликов, в том числе не только от либеральных юристов, что легко объяснимо, но и от представителей левого крыла русской общественно-политической мысли, в частности Н.Г. Чернышевского, положительно оценившего книгу и особенно горячо поддержавшего идею введения в России суда присяжных. Поклонником идей Бентама был Петр Ткачев (будущий основатель и идеолог «заговорщицкого» направления в революционном народничестве), в то время (1861 г.) он был исключен с 1 курса юридического факультета Петербургского университета за участие в студенческих волнениях, что не помешало ему в период с 1862 по 1866 г. помещать в журналах научные статьи и рецензии (!) по проблемам суда. Он поддерживал идеи, в духе Бентама, в частности, о необходимости введения в России мировой юстиции, адвокатуры.

Когда в 1867 г. вышел первый (к сожалению, единственный) том из задуманного трехтомника избранных сочинений Бентама на русском языке, «Вестник Европы», одобрительно отозвавшийся о выходе книги, напомнил, что *судебная реформа*, объявленная тремя годами ранее, оживила интерес к вопросам гражданского и уголовного права, поэтому нужно обратиться к корням нашего законодательства, а «*для этого полезен Бентам*».

Сопоставление организации и принципов функционирования органов судебной власти, изложенных в книге И. Бентама, с проектами Комиссии по преобразованию судебной части в России показывает, что часть идей Бентама была отвергнута, некоторые приняты частично, и, наконец, ряд идей нашел свое воплощение в тексте Судебных уставов 20 ноября 1864 г.

У нас нет прямых доказательств, что некоторые идеи *именно Бентама* получили воплощение в тексте Уставов: многие из них были аналогичны тем, что были закреплены в законодательстве о суде ряда европейских стран, которое также использовалось в качестве примера «отцами судебной реформы». Но уверен, что авторитет И. Бентама и его идей не мог остаться без их внимания, тем более, что и в постреформенной литературе, посвященной именно судебной реформе 1864 г., можно было встретить немало откликов, полемики в связи с идеями Бентама, о чем мы скажем ниже.

Идеи Бентама, отвергнутые «отцами судебной реформы»

Часть идей, высказанных Бентамом в трактате «О судеустройстве», не была принята «отцами судебной реформы», причем именно на них обращали внимание российские авторы в пореформенные годы, в отличие от Бентама, уже знавшие, что закреплено в Судебных уставах: это, разумеется, облегчало задачу критиков. Так, И. Бентам настаивал на *сменяемости судей* и, в качестве гарантии от их злоупотреблений, *избрании их народом*. Важна аргументация Бентама: судья должен приобрести общественное доверие. «Недостаточно, чтобы судья был справедлив, необходимо, чтобы его считали справедливым», - утверждал Бентам. Эта система, по его мнению, заставит судей дорожить качествами, снискивающими всеобщую любовь: приветливостью, терпением, ровным общением, которые весьма редко встречаются между судьями. (От себя заметим, что прозорливость великого философа и юриста позволила ему заглянуть в далекое будущее российской Фемиды). Важно упомянуть, что Бентам был озабочен созданием гарантий справедливости судей. Он видел ее как в праве общества выбирать судей, так и в естественном праве смещать их.

Следующая идея – *единоличный судья*. Бентам представил целую систему аргументов, не потерявших, на наш взгляд, свою актуальность, в пользу рассмотрения дел единоличным судьей. Приведем пример аргументации в пользу этого предложения Бентама и опровержение его идеи российским оппонентом. Таблица позволяет легче сравнивать весомость аргументов и контраргументов.

Честность судьи зависит от его ответственности перед общественным мнением и перед законом – очевидно, что коллегиальная форма ослабляет ответственность пропорционально количеству судей (единоличный судья – очень внимателен, в коллегии судья может укрыться за спинами коллегии. Можно создать процессуальные гарантии, при которых никто из членов коллегии не мог бы сказать – приговор не мой, я тут не при чем; в английском праве – каждый судья публично подает свой голос.

Единоличный судья обязан считаться с общественным мнением больше, чем коллегия. Суд не должен подчиняться общественному мнению, должен быть независимым. И коллегии легче проявить независимость, чем одному человеку.

Коллегиальная форма дает больше простора для подкупа судей, для влияния на них, чем единоличного судью.

Считает это утверждение вообще голословным – легче подкупить одного.

Огромное большинство дела просты, несложны, не будет расхождения мнений.

Сложность, несложность - понятия относительные; лучше коллегией обсуждать нюансы дела (обмен мнений полезен).

Практика показывает, что в коллегиях дело обычно решается одним судьей (председателем или докладчиком) – остальные по лености или беспечности – пассивны, но санкционируют своим присутствием авторитет председателя. Коллегия сдерживает председателя от злоупотреблений.

Внимание и усердие людей ослабевает, когда они рассчитывают один на другого - отсюда возможность ошибок. Утомление и ослабление внимания – зависит не от коллегиальной формы – тут другие причины (процессуальные дефекты, обременение суда работой).

Коллегиальная форма влечет медленность и сложность производства – это плохо для правосудия.

Да, единолично решает быстрее, но суд в принципе отличается от административной процедуры медленностью и сложностью; но соблюдение обрядов правосудия – ценность его. А убыстрения можно добиваться иными средствами (улучшенные следствия, процессуальные улучшения).

Единоличная форма дает возможность привлекать в судейские кресла наиболее талантливых, и высоко оплачивать их труд. Страна никогда не истощает от талантливых людей, дешевый суд – плохой суд. А плохой суд – плохие финансы.

Полагаем, что разумные аргументы представлены обоими оппонентами.

В Судебных уставах Комиссия оставила единоличным судьей был только мирового судью. В общих судах была сохранена коллегиальность. Пройдет 150 лет и России вернется к преимущественно единоличной форме рассмотрения дел. Так-ли уж неправ был Бентам?

Еще одна идея, не получившая поддержки в Комиссии – создание *суда присяжных по гражданским делам*, правда, не в первой, а в апелляционной инстанции. Несомненно, здесь сыграла свою роль приверженность английского юриста правовым традициям семьи общего права; в континентальной правовой семье эта судебная форма не получила поддержки. Не приняли ее и «отцы судебной реформы», ограничившись для суда присяжных уголовным процессом. В современной российской юридической науке слышны призывы к созданию этой судебной формы.

Трудно поверить, но Бентам высказывался в пользу введения в судопроизводство даже таких институтов, как *«общественные обвинители»* и *«общественные защитники»*. Идея, разумеется, не могла рассчитывать на право на жизнь в условиях абсолютной монархии, но, как хорошо известно, была подхвачена в советский период.

Даже внешняя обстановка в суде была предметом внимания Бентама. По его мнению, в судебном процессе все должно быть красиво и величественно. Разумеется, в качестве одного из таких атрибутов он советовал, разумеется, по примеру английского судопроизводства, ввести мантию для всех судей. «Отцы судебной реформы» пропустили этот совет, и им воспользовались судьи лишь в постсоветской России.

Идеи Бентама, частично принятые в 1864 г.

Частично была воспринята идея Бентама о *выборности судей* – она была распространена только на мировых судей, и то лишь в губерниях «коренной России» (центральные великорусские губернии). В национальных районах, Сибири мировые судьи назначались правительством.

Благая мысль Бентама о необходимости и возможности *отстранять нерадивых судей*: он полагал, что «причины, ослабляющие общественное доверие, бывают часто таковы, что не допускают никакого иного средства, как отставка; сама возможность отставки может иметь благотворное влияние и без применения к делу», – не была воплощена в Судебных уставах. Они предусматривали ответственность и отстранение судей лишь в случае совершения преступления; во всех остальных случаях «нерадения» применялись лишь слабые формы дисциплинарной ответственности.

Только в 1885 г. было создано Высшее дисциплинарное присутствие Сената, наделенной правом перемещения и даже отстранения судей от должности за разного рода упущения по службе, лишенных признаков преступления. Как и в иных случаях метаморфоз «благих идей», этот механизм был использован Министерством юстиции для устранения неугодных судей, прежде всего, по политическим мотивам.

Бентам был принципиальным *противником «специальных судов»*, которым подсудны определенные категории дел. «Создавая специальные суды, вы создаете новую науку, воздвигая лабиринт на пути к правосудию», - настаивал он. Впрочем, он допускал существование военных, духовных, корабельных (на купеческих кораблях), судов в представительных собраниях, обеспечивающих порядок во время заседания.

В России не удержались: хотя в первоначальных обсуждениях о подсудности дел о государственных преступлениях планировалось передать их на рассмотрение суда присяжных, возобладала консервативная точка зрения и уже в Судебных уставах, в «дополнение» к допускаемым Бентамом видам спецсудов (военные, церковные, «народные» суды обычного права), предусматривалось создание Верховного уголовного суда для особо важных дел о государственных преступлениях. Позднее (1872 г.) в «пару» к нему было образовано Особое присутствие Правительствующего сената для рассмотрения политических дел. Анализ производства политических дел в этих двух названных инстанциях лишней раз доказывает правоту великого англичанина в вопросе о недопустимости «спецсудов».

Идеи Бентама, воплощенные в Судебных уставах 1864 г.

Идеи *утилитаризма*, применительно к реформе юстиции, проповедуемые Бентамом, *с пользой* были восприняты создателями Судебных уставов, ибо, как и великий англичанин, они исходили из необходимости создания «суда скорого, правого, милостивого и равного для всех». И в документах их обсуждения мы не раз найдем отблеск идеи Бентама о важности обеспечения доверия общества к суду. Именно забота о последнем обусловила появление совершенно новых для России, но уже давно прижившихся в то время в западноевропейском судопроизводстве форм и принципов.

Прежде всего, следует сказать *о суде присяжных*, хотя сразу оговоримся, что Бентам, выражая скептицизм по поводу этой судебной формы, все же находил в нем и ряд преимуществ. Он называл условия – гарантии от несправедливостей деятельности суда присяжных по уголовным делам:

1. использовать жребий при выборе присяжных и безмотивный отвод;
2. временность обязанностей присяжных;
3. чтобы присяжные не назначались судьями или лицами от них зависящими.

Все эти условия нашли свое место в Судебных уставах.

Бентам был последовательным и стойким сторонником *гласности судопроизводства*. «По моему мнению, - писал он, - гласность в судах равносильна всем прочим мерам предосторожности, взятым вместе». Он даже вносил конкретное предложение о том, чтобы залы судебных заседаний вмещали 200-300 чел. Не меньшую роль он отводил и печати, которая должна была доставлять обществу обширную информа-

цию о судебных процессах. Еще одно «ответвление гласности» Бентам видел в том, что судьи должны были в обязательном порядке приводить основания своих решений и доводить до публики, отступления от этого правила он считал неуместным.

К сожалению, в пореформенной России принцип гласности судопроизводства, закрепленный в Уставах 1864 г., подвергся серьезной коррозии, прежде всего, когда это касалось политических или иных резонансных процессов. Информация о процессах в печати (также в части политических процессов) была значительно сужена уже в 70-е годы XIX в.: печатались только резолюции судов, если процесс прошел при закрытых дверях.

Коснулся Бентам и ряда конкретных проблем организации работы судей. Он обосновал подход к решению вопроса об оптимальном *количестве судей*, которое должно было устанавливаться в соответствии с «географическим принципом»: т.е. должно было соотноситься с пространством судебных округов и количеством проживавших там людей, отвлекаясь от каких-либо посторонних соображений, как, например, административное деление государства.

«Отцы судебной реформы» целиком «выполнили» эти «ценные указания» великого англичанина. Они собрали точную статистику о территориях России, числе жителей, и создали судебные округа, не совпадающие с территориальным делением государства (последнее стало еще и важной гарантией независимости суда).

Восприняли создатели Судебных уставов и идею Бентама о *несовместимости судейской и иной профессии*: противоположное, по мнению Бентама создавало опасность для честности и хорошей репутации судьи, так как в таком случае у судьи возникали иные связи – источник пристрастия, вследствие чего ослаблялось бы доверие общества к суду.

Недопустимость для судьи заниматься бизнесом должна была компенсироваться достаточно *высоким жалованием*, причем поступающим исключительно из государственной казны, считал Бентам. Дешевое правосудие может дорого обойтись народу. Надо отдать должное «отцам судебной реформы», которые с честью выполнили завет великого мыслителя: жалование судей российских судов, установленное в 1864 г., уступало лишь зарплатам английских судей, но в 2-4 раза превышало содержание судей в странах континентальной Европы (Франции, Италии и др.).

Впрочем, не следует забывать в данном контексте важную оговорку Бентама: как бы не увеличивали содержание судьи, это не составит еще достаточной гарантии его справедливости и беспристрастия. «Гласность, право апелляции, сознание судьей важности своего призвания – вот истинное ручательство его хорошего образа действий», - настаивал Бентам.

Важным условием успешности судейской карьеры видел Бентам *постепенное повышение статуса* судьи, переход его в вышестоящие суды по мере роста его опыта (он проводил здесь аналогию с ростом званий и чинов в армии). Это положение также нашло отклик у создателей Судебных уставов, установивших требования к продолжительности стажа на каждой ступеньке судебной иерархии.

Бентам уделил внимание даже, казалось бы, деталям процесса, как например, обязанность (в качестве гарантии против пристрастия судей) публичного объявления судьей о наличии у него какого-либо интереса в процессе, которое должно было служить основанием отвода.

И, конечно, нельзя пройти мимо пространных рассуждений Бентама о важной роли института *адвокатуры* («адвокат – помощник судьи в поиске истины») в судебном процессе. Как известно, долгое время российское самодержавие рассматривало адвокатскую профессию как весьма порочную, питало к ней какое-то органическое предубеждение. Тем не менее, одним из значимых нововведений судебной реформы 1864 г. стало введение в России адвокатуры. Несомненно, что одним из аргументов, вдохновивших создателей Судебных уставов в пользу создания адвокатуры, было мнение Иеремии Бентама.

Полемика после судебной реформы 1864 г.

Хотелось бы обратить внимание на то, что полемика вокруг идей Бентама об основах устройства и деятельности суда не утихла и после того, как Судебные уставы стали законом 20 ноября 1864 г.

М.А. Филиппов, автор *первого* исследования о судебной реформе 1864 г., полемизирует с рядом предложений И. Бентама об организации суда, высказанных им в трактате «О судоустройстве». Он пренебрег чрезвычайно тонким этическим принципом, которому следовал всю свою жизнь один из самых горячих полемистов в историко-правовой науке России М.Ф. Владимирский-Буданов. Он мог очень резко спорить с тем, чьи воззрения на тот или иной предмет науки он не разделял. Но он прекращал всякую полемику после смерти оппонента по простой, но веской причине: оппонент не мог ему ответить.

По всему тексту своей крупной монографии М.А. Филиппов разбросал полемику с И. Бентамом по всем более или менее принципиальным вопросам организации и деятельности суда, высказанные английским мыслителем в трактате «О судопроизводстве». Так он критиковал идеи Бентама, касавшиеся принципа сменяемости судей, порядка назначения судей, права судей занимать общественные должности, оплаты судебных издержек и расходов судебного ведомства, судебной карьеры, деятельности военных судов, единоличности суда.

Впоследствии в эту полемику с Бентамом по вопросу о единоличном или коллегиальном составе суда включился и профессор Томского университета И.В. Михайловский. Аргументы Бентама в пользу коллегиальности суда приводит, но не разбирает, а лишь констатирует, что их не принял законодатель в 1864 г., И.Я. Фойницкий.

Можно по-разному относиться к такого рода «заочной» полемике с умершим мыслителем, но само ее существование показывает, что идеи великого английского мыслителя Иеремии Бентама по-прежнему находились в центре интеллектуальной жизни юридического мира России. Это неудивительно, ибо он, Бентам, высказывая подчас даже парадоксальные идеи и предложения, имел перед собой цель создания честного, справедливого суда, заслуживающего доверие населения, в них не было никакой политической конъюнктуры; аналогичные мысли не покидали русскую

юридическую интеллектуальную элиту весь пореформенный и позднеимперский период.

Для судьи, полагал Бентам, честность даже важнее, чем независимость; судья должен быть, всегда оставаться «служителем закона, служителем общества». Он рассматривал суд в качестве средства для сообщения законам действительности; а потому верность судей закону есть первая их обязанность. На законы полагают граждане свои надежды, и, если судебные решения соответствуют этим надеждам, в результате будет общественное доверие суду. Если суммировать представление Бентама об идеальном судопроизводстве, то оно должно было бы выглядеть следующим: хорошо образованный испытанной нравственности судья должен решать дела, руководствуясь принципами естественного судопроизводства и находясь под энергичным и неусыпным контролем представителей общественного мнения, причем последние должны быть, конечно, снабжены достаточными средствами для контроля.

Близко к этому «стандарту» преобразовали русский суд в 1864 г. Иными словами, ряд идей и предложений, высказанных Иеремией Бентамом для революционной Франции, был там отвергнут, но оказался принятым в абсолютистской России в 1864 г.

Увы, судебная власть и ее институты, принципы и формы, созданные тогда, подверглись коррозии. Уже в 1868 г. одного из «отцов судебной реформы», министра юстиции Д.Н. Замятина сменил К.И. фон дер Пален, первый из российских глав судебного ведомства юрист по образованию, но из «административных» - бывший губернатор Псковской области. Именно он начал поход за «бюрократизацию» нового суда. Идеалом для него, по признанию современников, был «суд, который решал бы по приказанию начальства». Преемники Палена (Н.А. Манассеин, которому, по свидетельству А.А. Половцова, «при назначении объявили о необходимости уничтожить Судебные уставы», Н.В. Муравьев, по определению самого царя Александра III, «юрист, который понимает все, что есть неуместного и подлежащего отмене в судебных порядках») действовали в том же направлении, пока И.Г. Щегловитов (министр юстиции в 1906-1915 гг.) вообще породил уродливое судопроизводство, получившее прозвище «щегловитовская юстиция», очевидный антипод «бентамовской юстиции».

Подводя итоги, следует сказать, что примечательной чертой анализируемого выше, как и многих других сочинений Иеремии Бентама – стремление создать справедливый суд на самых лучших основаниях. Наблюдая вялотекущую судебную реформу в современной России, так и хочется воскликнуть (немного перефразируя Ломоносова): «Неужели “не может собственных Платонов и быстрых разумом... Бентамов российская земля рождать”?!» ...

Литература

1. Бентам И. О судостроительстве. СПб, 1860.
2. Bentham J. Draught of a Code for the organisation of the Judicial Establishment in France// The Works of Jeremy Bentham published under superintendence of his executor John Bowring. In XI vols. Edinburg. MDCCCXLIII. Vol. IV. P. 285-406.
3. Айзенштат М.П. Иеремия Бентам и Россия // Европа и Россия: Дипломатия и культура. М.: Наука, 1995. С. 161-170.

4. Виленский Б.В. Судебная реформа и контрреформа в России. Саратов, 1969.
 5. Казанцев С.М. История царской прокуратуры. СПб, 1993.
 6. Лонская С.В. Очерки истории мировой юстиции Российской империи (1864-1917 гг.). М.: Юрлитинформ, 2013.
 7. Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю. Судебная власть в России: история, документы. В 6 тт. Т. 3. От Свода Законов к судебной реформе 1864 г. М.: Мысль, 2003 (отв. редактор тома А.В. Наумов).
 8. Савюк Л.К. Портреты ученых-юристов: Иеремия Бентам // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2012. № 4. С. 19-38.
 9. Сейдеметова Р.Е. Государственно-правовые взгляды И. Бентама, Б. Констана, Л. Фон Штейна: историко-правовой анализ. Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011.
 10. Blamires C. The French Revolution and the Creation of Benthamism. London: Palgrave. 2008.
 11. Christie Ian R. The Bentham's in Russia 1780-1891. Oxford, 1993.
 12. Lieberman D. Bentham's Democracy // Oxford Journal of Legal Studies, 2008, 28 (3): p. 605-626.
 13. Long D. G. Bentham on Liberty: Jeremy Bentham's Idea of Liberty in Relation to his Utilitarianism. Toronto: University of Toronto Press. 1977.
 14. Postema G. J. Bentham and the Common Law Tradition, Oxford: Clarendon. 1989.
 15. Quinn M. A Failure to Reconcile the Irreconcilable? Security, Subsistence and Equality in Bentham's Writings on the Civil Code and on the Poor Laws //History of Political Thought. 2008. 29 (2). P. 320-343.
 16. Resnik J. Bring back Bentham: 'open courts,' 'terror trials,' and public sphere(s) // Law, Ethics, Human Rights. 2011. № 5 (1). P. 1-69.
-

K. P. Krakovskiy, Doctor of Law sciences, professor of the Chair of State Science of the Institute of State Service and Management, Russian Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA) at the President of Russian Federation

E-mail: kp.krakovskiy@migsu.ru

JEREMY BENTHAM AND THE JUDICIAL REFORM OF 1864 IN RUSSIA

The article deals with the influence of the ideas of J. Bentham, set out in his treatise "On the judicial establishment" on the creators of the judicial reform of 1864 in Russia. The author divides the ideas and suggestions of Jeremy Bentham, concerning the court into three groups: reformers rejected, partially accepted, and those, which were enshrined in the Judicial Statutes of 1864.

The first group included the ideas of a single court, the replacement of judges and the election of all judges by the people, the introduction of a jury in civil cases. The ideas of the great English thinker, partially adopted by the "fathers of judicial reform of 1864", include, in particular, the idea of creating a mechanism for the removal of negligent judges. The ideas of I. Bentham, which found their place in the text of the Judicial Statutes of 1864, - the creation of institutions of jury, lawyers, ensuring high salaries of judges, transparency of the proceedings, the establishment of the optimal contingent of judges, etc.

The author notes that the debate over the ideas of Bentham continued after the Judicial Statutes were created and became law. This historiographical phenomenon once again reveals the relevance of the ideas of the great English thinker about court and legal proceedings for the Russian post-reform reality. And for the modern Russian court, which is in a state of sluggish judicial re-

form since the early 90-ies of the last century, a number of ideas of Bentham has not lost its importance.

The author emphasizes that despite the paradox of some of the Bentham's ideas about court, the great English thinker was concerned about the high idea: to create a project do a fair trial, credible people.

Key words: *judicial reform, judicial system, independence of the court, election of judges, jury, publicity of proceedings, criminal and civil proceedings, political trial.*

References

1. Bentam I. O sudoustrojstve. SPb, 1860.
2. Bentham J. Draught of a Code for the organisation of the Judicial Establishment in France // The Works of Jeremy Bentham published under superintendence of his executor John Bowring. In XI vols. Edinburg. MDCCCXLIII. Vol. IV. R. 285-406.
3. Ajzenshtat M.P. Ieremiya Bentam i Rossiya // Evropa i Rossiya: Diplomatija i kul'tura. M.: Nauka, 1995. S. 161-170.
4. Vilenskij B.V. Sudebnaya reforma i kontrreforma v Rossii. Saratov, 1969.
5. Kazancev S.M. Istoriya carskoj prokuratury. SPb, 1993.
6. Lonskaya S.V. Oчерки istorii mirovoj yusticii Rossijskoj imperii (1864-1917 gg.). M.: YUrlitinform, 2013.
7. Kutafin O.E., Lebedev V.M., Semigin G.YU. Sudebnaya vlast' v Rossii: istoriya, dokumenty. V 6 tt. T. 3. Ot Svoda Zakonov k sudebnoj reforme 1864 g. M.: Mysl', 2003 (otv. redaktor toma A.V. Naumov).
8. Savyuk L.K. Portrety uchenyh-yuristov: Ieremiya Bentam // Pravo. Zhurnal Vysšej shkoly ekonomiki. 2012. № 4. S. 19-38.
9. Sejdemetova R.E. Gosudarstvenno-pravovye vzglyady I. Bentama, B. Konstana, L. Fon SHtejna: istoriko-pravovoj analiz. Dis. ... kand. jurid. nauk. Saratov, 2011.
10. Blamires C. The French Revolution and the Creation of Benthamism. London: Palgrave. 2008.
11. Christie Ian R. The Benthams in Russia 1780-1891. Oxford, 1993.
12. Lieberman D. Bentham's Democracy // Oxford Journal of Legal Studies, 2008, 28 (3): r. 605-626.
13. Long D. G. Bentham on Liberty: Jeremy Bentham's Idea of Liberty in Relation to his Utilitarianism. Toronto: University of Toronto Press. 1977.
14. Postema G. J. Bentham and the Common Law Tradition, Oxford: Clarendon. 1989.
15. Quinn M. A Failure to Reconcile the Irreconcilable? Security, Subsistence and Equality in Bentham's Writings on the Civil Code and on the Poor Laws // History of Political Thought. 2008. 29 (2). R. 320-343.
16. Resnik J. Bring back Bentham: 'open courts,' 'terror trials,' and public sphere(s) // Law, Ethics, Human Rights. 2011. № 5 (1). R. 1-69.

**ПЕРВАЯ КОДИФИКАЦИЯ РОССИЙСКОГО ПОЗИТИВНОГО ПРАВА:
К ЮБИЛЕЮ СУДЕБНИКА 1550 ГОДА**

- Шатковская Татьяна Владимировна** д.ю.н., профессор кафедры теории и истории права и государства Южно-Российского института управления – филиала РАНХиГС, профессор кафедры гражданского права РГЭУ (РИНХ).
E-mail: shatkovskaya.tv@gmail.com
- Феодорова Марианна Христефоровна** аспирант Ростовского государственного экономического университета (РИНХ).
E-mail: mari_anna.08.1988@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена первой общерусской кодификации позитивного права, одним из важных результатов которой стал Судебник 1550 г. Авторы доказывают, что Судебник 1550 г. становится точкой разрыва между общепринятым и узаконенным, но не утрачивает связи с правовой традицией. Судебник 1550 г. впервые в истории российского права определил ареол приоритетного действия закона, закрепил принцип монархического властвования, установил приоритет царя на правду как высшую правовую ценность в российском обществе. В итоге централизация и единовластие, приказ на осуществление общегосударственных дел, монополия государства на правосудие и юридическую формализацию правды в закон становятся сущностными основаниями российского средневекового позитивного права.

Ключевые слова: Судебник 1550 г., кодификация, российское право, московские цари, позитивное право, централизованное государство, правовые обычаи, монархия, Московское государство Введение.

Кодификация конца XV в. - середины XVI в. в Московской Руси тесно связана с усилением центральной власти, окончанием периода государственной разобщенности и складыванием новых юридических форм взаимодействия общества и государства. Идейным основанием кодификации стала мифологема о «странствующем царстве», посредством которой из церковного в общественно-политическое сознание русского народа перешла мысль о его богоизбранности.

Управление таким народом мог осуществлять только святой царь, чья миссия и служение несопоставимо с поместными государями и удельными князьями. По точному замечанию В.В. Зеньковского, царская власть стала точкой «встречи исторического бытия с волей Божией», «сочетания начала божественного и человеческого» [1, с.49]. Тем самым монархическую власть осознанно отделили от общества, а точнее поставили над ним. Мудрость царя от Бога, и кто после этого усомнится в правоте государевых постановлений? За справедливость этого «высшего источника правды» царь отвечает только перед Богом.

Миссия особого рода священного служения выразилась и в законодательной деятельности московских царей. Иван IV вслед за Иваном Великим продолжил кодификацию. Она представляла собой вариант официальной средневековой кодификации, нацеленной на выработку юридического фундамента централизованного государства и проведение в нем политических реформ, ориентированных на ликвидацию остатков прежнего административно-управленческого и правового многообразия, а также закрепление иерархического порядка стратификации российского общества.

Цели кодификации обусловили специфику «государевых» судебныхников (Судебник 1497 г., Судебник 1550 г.), которые носили репрессивный, публичный, процессуальный, императивный, общеобязательный характер. Немногочисленные юридические нормы судебныхников впервые имели общегосударственное действие. Судебники нацелены на «огораживание» пространства позитивного права, прежде всего в сфере судоустройства и судопроизводства.

Разработка судебныхников стала первой кодификацией в системе позитивного права. Поэтому сложно согласиться с Н.В. Калачовым в том, что Судебник 1550 г. не содержит норм публичного права [2, с.56]. Напротив, именно нормы гражданского (14 статей) и уголовного (8 статей) права в «стоглавом» Судебнике 1550 г. весьма малочисленны [3, с.3-23].

К феноменам средневекового права с позиций научной строгости сложно применять понятия и категории, выработанные в последующие времена. Эта сложность возрастает в современном научном дискурсе, когда речь идет о понятиях, не имеющих единого значения, а таковых в современной юриспруденции едва ли не большинство [4, с.14-16]. В этой связи возникает вопрос о возможности идентификации процесса создания судебныхников как феномена, относящегося к кодификации.

Не менее важно выяснить, насколько приемлем этот термин, рожденный в эпоху стремительного распространения теории юридического позитивизма на фоне веры в могущество государственных законов к периоду господства правовых обычаев.

В отличие от средневековой Европы, имевшей целый ряд правовых школ, течений и направлений юридической мысли, в Московской Руси конца XV в. - середины XVI в. образованное юридическое сообщество отсутствовало. Как писал Р.Ю. Виппер, «азиатское влияние переплеталось в Москве со старой классической школой, доставшейся великорусским вассалам Золотой Орды в византийской ученой оправе» [5, с.17].

Поэтому мы можем исходить только из лингвистических особенностей понимания юридических терминов в том, числе и понятия «судебник», ставшего на протяжении указанного периода времени общепринятым термином, обозначавшим результат великокняжеского, а затем и царского законотворчества.

Так, в словаре В. Даля под «судебником» понимается устав, книга законов для суда [6, с.356]. При этом судебник, наряду с книгой законов и сводом законов рассматривается и в значении слова «кодекс».

Отсутствие точных юридико-технических критериев для квалификации деятельности по созданию судебныхников как кодификации не делает эту задачу неразрешимой. На основе социологического метода можно установить наличие социальной

потребности в юридической определенности управления Московским государством конца XV в. - середины XVI вв.

Эта потребность в первую очередь была обусловлена отсутствием единообразных источников публичного права, формализующих осуществление административно-судебных полномочий. В условиях децентрализованного управления в период раннефеодального «федерализма», а затем государственной разобщенности правовое регулирование основывалось на устных правовых обычаях, выраженных в ритуалах, обрядах, привычках и других символических формах. Данный способ формализации осуществления управленческих полномочий, имевший локальный характер и местные особенности, не соответствовал новой модели организации государственной власти в Московской Руси. На смену децентрализации пришла централизация, широкое усмотрения кормленщиков и иных «удельных» управленцев уступало место приказу, исходившему от монарха.

Существенный пробел в содержании правовых обычаев и источников церковного права, препятствовавший единообразной организации суда и управления, стал нишей для позитивного права – сферой государственного правотворчества.

Анализируя процесс создания судебныхников, можно определить наличие у них принципиальной основы в виде преемственности в развитии позитивного права, которое не утрачивает и связи с правовой традицией. Борющиеся за абсолютизацию своей власти московские цари, в том числе и методами ликвидации политической оппозиции в лице удельных князей и бояр, в правовой сфере не отказались от признания приоритета сложившихся канонических и обычно-правовых устоев.

Принцип узаконивания общепринятого в полной мере характерен для судебныхников и в некотором смысле новая форма, содержащихся в них норм, не наполняла позитивное право новыми смыслами. Однако судебники придали развитию права направление, необходимое для реализации интересов центральной власти. Из всей совокупности правил поведения, действовавших в обществе, государство выделяет, оформляет, организует и определяет особый социальный авторитет отдельных нормативных положений, включенных в судебники и поставленных тем самым на высшую ступень в иерархии юридических норм.

Можно предположить, что именно судебники становятся точкой разрыва между общепринятым и узаконенным. Именно с этого времени приоритеты обыденного уступают место официально установленному даже, если закон будет противоречить справедливости.

Содержание судебныхников дает представление и о состоянии российского общества, и об уровне государственного управления в Московском государстве. В отличие от европейских кодификаций конца XV в. - середины XVI вв., подготовленных частными кодификациями и инициируемых при активном участии общественности [7, с.128], московские кодификации созданы с целью укрепления авторитета политической власти московских государей, распространившейся в указанный период далеко за пределы границ Московского княжества. Этим и объясняется правовая сфера судебныхников, практически не затрагивающая частного права, а также тот факт, что власть впервые самостоятельно создает новые юридические формы правовых норм, а не ограничивается лишь их упорядочением. Так, в ст.1 Судебника 1550 г. сказано,

что бояре и окольные судят суд царя. Вслед за Судебником 1497 г. «стоглавый» Судебник закрепляет приоритет государственного правосудия, осуществляемого волей царя. Отказ от разбора жалоб «по делу» грозил судье «государевой опалой» (ст.7).

Вместе с тем, следует отметить достаточный уровень политического сознания общества для обеспечения его поддержки, а также наличие общественной заинтересованности в юридической определенности общественно-политического строя, системы государственного управления и правосудия. Все реформы и важнейшие вопросы практической жизни получают направление от высшего духовного авторитета – церковного собора.

Для осуществления этой цели власть пошла, в том числе и на ограничение привилегий боярской аристократии, ограничение ее автономии в сфере административного управления и суда. В этом отношении интересен тот факт, что историки права избрали ст. 98 предметом научной дискуссии о роли Боярской думы в управлении централизованным государством [8, с.195-210]. При этом без внимания остаются статьи, устанавливающие прерогативы, исключительные права царя. Так, целый ряд статей Судебника 1550 г. закрепляет право царя определять меру наказания по собственному усмотрению в каждом конкретном случае, «смотря по человеку» (ст. 25, 44,53 и др.). Такое право не является новацией. Принцип «глядя по человеку» считаем одним из основных принципов обычного права российских крестьян [9, с.15-18] Однако издревле оно принадлежало избранным судьям общественных судов, которые хорошо знали участников процесса и могли выносить решения с учетом личных качеств сторон.

Нормы судебныхников, ограничивавшие властные полномочия удельных князей, наместников и волостелей, центральная власть впоследствии реализовывала путем преодоления политической оппозиции со стороны боярства, применяя при этом репрессивные методы восточной деспотии.

Содержание судебныхников отражает сферу действия позитивного права, которая охватывала судопроизводство, судоустройство. И несмотря на то, что применительно к судебникам можно говорить только об установлении границ, а не обеспечении полноты и определенности правового регулирования, важно то, что впервые в истории русского права был определен ареол приоритетного действия закона, обеспечивающего единообразное выполнение императивных требований власти. При этом вне рамок этого единообразия судебники оставляли простор правовому разнообразию особенно в частном праве.

Отмечая специфику данной кодификации, укажем на то, что в отличие от европейских средневековых кодификаций и более поздних российских кодификаций середины XVII - начала XX вв., вызванных нагромождением юридических предписаний и потребностью их упорядочения («уложения»), рассматриваемая кодификация была нацелена в большей степени на восполнение пробелов, чем систематизацию. Подтверждением тому является тот факт, что свыше $\frac{3}{4}$ норм судебныхников не состояли ни в какой связи с предыдущими юридическими правилами. Нельзя в этом смысле не согласиться с французским социологом П. Бурдьё в том, что кодификация означает и придание формы, и ее создание [10, с.7].

Обладая, общей со средневековыми европейскими кодификациями Нового времени чертой унифицированного единообразия централизованного юридического регулирования, московские кодификации отличаются и по ряду параметров. Так, в основании европейских кодификаций лежало возрожденное римское право. Судебники базируются на запутанных правовых обычаях, судебных прецедентах разных времен, уставных грамотах, нормах византийского канонического права и книгах старых византийских учителей.

Кроме того, проведению официальных кодификаций в Европе предшествовала длительная работа по созданию локальных сборников правовых обычаев. Такая деятельность велась и в русских княжествах. Ее результаты - Русская Правда, позднее Новгородская, Псковская и другие грамоты широко известны. Однако отметим, что в средневековой Европе с XV в. осуществлялось доктринальное переосмысление этих сборников в направлении поиска национального единства обычного права и его синтеза в общегосударственное право. К примеру, над французской доктриной национального права трудились известные средневековые юристы Ш. Дюмулен, Г. Кокий и др.

С юридико-технической точки зрения судебники уступают европейским аналогам, созданным в конце XV в. - середине XVI вв. Поэтому их значение в юридической плоскости выражается в создании краеугольных основ письменного позитивного права, закрепленных от имени верховной власти в общерусском законе. Начиная с Судебника 1497 г., местные грамоты в области государственного управления не могли противоречить судебнику, тем самым складывалась пирамидальная структура системы российского законодательства. Действия по правде и совести заменяются осуществлением созданных верховной властью законов посредством системы подвластных учреждений.

Именно в Судебнике 1550 г. закреплен принцип монархического властвования, который Л.А. Тихомиров опишет как «прерогативу личного действия по совести», а подданные получают право апелляция царя в спорах между собой или законными органами [11, с.9-15]. Следствием реализации данного принципа становятся такие социальные последствия как существенное ограничение возможностей общества в осуществлении правосудия. В сравнении в Псковской судной грамотой, в которой упоминается пять разновидностей судов, из которых только суд князя и посадника можно назвать государственным, судебники оформляют юридическую монополию государства на осуществление правосудия и выстраивают иерархию административно-судебных органов во главе с царем.

Другим социально-правовым последствием становится приоритет царя на правду как высшую правовую ценность в российском обществе. Соответственно инакомыслие, отказ от служения верховной власти, в том числе неповиновение благоверному царю, рассматриваются как государственные преступления. Первой жертвой такого отношения стало боярство, выступавшее ревнителем удельных порядков, управлявшее по принципу кормлений наместничествами, занимавшее по праву местничества высшие государственные должности. По ст. 100 Судебника 1550 г. даже удельные князья лишаются права самостоятельного суда. В частности, в указанной статье они не могли осуществлять сместный суд в делах между великокняжескими

людьми и населением уделов. В том же году Иван Грозный издает приговор о частичной отмене местничества по записям в разрядной книге [12, с.142]

Как писал В.О. Ключевский, в XVI в. Боярская Дума «редко возбуждала вопросы, подлежащие ее обсуждению. Законодательный почин обыкновенно шел снизу или сверху, а не из среды самого совета» [13, с.255]. Власть кормленщиков ограничивается и сверху институтом доклада, и снизу – введением института «лучших людей», то есть установлением надзора и со стороны верховной власти, и со стороны общества. К сожалению, возможности общественного контроля не выходили за пределы права апелляции и обязанности доносительства о действиях наместников центральным властям.

Таким образом, принятие судебныхников 1497 г., и особенно 1550 г., считаем эпохой установления единовластия царской власти в Российском государстве. Рассуждения о том, что судебники являлись феодальными конституциями [14, с.231], предоставлявшими широкие полномочия боярского участия в управлении государством не отвечают критерию научной объективности в отношении как текстов судебныхников, так и последующих событий опричного «беспредела», а также последовавших за принятием Судебника 1550 г. ограничений коллективных прав и свобод формирующихся российских сословий (о личных правах в средневековый период говорить не приходится). К примеру, в отношении боярского сословия вводятся ограничения права местничества, права вотчинного управления и суда, право землевладения связывается с обязанностью государственной службы. По ст. 43 Судебника 1550г. выдачи тарханских грамот отменялась, а прежние грамоты изымались.

Связанные с проведением земской и губной реформы иллюзии сословного представительства и народного участия в управлении в реальности объяснялись намерением верховной власти заменить удельно-вечевые и дворцово-вотчинные институты губными и земскими органами, ведшими общегосударственные дела под надзором центральных органов, и тем самым укрепить царское единовластие. Деятельность губных старост и выборных судей осуществлялась под угрозой личной имущественной и уголовной ответственности, в том числе и смертной казни, а также под ответственность коллектива («мирская» круговая порука). Именно судебники закрепили инфраструктуру для расширения центрального правительства за счет губных и земских учреждений, создав институт целовальников, выборных старост с определенными верховной властью полномочиями. К примеру, по ст. 60 Судебника 1550 г. губным старостам разрешалось судить только «ведомо лихих разбойников». И этот суд следовало осуществлять «по царевым великого князя губным грамотам, что в них написано».

Возвращаясь к разговору о значении судебныхников, отметим, что они заложили централизацию и единовластие, приказ на осуществление общегосударственных дел вместо инициативного местного самоуправления, монополию государства на правосудие и юридическую формализацию правды в закон как сущностные основания российского позитивного права. При всех последующих его модификациях эти начала оставались неизменными. Именно данный подход к «естественности» государственного принуждения, допускающего и легализованное насилие в отношении отдельной личности или социальных групп лежит в основании современного позитив-

ного права. Популярность такого подхода настолько высока, что сегодня многие юристы рассматривают его как некую теоретическую истину.

Для современников понимание этого разворота в развитии российского права, произошедшего после принятия Судебников должно стать важным уроком. Юридическое регулирование следует основывать не на временно-факторной, а на нормативно-идеальной основе. И в этой связи государственная власть обладает несомненной ценностью, наиболее удачно воплощая идею целого, имеющую абсолютный характер. Придание государственной властью своим волеизъявлениям нормативной силы, как справедливо отметил Н.Н. Алексеев, должно исходить из того, что управляемый ею общественный союз – есть единое целое, а юридические предписания предназначены для связывания всех и каждого, устанавливая общие права и обязанности, обладающие ненарушимой силой [15, с.42-43]. Подчинение нормативным установлениям в таком случае рассматривается индивидом не как фактическая неизбежность, а рациональное осознание их необходимости, в силу принадлежности лица к общему целому. И только такой подход является залогом уважительного отношения к праву и его действительности в российском обществе.

Литература

- 1.Зеньковский В.В. История русской философии. – М.: Академический Проект, Раритет, 2001. 800с.
- 2.Калачов Н.В. О Судебнике Царя Иоанна Васильевича // Юридические записки, издаваемые Петром Редкиным, Доктором Прав и Ординарным Профессором Императорского Московского Университета. – М.: В Университетской типографии, 1841. – Том I. – С.56.
- 3.Татищев В.Н. (Сост.) Судебник Государя Царя и Великого Князя Иоанна Васильевича. Издание второе. — М.: Въ Университетской Типографіи Н. Новикова, 1786. 270с.
- 4.Шатковская Т.В., Ларина О.Г. Метод исторической критики в современных юридических исследованиях // Философия права. 2019. №3(90). С.14-19.
- 5.Виппер Р.Ю. Иван Грозный. М., 1922. 116с.
6. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т.IV. М., 1999.
- 7.Кабрияк Р. Кодификации. М.: Статут, 2007. 476с.
- 8.Гальперин Г.Б. К вопросу о форме правления Русского государства XV и первой половины XVI вв. / Г.Б. Гальперин // Вопросы государства и права. – Л., 1958. – С. 195 – 210с.
- 9.Шатковская Т.В. Обычное право российских крестьян второй половины XIX - начала XX века: Монография. Ростов-на-Дону: Издательство АПСН СКНЦ ВШ ЮФУ, 2009. 616с.
- 10.Социоанализ Пьера Бурдьё. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии РАН. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2001. 576с.
- 11.Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М.: Алир, 1998. 672с.

12. Миллюков П.Н. Древнейшая разрядная книга. М., 1901. 314с.

13. Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2005. 831с.

14. Покровский М.Н. Боярство и боярская дума. Русская история с древнейших времен, т. I. Соцэкгиз, 1933. 272с.

15. Алексеев Н.Н. Основы философии права. — СПб.: Издательство «Лань», 1999. 256с

Shatkovskaya Tatiana V. Ph.D. (Doctor of Juridical Science, The Russian Presidential Academy Of National Economy and Public Administration, Professor Rostov State University of Economics (RSUE), e:mail: shatkovskaya.tv@gmail.com

Feodorova M.Kh., graduate student of Rostov State University of Economics (RSUE), e:mail: mari_anna.08.1988@mail.ru

THE FIRST CODIFICATION OF RUSSIAN POSITIVE LAW: TO THE ANNIVERSARY OF THE SUDEBNYK OF 1550

Abstract

The article is devoted to the first all-Russian codification of positive law, one of the important results of which was the Sudebnyk of 1550. The authors argue that the Sudebnyk of 1550 becomes a point of break between the generally accepted and the legalized, but does not lose touch with the legal tradition. The Sudebnyk of 1550 for the first time in the history of Russian law, he defined the areola of the priority action of the law, consolidated the principle of monarchical rule, established the priority of the tsar to the truth as the highest legal value in Russian society. As a result, centralization and autocracy, an order for the implementation of national affairs, the state's monopoly on justice and the legal formalization of truth into law become the essential foundations of Russian medieval positive law.

Keywords: *the Sudebnyk of 1550, codification, Russian law, Moscow tsars, positive law, centralized state, legal customs, monarchy, Moscow state*

References

1. Zen'kovskij V.V. Istoriya russkoj filosofii. – М.: Akademicheskij Proekt, Raritet, 2001. 800s.
2. Kalachov N.V. O Sudebnike Carya Ioanna Vasil'evicha // YUridicheskie zapiski, izdavaemye Petrom Redkinym, Doktorom Prav i Ordinarnym Professorom Imperatorskogo Moskovskogo Universiteta. – М.: V Universitetskoj tipo-grafii, 1841. – Tom I. – S.56.
3. Tatishchev V.N. (Sost.) Sudebnik Gosudarya Carya i Velikogo Knyazya Ioanna Vasil'evicha. Izdanie vtoroe. — М.: V" Universitetskoj Tipografii N. Novikova, 1786. 270s.
4. Shatkovskaya T.V., Larina O.G. Metod istoricheskoy kritiki v sovremennyh yuridicheskikh issledovaniyah // Filosofiya prava. 2019. №3(90). S.14-19.
5. Vipper R.YU. Ivan Groznyj. М., 1922. 116s.

6. Dal' V. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: T.IV. M., 1999.
7. Kabriyak R. Kodifikacii. M.: Statut, 2007. 476s.
8. Gal'perin G.B. K voprosu o forme pravleniya Russkogo gosudarstva XV i pervoj poloviny XVI vv. / G.B. Gal'perin // Voprosy gosudarstva i prava. – L., 1958. – S. 195 – 210s.
9. SHatkovskaya T.V. Obychnoe pravo rossijskih krest'yan vtoroj poloviny XIX - nachala XX veka: Monografiya. Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo APSN SKNC VSH YUFU, 2009. 616s.
10. Socioanaliz P'era Burd'yo. Al'manah Rossijsko-francuzskogo centra sociologii i filosofii Instituta sociologii RAN. M.: Institut eksperimental'noj sociologii; SPb.: Aletejya, 2001. 576s.
11. Tihomirov L.A. Monarhicheskaya gosudarstvennost'. M.: Alir, 1998. 672s.
12. Milyukov P.N. Drevnejshaya razryadnaya kniga. M., 1901. 314s.
13. Klyuchevskij V.O. Russkaya istoriya. Polnyj kurs lekcij. M.: OLMA-PRESS Obrazovanie, 2005. 831s.
14. Pokrovskij M.N. Boyarstvo i boyarskaya дума. Russkaya istoriya s drevnejshih vremen, t. I. Socekgiz, 1933. 272s.
15. Alekseev N.N. Osnovy filosofii prava. — SPb.: Izdatel'stvo «Lan'», 1999. 256s.

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ И РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ ЮРИСТОВ XXI ВЕКА НА СОСТОЯНИЕ ЗАКОННОСТИ

**Филимонова
Елена
Александровна** кандидат юридических наук, доцент кафедры «Теория и история государства и права» факультета «Юридический»,
Донской государственной технической университет
(344010, Россия, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1)
E-mail: lenarnd1008@mail.ru

**Изюмская
Светлана
Сергеевна** кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка и русского языка, Южный федеральный университет (344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42)
E-mail: SVETLANA.DRIGA@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы качества законов и юридической техники. Анализируется влияние юридической техники и речевой культуры на состояние законности. Исследуются языковые ошибки, препятствующие уяснению истинного смысла правового предписания. Подчеркивается значимость качества законов для процесса толкования правовых норм и их реализации.

Ключевые слова: законность, правопорядок, юридическая техника, источники права, толкование права, правовая грамотность, речевая культура.

Законность представляет собою единство принципа, метода и режима соответствия юридической деятельности положениям Конституции Российской Федерации, не противоречащих ей законов, подзаконных актов и иных источников права. В научной литературе при изучении содержания законности [1] принято раскрывать различные его стороны: нормативную, предметную, субъективную. В первую очередь хотелось бы остановиться на нормативной стороне содержания законности, то есть совокупности правовых норм, подлежащих неукоснительной реализации. До сих пор достаточно остро стоит вопрос относительно качества правовых норм, содержащихся в различных источниках права, в частности, законах и подзаконных актах. Именно поэтому юридическая техника – это тот ключевой фактор, от которого зависит качество принимаемых правовых норм [3] и, следовательно, в дальнейшем состояние законности.

Несмотря на высокий уровень разработанности и многообразие исследований проблемы юридической техники, в доктринальной юридической литературе отсутствует единство понимания данного термина. Еще его относят к числу условных и собирательных терминов и рассматривают в широком и узком смыслах [4]. Среди ученых-лингвистов бытует мнение, что язык – часть юридической техники.

Прежде чем ожидать от участников общественных отношений строго и неукоснительного соблюдения действующего законодательства, необходимо добиться высокого уровня юридической и речевой грамотности от субъектов, участвующих в правотворческой деятельности. Это в свою очередь минимизирует потребность в толковании права (уяснении и разъяснении содержания правовых норм). Еще Р. Декарт писал: «Употребляйте правильно слова, и вы избавите мир от половины недоразумений».

Действительно, для соблюдения запретов, исполнения обязанностей и использования своих прав каждому человеку следует уяснить правовые нормы, их истинный смысл. Однако не все обладают высоким уровнем правовой грамотности, поэтому на практике возникают различные сложности, неправильная оценка.

Юристы – это главные «хранители» правил поведения, установленных в государстве, которые обладают регулирующим фактором в процессе взаимодействия людей в социуме.

Осуществляя толкование права, транслируя ключевые для обеспечения правопорядка нормы права, юрист должен уметь их четко, грамотно оформить в различных многочисленных правоприменительных актах, при этом не нарушая правила юридической техники, а также нормы языка, культуру речи.

Кони А.Ф. настойчиво призывал юристов любить и постоянно изучать «святыню своего народа» – его язык. «Пусть не мысль ваша ищет слова... пусть, напротив, слова покорно и услужливо предстанут перед вашей мыслью в полном её распоряжении», – писал он [2].

Следует затронуть проблему подготовки кадров. В настоящее время эксперты констатируют снижение уровня грамотности среди выпускников общеобразовательных учреждений. Юридические факультеты вынуждены уделять внимание и этой проблеме, но в пределах своих возможностей. Языковая грамотность, соблюдение языковых норм является основным показателем общего интеллектуального уровня специалиста, генерирует образ говорящего в сознании коммуникантов, участников диалога. Уровень языковой компетентности зависит, как известно, от многих факторов (индивидуально-личных, общеобразовательных, социальных, гендерных, возрастных, профессиональных и др.). Причины их появления не ограничиваются нормативностью языка. Среди различных видов ошибок довольно часто выделяют следующие: логические, языковые, фактические, предметно-понятийные, лексические, грамматические, акцентологические, нарушение речевого этикета, этических норм и другие).

Языковые ошибки (синтаксические, орфографические, лексические, акцентологические, грамматические, речевые и другие) разрушают коммуникацию, могут существенно осложнить восприятие юридического текста, «обезличить» деятельность юриста, сущность которой состоит в соблюдении законности и обеспечении правопорядка.

Среди синтаксических ошибок наиболее часто встречается неправильное функционирование обособленных членов предложения, в частности, деепричастных оборотов. Нередко в тексте имеют место нарушения лексической сочетаемости, орфографические ошибки и др. Каждый вид ошибок имеет своё содержание, причины

возникновения. Так, орфографические ошибки возникают в следующих случаях: незнание или утрата знаний в области основ грамотного письма (орфография); неправильная мотивированность, связанная с уровнем коммуникативной компетентностью носителя языка; небольшой словарный запас носителя языка; несформированность орфографических навыков и др. Для устранения орфографических «правонарушений» необходимо, следовательно, исследовать, понимать, учить, запоминать орфографические законы (правила); постоянно пополнять словарный запас, усовершенствовать навыки орфографической зоркости, помнить, что богатство языка – ключевое качество речи, во многом определяющее профессионализм юриста XXI века.

Фактические ошибки связаны с неумением оперировать информацией, затрагивают такие понятия, как «отбор сведений», «качество обработки информации», «использование информации», «интерпретация информации» и др. Нередко мы наблюдаем искажение следующих сведений: время и место действия, конкретная характеристика события, наименование объектов, направлений и др. Фактические ошибки определяют достоверность и убедительность коммуникации, так как отражают степень осведомленности участника коммуникации. Инновационные технологии в современном мире обеспечивают информацией довольно быстро, но качество не всегда оставляет желать лучшего. Осмысленное восприятие предоставленных сведений помогает довольно часто избежать фактических ошибок.

Предметно-понятийные ошибки являются разновидностью фактических, и взаимосвязаны с речевой деятельностью. В основе их – нарушения в умозаключениях и в интерпретации определенных понятий. Данные ошибки во многом определяются личностью говорящего, его уровнем познания окружающего мира.

Логические ошибки затрагивают понятия «логика», «мышление», «композиция речи», «лингво-когнитивный уровень», «языковая личность», «способ отражения действительности». Данный вид ошибок может проявляться в том, что элементы языка (слова, словосочетания, предложения) неправильно транслируют отношения и связи между предметами речи. Логические ошибки нередко проявляются через нарушения нормативности языка и приводят к деформации высказывания и отсутствию ясности, понятности, доступности речи.

Процесс усовершенствования культуры речи должен включать выполнение различных по форме и содержанию упражнений с учётом индивидуально-личных характеристик обучаемых.

Юрист – это прежде всего личность говорящая. Язык, как известно, предстаёт как одно из важных условий формирования самосознания. Подчеркивая одухотворенность русского языка, К.Д. Ушинский отмечал: «В языке своем народ, в продолжение многих тысячелетий и в миллионах индивидуумов, сложил свои мысли и свои чувства. Природа страны и история народа, отражаясь в душе человека, выражались в слове. Человек исчезал, но слово, им созданное, оставалось бессмертной и неисчерпаемой сокровищницей народного языка... Наследуя слово от предков наших, мы наследуем не только средства передавать наши мысли и чувства, но наследуем самые эти мысли и эти чувства».

Речевая культура юриста – это и умение человека жить в социуме, составляющая его образа жизни, способа поведения и коммуникации. Государство заинтересовано, чтобы участники правоотношений совершали исключительно правомерные деяния, при этом мотивация не должна быть основана на страхе, боязни юридической ответственности. Слова и поступки материализуют мыслительную и психическую способности личности.

Как известно, язык занимает важное место в жизни юриста, обеспечивая успешное решение поставленных задач, направленных на соблюдение правовых норм, обеспечение правопорядка в стране.

Язык права, язык закона определяется, по мнению ведущих исследователей, как «своеобразная система лексических и грамматических средств выражения, подчинённая задачам коммуникации в правовой сфере» [2]. Данная система находится в центре внимания многих исследователей (Г.А. Александрова, Т.М. Балыхиной, В.А. Зажицкого, Н.Н. Ивакиной, С. Г. Мирецкого, В.О. Полуднякова, В.М. Савицкого и др.). Среди многообразных функций языка права (конструктивная, коммуникативная и др.) особая миссия принадлежит функции долженствования, регулирующей взаимодействие людей в социуме. Данная функция проявляется как в устной, так и в письменной речи. Невозможно реализовывать данную функцию без соблюдения норм языка, культуры речи.

Культура речи юриста имеет свои законы и отличительные признаки. Они во многом связаны с критериями речи юристов: нормативностью, точностью, уместностью, чистотой, ясностью, доступностью. Знание значений юридических терминов, клише юридического характера, умелое их применение во многом определяет успешное выполнение поставленных профессиональных целей, задач юристами. Одно неверное слово может нарушить достоверность фактов, событий, привести к тому, что квалификация действий и мера наказания будут несоответствующими. Языковые ошибки — это нарушение законов языка, а любые нарушения должны пресекаться правоведами.

О бдительности в вопросах культуры речи юристов предупреждают многие исследователи, специалисты в области юриспруденции и языка права. Так, А.А. Ушаков отмечал следующее: «Трудно назвать какую-либо другую область общественной жизни, где неточность слова, разрыв между мыслью и словом были бы чреватые такими иногда тяжелыми последствиями, как в области права. Неточное слово в праве — большое социальное зло. Оно создает почву для произвола и беззакония» [2].

Особая роль в реализации культуры речи имеет уместность, т. е. выбор говорящим таких языковых средств, которые соответствуют целям, задачам, определённым условиям коммуникации. Так, оформление протокола допроса имеет определённые правила, согласно которым не рекомендуется использовать юридическое клише, официально-деловую лексику при заполнении показаний допрашиваемых.

Злоупотребление иностранными словами, словами-сорняками, лексическими повторами в устной речи нарушают чистоту коммуникации юристов.

Ясность является одной из ключевых требований культуры речи юриста и определяется во многом логико-композиционным построением речи, логичностью изложения текста, искусством аргументации и опровержения. В этом компоненте

речи особая миссия принадлежит четкому структурированию языковых элементов языка (слов, словосочетаний, предложений): юридическому клише, синтаксическим конструкциям, построенным строго в соответствии с нормами языка. Так, Е.Е. Подголин отмечал следующее: «Культура речи при производстве следственных действий состоит в использовании точных, ясных, понятных, соответствующих литературной норме и речевой ситуации языковых средств. Культура судебной речи состоит не в том, чтобы отказываться от использования определённых языковых средств, а в том, чтобы употреблять их там, где нужно» [5].

Культура письменной речи предполагает языковую компетентность юристов в области стилистического анализа текстов (в частности, официально-делового), умение правоведов соотносить функциональный статус языковых единиц с требованиями процессуального закона.

Юрист должен уметь отстаивать свое мнение, критиковать других, выслушивать критику, давать советы и принимать их, убеждать и разубеждать, быть гибким, понятливым и вместе с тем принципиальным, уметь ясно, свободно выражать свои мысли, быть тактичным и сдержанным, соблюдать законы этики. Все это и есть не что иное, как культура речевого поведения.

При осуществлении толкования правовой нормы следует правильно уяснить смысл правового предписания, используя как раз различные способы толкования (грамматический, логический, систематический, телеологический, функциональный, историко-политический и специально-юридический), и довести его до сведения заинтересованных лиц.

Таким образом, достичь соблюдения законности в государстве и обеспечить правопорядок можно только при наличии ряда условий, начиная от общих (политических, экономических, социальных, духовных и т.д.) условий и, конечно же, при постоянном и своевременном совершенствовании действующего законодательства в широком смысле слова, эффективной деятельности правоприменительных и контролирующих органов. Поэтому одна из главных задач общества – сформировать высоко грамотную личность, обладающую как речевой, так и правовой культурой. Особенно это актуально для подготовки юристов. Общество и государство должны быть заинтересованы в режиме законности и стабильности правопорядка.

Литература

1. Алексеева М.В., Кривцов А.В. Содержание законности в государственном управлении // Правовой порядок и правовые ценности: сборник научных статей III Национальной научно-практической конференции. Ростов-на-Дону, 2019. С. 480-485.
2. Ивакина Н.Н. Профессиональная речь юриста. Учебное пособие. М.: Издательство БЕК, 1997.
3. Иванюк О.А. Качество закона и проблемы юридической техники // Журнал российского права. 2008. № 2. С. 150-162.
4. Маршакова Н.Н. Юридическая техника: понятие, виды, средства, основные функции и значение // Юридическая техника. 2007. № 1. С. 52-59.
5. Подголин Е. Культура следственных действий: Учебное пособие. Волгоград, 1978.

Filimonova Elena Aleksandrovna, candidate of legal Sciences, associate Professor of the Department «Theory and history of state and law» of the faculty «Legal», Don State Technical University (1, Gagarin sq., Rostov-on-don, 344010, Russian Federation)

E-mail: lenarnd1008@mail.ru

Izyumskaya Svetlana Sergeevna, candidate of Philology associate Professor of the Department of theory of language and Russian language, South federal university (105/42 B. Sadovaya st., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation)

E-mail: SVETLANA.DRIGA@yandex.ru

ON THE INFLUENCE OF LEGAL TECHNOLOGY AND SPEECH CULTURE OF LAWYERS OF THE XXI CENTURY ON THE STATE OF LEGALITY

Abstract

The article discusses the quality problems of laws and legal technology. The influence of legal technology and speech culture on the state of legality is analyzed. Explored language errors that prevent understanding the true meaning of a legal prescription. The importance of the quality of laws for the process of interpretation of legal norms and their implementation is emphasized.

Keywords: *legality, law and order, legal technology, sources of law, interpretation of law, legal literacy, speech culture*

References

1. Alekseeva M.V., Krivcov A.V. Soderzhanie zakonnosti v gosudarstvennom upravlenii // Pravovoj poryadok i pravovye cennosti: sbornik nauchnyh statej III Nacional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii. Rostov-na-Donu, 2019. S. 480-485.
2. Ivakina N.N. Professional'naya rech' yurista. Uchebnoe posobie. M.: Izda-tel'stvo BEK, 1997.
3. Ivanyuk O.A. Kachestvo zakona i problemy yuridicheskoy tekhniki // Zhurnal rossijskogo prava. 2008. № 2. S. 150-162.
4. Marshakova N.N. YUridicheskaya tekhnika: ponyatie, vidy, sredstva, osnovnye funkcii i znachenie // YUridicheskaya tekhnika. 2007. № 1. S. 52-59.

МОЖНО ЛИ ДОВЕРЯТЬ ИСТОЧНИКАМ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ НАЧАЛА XX ВЕКА?

**Данилов
Андрей
Геннадьевич**

доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории права и государства, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54).
E-mail: agd7@mail.ru

Аннотация

В статье дается краткая характеристика изданных дневников, писем, мемуаров, авторы которых входили в монархический лагерь. Главная проблема, которую анализирует автор, насколько можно доверять источникам личного происхождения при реконструкции событий накануне Февральской революции 1917 г.

Ключевые слова: *Россия в начале XX в., Первая мировая война, император Николай II, императрица Александра Федоровна, Ставка Верховного главнокомандующего, верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич, документы личного происхождения*

Актуальность сформулированной в заголовке статьи проблемы определяется следующими факторами.

Современники Февральской революции 1917 г., включая монархистов, прекрасно понимали, что к краху монархии привела политика императора Николая II. Одни говорили об этом самому царю еще в 1915 – 1916 гг. В их числе великий князь, бывший Верховный главнокомандующий Николай Николаевич, великие князья Николай, Александр и Сергей Михайловичи, военный министр А.А. Поливанов, министр иностранных дел С.Д. Сазонов, министр внутренних дел князь Н.Б. Щербатов, Главноуправляющий землеустройством и земледелием, фактически «теневой» премьер-министр России летом 1915 г. А.В. Кривошеин, министр народного просвещения граф П. Н. Игнатьев, Обер-прокурор Святейшего синода А.Д. Самарин, Государственный контролер П.А. Харитонов, начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал М.В.Алексеев, протопресвитер русской армии и флота (он руководил всеми военными священниками) Г.И. Шавельский и другие. Так, в личной беседе с царем и в письме к нему от 1 ноября 1916 г. великий князь Николай Михайлович утверждал: «так дальше управлять Россией невыносимо». «Ты находишься накануне эры новых волнений». Если не изменить политику, «твой престол и нашу дорогую Родину» ждут «самые тяжкие и непоправимые последствия» [1, с. 145–147]. «Вы не можете представить, какой хаос в правительстве, – говорил Г.И. Шавельскому в начале ноября 1916 г. начальник штаба Корпуса жандармов генерал В.П. Никольский. – Кажется, все

делается, чтобы государственная машина остановилась ... Может быть, уже никакие меры не помогут спасти нас от катастрофы» [2, с. 205]. 5 ноября 1916 г. заместитель министра внутренних дел князь В.М. Волконский просил Г.И. Шавельского передать царю: «Положение катастрофическое..., а в правительстве – безумие. Как будто нарочно делается всё, чтобы ускорить развязку» [2, с. 207].

Согласись, уважаемый читатель, что руководитель корпуса жандармов и один из руководителей министерства внутренних дел – люди, наиболее информированные о реальном положении дел, состоянии власти и причинах происходящего. И это – не враги, а активные сторонники монархии. Наверное, таким источникам можно доверять.

О том, что династия и страна идет к гибели, «о мрачном, готовом к восстанию настроении в Москве и необходимости срочных перемен» 30 ноября 1916 г. императрице Александре Федоровне говорила ее старшая сестра Елизавета Федоровна, специально приезжавшая ради предупреждения императора из Москвы.

Итак, многие представители элиты и высшей бюрократии понимали и открыто говорили, что именно царь ведет страну и монархию к катастрофе, еще в 1915-1916 гг. Другие написали об ошибках Николая в своих мемуарах спустя годы в эмиграции.

О негативной роли Николая II с ссылками на факты и документы утверждалось в течение 70 лет в советской историографии.

Однако в конце XX в. появился и утвердился в головах значительной части населения миф о том, что накануне Февральской революции Россия была процветающей, динамично развивающейся страной под мудрым руководством императора Николая II. К краху монархии привела не политика царя, а деятельность внутренних и внешних врагов (масонов, шпионов и т.д.). В исторической науке подобные взгляды высказывает небольшое число авторов (чаще других об этом пишут Б.Н. Миронов, П.В. Мультигули), большинство исследователей аргументированно опровергают такой подход. Прямо противоположная ситуация в публицистике (не научные журналы, популярные книги, телевидение, интернет). Взгляд на мудрую политику Николая II в средствах массовой информации преобладает. Из наиболее «громко звучащих» на эту тему отметим публикации О.А. Платонова, Н.В. Старикова.

О деятельности и состоянии власти в России накануне и в дни Февральской революции 1917 г. существует обширная источниковая база: документы Совета министров и разных министерств и ведомств, материалы Государственной думы, Государственного совета, Ставки верховного главнокомандующего, различных политических партий и общественных организаций и др.

Среди множества источников по теме особое место занимают источники личного происхождения: дневники, письма, воспоминания.

Большое количество документов по изучаемой теме отложилось в отечественных и зарубежных архивах. Часть из них опубликована.

Однако 99% интересующихся историей не пойдут в архивы и не будут читать даже опубликованные документы [например, 3, 4, 5]. Но с интересом читают мемуары политиков, государственных деятелей, генералов. При этом большинство читателей воспринимают содержание воспоминаний как истину, не критически. Журна-

листы и авторы публицистических статей в газетах и не научных журналах, авторы «документальных» фильмов, блогов в интернете помимо мемуаров порой обращаются к дневникам и письмам своих героев. Как правило, эти авторы не слышали о том, что такое «внутренняя и внешняя критика» источников, а если и слышали, то в своем большинстве этого не делают. Редко когда в не научной статье или в телевизионной передаче можно встретить анализ степени правдивости используемых документов.

Свыше 90 процентов материалов по истории в интернете, на радио, телевидении, в публицистике сегодня антиисторичны, так как их авторы делают выводы на основе не критического восприятия документов и отдельно вырванных «фактов». К сожалению, в условиях низкого уровня политической культуры современного российского общества, подобные мифы имеют широкое распространение.

Цель данной статьи – рассмотреть на конкретных примерах, насколько можно доверять источникам личного происхождения при реконструкции событий и процессов накануне и в дни Февральской революции 1917 г.

Источниковую базу статьи составили опубликованные дневники, письма, воспоминания, вышедшие из монархического лагеря.

Стоит отметить разницу между дневниками и письмами, которые писались во время происхождения событий, и письмами и мемуарами, вышедшими из-под пера авторов спустя годы или десятилетия. Документы первой группы не предназначались к публикации. Напротив, воспоминания, как правило, пишутся для публикации. Поэтому в документах первой группы авторы более откровенны в своих оценках людей и событий. В последующих мемуарах характеристики более взвешенные. Когда составлялись дневники или письма во время «текущего момента» события или процессы еще не завершились, еще «возможны варианты», еще существуют надежды на благоприятный исход. Спустя годы или десятилетия авторы уже знают результат, и естественно это влияет на написанное. Например, разрозненные отдельные факты, которым современники не придавали значения в момент их происхождения, спустя годы в мемуарах выстраиваются в тенденцию или характеризуются «предвестниками» будущего финала, например, крушения монархии. «Задним умом» мы все крепки... Наконец, одна из задач, которую ставят перед собой мемуаристы – убедить читателя в правоте своего видения картины мира и в оправдании своих действий. Такая цель неминуемо ставит задачу отбора фактов для доказательства своей точки зрения и игнорирования всего, что не вписывается в концепцию автора. Что и делает любые воспоминания субъективными.

Опубликованные документы личного происхождения, вышедшие из монархического лагеря, разнообразны по своей типологии и времени создания.

К настоящему времени изданы дневники императора Николая II и императрицы Александры Федоровны, императрицы – матери Марии Федоровны, младшего брата императора великого князя Михаила Александровича, великого князя Андрея Владимировича, военного министра А.А. Поливанова и известного политика В.М. Пуришкевича. Итого 7 авторов.

Переписка. Опубликовано 3 тома писем Николая II и Александры Федоровны за 1914 – 1917 гг., а также отдельный том переписки императора с великими князьями и министрами.

Воспоминания. Возможны различные их классификации. По такому критерию, как степень вовлеченности в управление страной и степень влияния на принимаемые властью решения, мы делим авторов воспоминаний на восемь групп.

К первой группе можно отнести воспоминания министров и государственных деятелей, всего 20 авторов. Среди них два Председателя Совета министров России – С.Ю. Витте и В.Н. Коковцов, военные министры А.Ф. Редигер, В.А. Сухомлинов, А.А. Поливанов, министры иностранных дел С.Д. Сазонов и Н.Н. Покровский, министр финансов П.Л. Барк, министр торговли и промышленности В.Н. Шаховской, министр земледелия А.Н. Наумов (6 лет сидел с В.И. Лениным за одной партией в Симбирской гимназии: Ленин получил золотую медаль, Наумов – серебряную), министр просвещения П.Н. Игнатъев и другие. Эта группа мемуаров наиболее насыщена фактами и наблюдениями о состоянии власти накануне революции.

Вторая группа – воспоминания военных. Шесть генералов близко соприкасались с Николаем II во время работы в Ставке в 1915 – 1917 гг.: М.В. Алексеев, А.Д. Бубнов, Ю.Н. Данилов, П.К. Кондзеровский, А.С. Лукомский, а также руководитель военной разведки Н.С. Батюшин. К ним можно добавить воспоминания четырех генералов, которые в силу своего положения до февраля 1917 г. получали информацию о царе и положении в Ставке из «вторых рук» или узнали ее после свержения царя: А.И. Деникин, Н.Н. Головин, М.А. Свечин, А.Е. Снесарев. Итого 10 авторов.

Третью группу воспоминаний составляют те, кто отвечал за безопасность лично царя и страны в целом: последний дворцовый комендант (1913 – 1917 гг.) В.Н. Воейков, а также руководители политического сыска, корпуса жандармов, полиции и других аналогичных структур. Кроме В.Н. Воейкова это еще 11 авторов. Среди них выделим воспоминания начальника Петроградского охранного отделения К.И. Глобачева, а также генералов В.Ф. Джунковского, П.Г. Курлова, А.И. Спиридовича. Всего в 3 группу входят 12 авторов. По роду своей деятельности это были, может быть, наиболее информированные люди в империи.

Четвертая группа – это воспоминания и записки 7 близких родственников Николая II – великих князей и княгинь. Среди них отметим материалы сестры императора Ольги Александровны, великих князей Александра Михайловича и Николая Михайловича.

Пятую группу составляют мемуары близкого окружения Николая II и Александры Федоровны: официальный историограф царя Д.Н. Дубенский, начальник канцелярии Министерства императорского двора А.А. Мосолов, протопресвитер Русской армии и флота Г.И. Шавельский, флигель-адъютант императора А.А. Мордвинов, фрейлины императрицы и одновременно ее близкие подруги А.А. Вырубова, Ю.А. Ден, С.К. Буксгевден, учитель царских детей П. Жильяр и ряд других. Всего 9 авторов.

Шестую группу составляют воспоминания 13 активных участников политической жизни и борьбы за власть в России накануне и в дни Февральской революции: М.В. Родзянко, П.Н. Милюкова, А.И. Гучкова, В.И. Гурко, А.Ф. Керенского, В.А. Маклакова, В.М. Пуришкевича, В.В. Шульгина и других.

Особую, седьмую группу составляют воспоминания дипломатов в России: англичане Дж. Бьюкенен и Дж. Хэнбери-Уильямс, француз М. Палеолог.

Таким образом, к настоящему моменту опубликованы дневники, письма, воспоминания более 70 авторов, входящих в состав политической, управленческой и военной элиты России. Конечно, это далеко не полный список тех представителей господствующего класса, кто вел дневники и написал воспоминания.

Есть еще одна самая многочисленная и по нашей классификации восьмая группа авторов мемуаров – современники событий. Они не входили в ближний круг царя, но их воспоминания дополняют картину происходящего в стране как следствие успешной или ошибочной политики власти.

Стоит отметить, что одни перечисленные документы были опубликованы уже в 20-е годы XX в., другие – спустя десятилетия.

Из крупных собраний, сравнительно недавно вернувшихся в Россию и ставших доступными исследователям, можно выделить документы из личного архива начальника штаба Верховного главнокомандующего в 1915 – 1917 гг. генерала М.В. Алексеева, который (архив) в 1994 г. проделал длинный путь из Аргентины в Москву.

Известно, что дядя царя, великий князь Николай Николаевич, сыгравший важную роль в ситуации с принятием Манифеста 17 октября 1905 г., бывший Верховным главнокомандующим русской армии с августа 1914 г. по август 1915 г., стоявший в эпицентре многих политических интриг – человек, достаточно информированный, завещал опубликовать свои воспоминания через сто лет после своей смерти в 1929 г. Осталось 9 лет ...

Важно подчеркнуть необходимость критического отношения к источникам личного происхождения, то, что специалисты называют «внешняя и внутренняя критика источников».

О важности комплексного анализа источников личного происхождения свидетельствует следующий сюжет. В августе 1915 г. император Николай II сместил великого князя Николая Николаевича с поста Верховного главнокомандующего и сам занял эту должность. О причинах такого шага спорили современники, спорили выжившие в эмиграции, исследователи спорят до сих пор, спустя сто лет.

Если верить некоторым источникам, весной – летом 1915 г. в Ставке Верховного главнокомандующего не ограничивались только словами (критика императрицы и Г.Е. Распутина), но и готовили дворцовый переворот. В письме Николаю II от 8 января 1916 г. императрица пишет о том, что флигель-адъютант полковник А.А. Дрентельн «готовил для меня монастырь». Генералов В.Ф. Джунковского и В.Н. Орлова, по ее мнению, «следовало бы прямо сослать в Сибирь. По окончании войны тебе надо будет произвести расправу. – Почему это должны оставаться на свободе и на хороших местах те, кто все подготовил, чтоб низложить тебя и заточить меня»[6, Т. IV. С. 37]. Спустя 10 месяцев, в письме к супругу от 5 ноября 1916 г. Александра Федоровна вновь возвращается к данному сюжету. «Будь холоден, не будь слишком добр с ним (великим князем Николаем Николаевичем – А.Д.), с Орловым и Янушкевичем. Ради блага России помни, что они намеревались сделать – выгнать тебя (это не сплетня, – у Орл. уже все бумаги были заготовлены), а меня заточить в монастырь»[6, Т. V. С. 133].

Отголоски настроений императрицы находим в записи из дневника великого князя Андрея Владимировича за 29 декабря 1916 г.: «Диску (Великая княгиня Викто-

рия Федоровна (1876 – 1936), супруга великого князя Кирилла Владимировича – А.Д.) передала часть своего разговора с Аликс (императрица Александра Федоровна – А.Д.), именно что касалось Николаши (Верховного главнокомандующего Николая Николаевича – А.Д.). Аликс уверяла Діску, что у нее были в руках документы, доказывающие, что Николаша хотел сесть сам на престол, вот почему его надо было удалить»[7, с. 190] (с поста Верховного главнокомандующего – А.Д.).

В своем разговоре с царем великий князь Николай Николаевич 8 ноября 1916 г. среди прочего в резкой форме заявил императору: «Как тебе не стыдно было, поверить, что я хотел свергнуть тебя с престола. Ты меня всю жизнь знаешь, знаешь, как я всегда был предан тебе, я это воспринял от отца и предков. И ты меня мог заподозрить. Стыдно Ники мне за тебя»[7, с. 197].

Дворцовый комендант В.Н. Воейков в своих воспоминаниях утверждал, что слухи о заговоре с участием военных были известны государю и государыне[8, с. 128.]

Для любителей конспирологии все ясно – летом 1915 г. в Ставке существовал заговор. И чтобы не потерять власть император был вынужден сместить Николая Николаевича, отправив его по русской традиции на Кавказ. Ну что, уважаемый читатель. Достаточно «фактов» из «достоверных источников» (письма императрицы, воспоминания и разговоры великих князей, мемуары дворцового коменданта), чтобы на их основе подготовить сенсацию (статью в популярном не историческом журнале или газете, «документальный» фильм на телевидении) о том, как в разгар войны предатели из ближайшего окружения царя плели интриги и готовили его арест в Ставке?

Однако многие, если не сказать большинство исследователей, и автор данной статьи в существование заговора в Ставке летом 1915 г. не верят. Кстати, руководитель охраны царя В.Н. Воейков отмечает в своих мемуарах, что лично он считал подобную информацию пустыми разговорами, которые далеки от реальности[8, с. 128.].

По другим документам, ключевую роль в отставке Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича сыграл Г. Распутин. В письме к царю Александра Федоровна 7 января 1916 г. прямо пишет о том, что рассказала близкому другу царской семьи, с ноября 1915 г. командиру отдельного батальона Гвардейского экипажа, Н.П. Саблину «все о большой перемене нынешним летом», о том, что именно Г. Распутин «убедил тебя и нас в безусловной необходимости этой перемены ради тебя, нас и России»[6, Т. IV. С. 31].

Другая версия. Многие современники событий сто лет назад и многие исследователи сегодня считают причиной смены Верховного главнокомандующего то обстоятельство, что к лету 1915 г. в условиях стремительного отступления (если не сказать бегства) русской армии Верховный главнокомандующий, великий князь Николай Николаевич и Ставка утратили (полностью или частично, это – дискуссионный вопрос) способность управлять войсками. Необходимо было укрепить руководство вооруженных сил.

Еще одна гипотеза. Существует множество документов, которые свидетельствуют о том, что в течение первого года войны (август 1914 г. – август 1915 г.) на части территории страны сложилось двоевластие, что нередко приводило к кон-

фликтам между гражданской администрацией (Совет министров, губернаторы) и военными (Верховный главнокомандующий, командующие фронтами), а главное – к неразберихе, хаосу и невозможности быстро и успешно решать многочисленные вопросы. Конкретные многочисленные факты хаоса в управлении страной в течение года читатель может найти в Записке Управляющего делами Совета Министров И.Н. Лодыженского от 16 июля 1915 г. о взаимоотношениях военной и гражданской власти [9, с. 10 – 24]. На заседании Совета министров 30 июля 1915 г. по этому вопросу отмечалось, что «все настолько перепутано, что надо чуть ли не годы, чтобы разобраться в происходящем хаосе и приучить военных начальников считаться со штатскими интересами»[9, с. 33]. Министры «сознают свое бессилие. Все тот же проклятый вопрос о взаимоотношениях военной и гражданской власти. И правда, что может сделать правительство, раз Верховный Главнокомандующий считает для успеха войны нужным отдать то или иное приказание»[9, с. 33].

Об этом явлении в будущем в своих мемуарах напишет и близкая подруга царской семьи фрейлина А.А. Вырубова, весьма информированный человек: «Государь рассказывал, что Великий Князь Николай Николаевич постоянно, без ведома Государя, вызывал министров в Ставку, давая им те или иные приказания, что создавало двоевластие в России»[10, с. 100]. Из воспоминаний В.Н. Воейкова: «царь считает нежелательным откладывать свое вступление в командование, с одной стороны, из-за неудачных действий и распоряжений великого князя на фронте, а с другой – из-за участвовавших случаев его вмешательства в дела внутреннего управления» [8, с. 123]. Еще подробнее генерал высказался на эту тему во время его допроса в Чрезвычайной следственной комиссии 28 апреля 1917 г.: «Обострение (летом 1915 г. между царем и Николаем Николаевичем – А.Д.) было основано на том, что министры (по личному впечатлению моему докладываю, государь этого не говорил) постоянно ездили в Ставку, и государь получал целый ряд дел, уже решенных в Ставке помимо его, что производило на него неприятное впечатление. Николай Николаевич слишком много занимался делами государства, а не фронта; мне кажется, это и было причиной»[11, с. 83].

Однако наиболее распространенной версией, которую летом 1915 г. разделяли председатель Совета министров И.Л. Горемыкин, «теневого премьер» А.В. Кривошеин и некоторые министры, была следующей: в основе решения государя возглавить армию были не доводы здравого смысла, а мистические настроения императора, который считал, что в трудную минуту долг государя быть вместе с армией: с ней победить или погибнуть. И некоторое подтверждение этого тезиса мы находим в письме Николая II из Ставки жене от 8 августа 1916 г. Вспоминая, как они вместе посещали церковную службу «в те тяжелые дни, перед моим отъездом сюда», царь отмечает: «Я так хорошо помню, что когда я стоял против большого образа спасителя, на верху в большой церкви, какой – то внутренний голос, казалось, убеждал меня придти к определенному решению и немедленно написать о моем решении Ник. (Николаю Николаевичу – А.Д.), независимо от того, что мне говорил наш Друг»[6, Т. IV. С. 406]. (наш Друг – это Г. Распутин – А.Д.).

Таким образом, «при желании» можно обосновать любую версию причин, почему Николай II летом 1915 г. лично возглавил армию, «подкрепив» эту версию вы-

держками из дневников, писем, воспоминаний Николая II, его супруги, генералов, политиков, министров, современников. Однако профессиональный подход предполагает не «подгонку» источников под «нужный» результат, а перепроверку всех фактов путем сопоставления различных документов.

Одним из образцов такой работы с мемуарами является статья историка М.М. Сафонова под названием «К изучению событий 14 декабря 1825 г.: критический анализ мемуарных свидетельств о М.А. Милорадовиче (А.П. Башуцкий и Р.М. Зотов)»[12]. Проследив последний день жизни М.А. Милорадовича на основе воспоминаний более десяти непосредственных очевидцев и участников событий, историк показал, что все (!) воспоминания содержат фактические неточности, искажающие характер происходящего. Только их сопоставление друг с другом и с официальными документами позволило восстановить ход событий.

Аналогичный вывод можно сделать о большинстве воспоминаний, изданных в России или в эмиграции после 1917 г.

Приведем такой пример. 4 августа 1915 г. после доклада военного министра А.А. Поливанова царь информировал его о своем решении сместить Николая Николаевича с поста Верховного главнокомандующего и самому занять этот пост. При этом Николай II просил военного министра пока никому не сообщать эту новость кроме премьер-министра И.Л. Горемыкина.

Что было в душе, о чем после разговора с царем думал Алексей Андреевич Поливанов 4, 5 и 6 августа 1915 г. мы не знаем и, видимо, никогда уже не узнаем. Если на заседании правительства 4 августа военный министр промолчал, то на очередном заседании 6 августа он решил нарушить запрет императора о неразглашении его решения возглавить армию.

На закрытой или неофициальной части заседания Совета министров А.А. Поливанов, информируя о ситуации на фронте, нарисовал еще более, чем прежняя, печальную картину военного разгрома и разрухи. «Военные условия – сказал он – и ухудшились, и усложнились. В слагающейся обстановке на фронте и в армейских тылах можно каждую минуту ждать непоправимой катастрофы. Армия уже не отступает, а попросту бежит. Вера в свои силы окончательно подорвана. ... Противоречивые приказы, метание из стороны в сторону, лихорадочная смена командиров и повсеместный беспорядок сбивают с толку даже самых стойких людей. Психология отступления настолько глубоко проела весь организм Ставки, что вне пресловутого заманивания пространством не видят и не ищут никакого исхода, никакой борьбы. Растерянность на верхах перестала быть секретом для армии и еще больше деморализует войска. ... хотелось бы быть оптимистом, но впереди перспективы рисуются самые мрачные»[9, с. 52].

Кажется, уважаемый читатель, хуже уже некуда... Оказывается, есть!

А.А. Поливанов продолжает: «Как ни ужасно то, что происходит на фронте, есть еще одно гораздо более страшное событие, которое угрожает России. Я сознательно нарушу служебную тайну и данное мною слово до времени молчать. Я обязан предупредить правительство, что сегодня утром на докладе Его Величество объявил мне о принятом им решении устранить Великого Князя и лично вступить в верховное командование армией»[9, с. 52-53].

Мы не знаем, почему А.А. Поливанов вместо 4 августа назвал «сегодня», то есть, 6 августа. Не хотел критики коллег по правительству за то, что молчал два дня? За то, что не сказал об этом на заседании Совета министров еще 4 августа?

Сообщение военного министра вызвало эффект «разорвавшейся бомбы». Вот как описывает реакцию членов правительства на это известие А.Н. Яхонтов: «Это сообщение Военного Министра вызвало в Совете сильнейшее волнение. Все заговорили сразу, и поднялся такой перекрестный разговор, что невозможно было уловить отдельных выступлений. Видно было, до какой степени большинство потрясено услышанною новостью, которая явилась последним оглушительным ударом, среди переживаемых военных несчастий и внутренних осложнений» [9, с. 53].

В какой-то степени это было «историческое» заседание российского правительства. С этого момента начинается открытое противостояние между императором и большинством министров, которое закончилось отставкой большинства из них.

Однако уважаемый читатель может удивиться, узнав следующий факт.

В своих воспоминаниях, которые были подготовлены А.А. Поливановым «главным образом, еще в 1916 г.», то есть, практически через год после описываемых событий, он подробно описывает свой разговор с государем 4 августа, подробно описывает ход заседания правительства 4 августа и обсуждаемые на нем вопросы, детально описывает события 5 – 8 августа 1915 г. [13, с. 203 – 207].

И ни слова в своих воспоминаниях А.А. Поливанов не упоминает а) о самом факте заседания правительства 6 августа, б) о том, что он нарушил запрет императора разглашать подобную информацию, в) о негативной реакции министров на данную новость, г) о поручении ему от министров довести до императора их несогласие с отставкой великого князя Николая Николаевича.

Почему не упоминает? Догадки, догадки ...

Умолчал, потому что стыдно, что нарушил слово, данное императору?

Или летом 1916 г., когда А.А. Поливанов писал свои воспоминания, никому и «в страшном сне» не мог присниться последующий ход событий (крушение монархии) и как одно из следствий этого – публикация секретных материалов о происходящем на заседаниях правительства с их точной датировкой. Если довериться воспоминаниям А.А. Поливанова, он только после разрешения Николая II 11 августа 1915 г. информировал Совет министров об отставке Николая Николаевича. В этом случае военный министр «чист» перед царем и перед историей. Если обратиться к записям, сделанным А.Н. Яхонтовым на заседаниях правительства в 1915 г, сохраненным в тяжелые годы революции, гражданской войны для потомков, то военный министр нарушил слово, данное императору, рассказав на заседании правительства 6 августа о решении царя стать во главе армии.

Рамки небольшой статьи не позволяют показать, что во всех мемуарных свидетельствах активных участников событий или современников содержатся неточности, порой искажающие характер происшедшего. Именно поэтому профессиональные историки очень осторожно относятся к такому источнику, как воспоминания, многократно перепроверяя сведения из него через другие документы эпохи.

Литература

1. Николай II и великие князья. Родственные письма к последнему царю. М.-Л.: Государственное изд-во, 1925.
 2. Шавельский Г.И. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. Т. II. Нью-Йорк: изд. им. Чехова, 1954.
 3. Совет министров российской империи в годы первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова: (записи заседаний и переписка). – СПб. : Дмитрий Буланин, 1999. – 558 с.
 4. Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909 – 1917 гг. Т. 6 – 9. 1914 – 1917. М.: РОССПЭН, 2006 – 2009.
 5. Государственная дума. IV созыв. Стенографические отчеты. Сессия V. – Пг., 1917.
 6. Переписка Николая и Александры Романовых. 1916. Т. IV – V. М.-Л., 1926, 1927.
 7. Из дневника А. В. Романова за 1916 – 1917 гг. // Красный архив. 1928. Т. 1(26).
 8. Воейков В.Н. С царем и без царя. М.: «Захаров», 2016.
 9. Яхонтов А.Н. Тяжелые дни. Секретные заседания Совета министров 16 июля – 2 сентября 1915 г. / Архив Русской революции. Т. XVIII. Берлин, 1926.
 10. Танеева (Вырубова) А.А. Страницы моей жизни. М., 2000.
 11. Допрос В.Н. Воейкова в ЧСК. 28 апреля 1917 г. / Падение царского режима. Т. 3. С. 58 – 83.
 12. 14 декабря 1825 года. Источники. Исследования. Историография. Библиография. Вып. VII. СПб., 2005. С. 332 – 387.
 13. Поливанов А. А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника 1907–1916 гг. / под ред. А.М. Зайончковского. Т. I. М., 1924.
-

Danilov Andrey Gennadievich, Doctor of Historical Sciences, Professor of Department of theory and history of law and state, South-Russian Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya str., Rostov-on-Don, Russia, 344002, Russian Federation).
E-mail: agd7@mail.ru

CAN WE TRUST PRIVATE SOURCES DATED BACK TO THE EARLY 1900s?

Abstract

The article gives a brief description of the published diaries, letters, memoirs, the authors of which were part of the monarchist camp. The main problem analyzed by the author is how much one can trust private sources when reconstructing the events on the eve of the February Revolution of 1917.

Keywords: *Russia in the early 1900s, World War I, Emperor Nicholas II, Empress Alexandra Feodorovna, Supreme Commander-in-Chief, Supreme Commander Grand Duke Nikolai Nikolaevich, private documents*

References

1. Nikolaj II i velikie knyaz'ya. Rodstvennyye pis'ma k poslednemu caryu. М.-Л.: Gosudarstvennoe izd-vo, 1925.

2. SHavel'skij G.I. Vospominaniya poslednego protopresvitera Russkoj armii i flota. T. II. N'yu-Jork: izd. im. CHEkhova, 1954.
3. Sovet ministrov rossijskoj imperii v gody pervoj mirovoj vojny. Bumagi A.N. YAhontova: (zapisi zasedanij i perepiska). – SPb. : Dmitrij Bulanin, 1999. – 558 s.
4. Osobyje zhurnaly Soveta ministrov Rossijskoj imperii. 1909 – 1917 gg. T. 6 – 9. 1914 – 1917. M.: ROSSPEN, 2006 – 2009.
5. Gosudarstvennaya дума. IV sozyv. Stenograficheskie otchety. Sessiya V. – Pg., 1917.
6. Perepiska Nikolaya i Aleksandry Romanovyh. 1916. T. IV – V. M.-L., 1926, 1927.
7. Iz dnevnika A. V. Romanova za 1916 – 1917 gg. // Krasnyj arhiv. 1928. T. 1(26).
8. Voejkov V.N. S carem i bez carya. M.: «Zaharov», 2016.
9. YAhontov A.N. Tyazhelye dni. Sekretnye zasedaniya Soveta ministrov 16 iyulya – 2 sen-tyabrya 1915 g. / Arhiv Russkoj revolyucii. T. XVIII. Berlin, 1926.
10. Taneeva (Vyrubova) A.A. Stranicy moej zhizni. M., 2000.
11. Doprosov V.N. Voejkova v CHSK. 28 aprelya 1917 g. / Padenie carskogo rezhima. T. 3. S. 58 – 83.
12. 14 dekabrya 1825 goda. Istochniki. Issledovaniya. Istoriografiya. Bibliografiya. Vyp. VII. SPb., 2005. S. 332 – 387.
13. Polivanov A. A. Iz dnevnikov i vospominanij po dolzhnosti voennogo ministra i ego pomoshchnika 1907–1916 gg. / pod red. A.M. Zajonchkovskogo. T. I. M., 1924.

ИНСТИТУТ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В РЕСПУБЛИКЕ АБХАЗИЯ

Бжания старший преподаватель кафедры государства и права,
Вадим Абхазский государственный университет,
Владимирович Руководитель Аппарата Парламента Республики Абхазия
(384904, Республика Абхазия, г. Сухум, ул. Университетская, 1).
E-mail: vadimraa@mail.ru

Аннотация

Развитие конституционной системы невозможно без деятельности института парламента, который отражает представительную демократию. Парламент является формой реализации прав человека на участие в политической деятельности и дает возможность формировать национальную политику своего государства.

Ключевые слова: парламент, конституционная система, права и свободы человека и гражданина, Республика Абхазия

Современное государственное строительство на постсоветском пространстве связано с процессом оформления суверенных государств, которые были определены в составе Советского союза статусом союзных и автономных республик. Но, к сожалению, возник путь национальной конфронтации на территории бывших субъектов СССР, который повлек за собой военное противостояние и оформление государственных образований, которые ставят вопрос о их международном признании. Наше исследование посвящено анализу института Парламента Республики Абхазия, как органа государственной власти, который функционирует, основываясь на демократических принципах. [1].

Бесспорно, становление государственных и правовых институтов Республики Абхазия происходило через преемственность к политико-правовым институтам советского времени. Первым учредительным актом для оформления государственного образования (в период распада Советского Союза) стала Декларация 25 августа 1990 г. «О государственном суверенитете Абхазской Советской Социалистической Республики» [2]. Документ, принятый Верховным Советом Абхазской АССР, носил декларативный учредительный характер, так как данный орган имел статус советского института представительной демократии, избирался населением Абхазии обладающим активным избирательным правом. В тот же день было принято и Постановление «О правовых гарантиях защиты государственности Абхазии» [3]. Обоснованием таких государственно-правовых решений стали конституционно-правовой процесс разложения советской политической системы в конце периода политики «перестройки» 1989–1991 гг., он характеризовался конфликтностью интересов в политической элите разных уровней советской организации власти, национальными противоречиями в республиках. В то же время нормативно-правовым основанием для таких полити-

ческих действий стал Закон СССР от 3 апреля 1990 г. «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР» [4], что способствовало «параду суверенитетов».

Абхазия, находясь в составе Грузинской ССР, в соответствии с союзным законодательством обладала структурой государственной власти, соответствующей статусу автономии в советской конституционной системе. Верховный Совет обладал полномочиями органа политической и государственной власти, избирался населением, имел права на обсуждение вопросов внутреннего управления, принятие нормативных правовых актов на уровне формирования регионального законодательства в соответствии с действующим союзным и республиканским законодательством.

Вторым этапом в развитии парламентаризма в Абхазии стало принятие Верховным Советом Республики Абхазия 26 ноября 1994 г. Основного Закона [5] страны с закреплением в первой главе суверенитета, демократии и правовой сущности нового государственного образования. В последующем принятие Закона «О выборах депутатов Народного Собрания - Парламента Республики Абхазия» от 29 декабря 1995 г. – (утратил силу) и от 31 марта 2004 г. – (действующая редакция), а также закона «О статусе депутата Народного Собрания – Парламента Республики Абхазия» от 9 августа 2006 г. - открыли путь для развития института парламентаризма Республики Абхазия в соответствии с демократическими принципами построения правового государства.

3 октября 1999 г. состоялся референдум, задачей которого было определить отношение населения республики к Основному Закону. Результат 97,7 % граждан Республики Абхазия, обладающих активным избирательным правом, высказались не только за Конституцию, но и легитимировали процесс на оформление государственной независимости. Итоги референдума были подведены 12 октября 1999 г. принятием Акта «О государственной независимости Республики Абхазия» [6], он придал конституционному развитию новое правовое значение с целью добиться международного признания [7].

«Народовластие – основа государственной власти в Республики Абхазия» – гласит ст.2 Основного Закона, соответственно, абхазский народ выступает источником власти и его воплощением. Конституция закрепила принцип разделения властей и механизм сдержек и противовесов. Законодательная власть осуществляется Народным Собранием – Парламентом Республики Абхазия, статус его и полномочия определены в главе 3 (ст. 36 – 47).

Проведение правового анализа позволяет нам определить следующий порядок:

- ст. 36 – закрепляет конституционный статус Народного Собрания - Парламента Республики Абхазия как законодательного и представительного органа страны;
- ст. 37 – определяет его организационную структуру (35 депутатов, осуществляющих свою деятельность на основе демократического избирательного права сроком избрания на 5 лет);

– ст. 38 отражает требования к статусу депутата (гражданин Республики Абхазия, возраст пассивного избирательного права – 25 лет); подчеркивается отсутствие права совмещать место в парламенте с работой в исполнительной власти;

– ст. 39, 40 - закрепляют институт неприкосновенности депутата Парламента и отсутствие императивного мандата;

– ст. 41 – 43 - вводят организационную форму парламентской деятельности (сессии, выборность лиц, структуру), что впоследствии привело к принятию Регламента, детально определяющего деятельность государственного органа власти [8];

– ст. 44 – 45 - определяют процедуру принятия нормативных правовых актов, необходимое количество голосов для конституционных законов (2/3 от состава) и большинство - для остальных актов;

– ст. 46 – излагает сведения о субъектах законодательной инициативы (Президент, депутаты Народного Собрания, Верховный Суд, Генеральный прокурор);

– ст. 47 – определяет полномочия Парламента в системе государственной власти.

В ст. 47 Конституции Республики Абхазия мы видим классические права парламента в законодательной деятельности – это право законотворчества в материальном и процессуальном праве. В механизме сдержек и противовесов Народное Собрание - Парламент Республики Абхазия - взаимодействует с исполнительной и судебной ветвями государственной власти.

Народное Собрание – Парламент Республики Абхазия осуществляет контроль за исполнительной властью бюджетного законодательства, заслушивает отчеты о его реализации.

Ст. 47 наделяет представительный орган правом ратификации и денонсации международных договоров, таким образом участвует в выстраивании межгосударственных отношений республики и определять вопросы войны и мира (п.14). В п. 7 обладает правомочием в установление государственных наград, почетных и воинских званий Республики.

В п. 10 ст. 47 сформирован механизм назначения и освобождения Генерального прокурора Республики по представлению Президента РА, а также Председателя Национального банка и тех должностных лиц, которые определяются законодательством. Так, в соответствии со ст.71 Конституции Республики Абхазия судьи избираются Парламентом Республики Абхазия по представлению Президента Республики Абхазия.

В соответствии с п.11 и п.12 ст. 47 Конституции Республики Абхазия Парламент принимает решение об объявлении вотума недоверия отдельным членам Кабинета Министров и выдвигает обвинения против Президента Республики Абхазия об отрешении его от должности, что отсылает данное положение к мировой практике современного конституционализма. Институт амнистии закреплен в п.13, что позволяет Парламенту реализовывать гуманистическую функцию в общественной жизни своей страны.

Становление демократических институтов актуализирует изучение конституционного статуса Парламента Республики Абхазия, его положение как органа представительной демократии в системе разделения властей. И.В Бжинава [9] в своей ра-

боте рассматривает вопрос о развитии прав Народного Собрания в контроле за деятельностью исполнительной власти. Л.А. Бердегулова [10] и Э.А. Гамисония [11] исследуют позиции межпарламентского диалога в реализации государственной стратегии на признание суверенитета в международном сообществе. На наш взгляд, интересны публикации Э.Л. Лакербая [12], вышедшие в 2019 г. о парламентском контроле и взаимодействии Президента с представительным органом страны, дается и политический и правовой анализ конституционализма.

Следовательно, рассмотрение института парламентаризма Республики Абхазия позволяет нам увидеть конституционный дискурс о становлении разделения властей в государственном образовании, идущем по пути формирования своего независимого статуса.

Литература

1. Багдасарян С.Д., Петрова С.В., Бжания В.В. Государственно-правовое устройство Республики Абхазия в историко-правовом дискурсе // Северо-Кавказский юридический вестник. 2018. – №3. – С. 41-47.

2. Декларация «О государственном суверенитете Абхазской Советской Социалистической Республики» (Принята X сессией Верховного Совета Абхазской АССР XI созыва) 25 августа 1990 г. [Электронный ресурс] // Газета «Советская Абхазия». – 1990. – 28 августа. – № 164.

3. Постановление Верховного Совета Абхазской АССР «О правовых гарантиях защиты государственности Абхазии» (Принята X сессией Верховного Совета Абхазской АССР XI созыва) 25 августа 1990 г. [Электронный ресурс] // Газета «Советская Абхазия». – 1990. – 28 августа. – № 164.

4. Закон СССР от 3 апреля 1990 года № 1409-1 «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР» // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. – 1990. – 3 апреля. – № 15. ст. 252.

5. Конституция Республики Абхазия. Принята на сессии Верховного Совета Республики Абхазия 12-го созыва 26 ноября 1994 г.; одобрена всенародным голосованием 3 октября 1999 г. (с изменениями и дополнениями от 3 апреля 2014 г. № 3494-с-V, 3 февраля 2016 г. № 40280с-V, 29 марта 2016 г. № 4067-с-V // Статус – Законодательство Республики Абхазия.

6. Акт «О государственной независимости Республики Абхазия 1999 года» [Электронный ресурс] // Конституция Абхазии. XX век. / Сост.: Т. А. Шанава, С. З. Возба; Ред. В. А. Чирикба. Абхазский ин-т гуманитарных исследований им. И. Д. Гулиа. Сухум: Дом печати, 2015. – С. 187-188.

7. Сангулия А.Д. Конституция республики Абхазия 1994 года - основополагающий политико-правовой документ современной абхазской государственности // Современные фундаментальные и прикладные исследования. – 2017. – № 4-3 (27). – С. 104-110.

8. «Регламент Народного Собрания — Парламента Республики Абхазия». (Постановление Народного Собрания – Парламента Республики Абхазия от 29 января 2003 года № 742-сXIV с изм. от 25 июля 2012 г.). [Электронный ресурс]. Официаль-

ный сайт Народного Собрания – Парламента Республики Абхазия. Режим доступа: <http://www.parlamentra.org/rus/> 10.

9. Бжинава И.В. Парламентский контроль исполнительной власти в Республике Абхазия // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2016. – Т. 3. – № 2-3. – С. 32-35.

10. Бердегулова Л.А. Генезис парламентаризма в квазигосударственном образовании на примере Республики Абхазия // Символ науки. – 2015. – № 9-2. – С. 97-98.

11. Гамисония Э.А. Традиции парламентаризма и межпарламентский диалог в становлении современной абхазской государственности / В сборнике: Стратегия развития российско-абхазских отношений в рамках построения межгосударственной программы национальной безопасности материалы международной научно-практической конференции. – 2017. – С. 4-12.

12. Лакербая Э.Л. Контрольные полномочия Народного Собрания – Парламента Республики Абхазия // Международный журнал конституционного и государственного права. – 2019. – № 1. – С. 69-72.;

13. Взаимодействие Президента с Парламентом Республики Абхазия в законодательном процессе // Государственная служба и кадры. – 2019. – № 1. – С. 46-49.

Bzhania Vadim Vladimirovich, Senior lecturer of the Department state and law, Abkhazian state University, chief of staff of the Parliament of the Republic of Abkhazia, (384904, Republic of Abkhazia, Sukhum, Universitetskaya street, E-mail: vadimraa@mail.ru

INSTITUTE OF PARLIAMENTARISM OF THE REPUBLIC OF ABKHAZIA

Abstract

The development of the constitutional system is impossible without the functioning of the institution of Parliament, which reflects representative democracy. The Parliament is a form of realization of human rights to participate in political activities and provides an opportunity to shape the national policy of the state.

Keywords: Parliament, constitutional system, human and civil rights and freedoms, Republic of Abkhazia

References

1. Bagdasaryan S.D., Petrova S.V., Bzhania V.V. State and legal structure of the Republic of Abkhazia in the historical and legal discourse // North Caucasus legal Bulletin, 2018, no. 3, Pp. 41-47.

2. Declaration "on state sovereignty of the Abkhazian Soviet Socialist Republic" (Adopted by the X session of the Supreme Soviet of the Abkhazian ASSR of the XI convocation) on August 25, 1990 [Electronic resource] // Newspaper "Soviet Abkhazia". – 1990. – On August 28. – № 164.

3. Resolution of the Supreme Council of the Abkhazian ASSR "on legal guarantees for the protection of the statehood of Abkhazia" (Adopted by the X session of the Supreme

Council of The Abkhazian ASSR of the XI convocation) on August 25, 1990 [Electronic resource] // Newspaper "Soviet Abkhazia". – 1990. – On August 28. – No. 164.

4. Law of the USSR of April 3, 1990 No. 1409-I "on the procedure for resolving issues related to the withdrawal of the Union Republic from the USSR" // Vedomosti of the Congress of people's deputies of the USSR and the Supreme Soviet of the USSR. – 1990. – April 3. – No. 15. article 252.

5. Constitution of The Republic of Abkhazia. Adopted at the session of the Supreme Council of the Republic of Abkhazia of the 12th convocation on November 26, 1994; approved by popular vote on October 3, 1999. (with amendments and additions dated April 3, 2014 # 3494-C-V, February 3, 2016 # 40280c-V, March 29, 2016 # 4067-C-V // Status-Legislation of The Republic of Abkhazia.

6. Act "On the state independence of the Republic of Abkhazia in 1999" [Electronic resource] // Constitution of Abkhazia. XX century. / Comp.: T.A. Shanava, S.Z. Vozba; Ed. V.A. Chirikba. I.D. Gulia Abkhazian Institute of humanitarian research. Sukhumi: House of printing, 2015. – Pp. 187–188.

7. Sangulia A.D. Constitution of the Republic of Abkhazia of 1994 - the fundamental political and legal document of modern Abkhazian statehood // Modern fundamental and applied research. – 2017. – № 4-3 (27). – Pp. 104-110.

8. "Regulations of The People's Assembly-Parliament of The Republic of Abkhazia". (Resolution of the People's Assembly-Parliament of the Republic of Abkhazia of January 29, 2003 №742-XXIV with ed. from July 25, 2012). [Electronic resource]. Official website of the People's Assembly-Parliament of the Republic of Abkhazia. Mode of access: <http://www.parlamentra.org/rus/> 10.

9. Bzhinava I.V. Parliamentary control of the Executive power in the Republic of Abkhazia // Bulletin of the faculty of law of the southern Federal University, 2016, Vol. 3, – №. 2-3, – Pp. 32-35.

10. Berdegulova L.A. Genesis of parliamentarism in quasi-state education on the example of the Republic of Abkhazia // Symbol of science. – 2015. – №. 9-2. – P. 97-98.

11. Gamisonia E.A. Traditions of parliamentarism and inter-parliamentary dialogue in the formation of modern Abkhazian statehood / In the collection: Strategy for the development of Russian-Abkhazian relations within the framework of building an interstate national security program materials of the international scientific and practical conference. – 2017. – Pp. 4-12.

12. Lakerbaya E.L. Control powers of the People's Assembly-Parliament of the Republic of Abkhazia // international journal of constitutional and state law. - 2019. – №. 1. – Pp. 69-72. Interaction of the President with the Parliament of the Republic of Abkhazia in the legislative process // State service and personnel. - 2019. – № 1. – Pp. 46-49.

**ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ
РАЗВИТИЯ ПРОКУРАТУРЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**Сараев
Николай
Вячеславович** кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства Ростовского филиала Российского государственного университета правосудия (344010, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Ленина, д. 66)
E-mail: snv_571978@mail.ru

**Бабунидзе
Александр
Бондоевич** магистрант Ростовского филиала Российского государственного университета правосудия (344010, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Ленина, д. 66)
E-mail: kafedra213@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются историко-правовые вопросы развития прокуратуры Российской Федерации, проблемные вопросы правовой регламентации надзорного ведомства. Отмечается, что оптимизация правового статуса прокуратуры должна осуществляться с учетом ментальных правовых традиций, делается вывод о негативном влиянии на эффективность деятельности органа неопределенность и чрезмерность компетенций, предлагаются по их совершенствованию.

Ключевые слова: прокуратура, государственный орган, правовой статус, этапы развития, функции, полномочия.

В целях реализации новых положений Конституции Российской Федерации Президентом России в сентябре 2020 года внесен законопроект, предусматривающий решение вопросов формирования органов надзорного ведомства. Вместе с тем, следует отметить, что проблемы эффективности органов прокуратуры достаточно остро в последние годы обсуждаются как представителями службы, так и в среде научного сообщества. Все большую дискуссию вызывают вопросы приоритетности осуществляемых рассматриваемым государственным органом направлений деятельности.

Традиционно, в системе государственных органов прокуратура наделялась статусом особой надзорной службы с богатым историческим прошлым, начальным предназначением которой являлась задача осуществления контроля за исполнением законов. Длительный период развития прокуратуры, связанный со становлением, в первую очередь, как органа по надзору за законностью, сформировал в обществе представления о нем как об эффективном гаранте прав и свобод человека и гражданина. Однако, в современных правовых реалиях, характеризующихся отсутствием действенного механизма защиты социальных прав граждан, юридическое сообщество не может не обратить внимание на недостаточную эффективность и роль прокуратуры в обеспечении законности и правопорядка. Следует отметить, что на недо-

статки в правовой регламентации полномочий прокуратуры обращено внимание Председателем Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькиным [1]. Считаем, что при рассмотрении вопросов совершенствования деятельности прокуратуры необходимо учитывать особенности закономерностей исторического развития и форм осуществления функций надзорного ведомства, а также противоречия современного нормативно-правового регулирования статуса данного важного ведомства.

Ученые отмечают, что основной причиной побудившей к учреждению Императором Петром I в 1722 году органов прокуратуры являлась необходимость надзора за исполнением чиновниками законов в условиях произвола и многочисленных злоупотреблениях того времени. Тогда как функциями аналогичных органов в Европе являлись государственное представительство в суде и поддержание государственного обвинения. И, хотя, решить поставленные задачи полностью не удалось, в XVIII веке бюрократические черты прокуратуры усилились после подчинения её исполнительной власти в лице министра юстиции [2].

Таким образом, подчеркивается ментальная правовая традиция в предназначении органов прокуратуры в России.

В результате судебной реформы 1864 года направленность деятельности прокуратуры качественно изменяется, при этом ее доминирующей функцией становится поддержание государственного обвинения в суде. Наиболее авторитетна была ее деятельность в уголовно-правовой сфере, где благодаря судебным уставам удалось довольно эффективно осуществлять свои функции. Этому способствовала реорганизация органов прокуратуры, вследствие которой были созданы независимый суд и адвокатура. В результате в пореформенной России прокурор стал ключевой, а иногда и самой главной фигурой в организации надзора за выполнением российского законодательства.

Таким образом, исторический опыт свидетельствует о важности нормативного определения приоритетности в деятельности надзорного органа с целью исключения ведомственного конфликта интересов и обеспечения решения вопросов соответствующих современной правоохранительной проблематике.

В 1922 году были восстановлены органы прокурорского надзора, которые соединяли функции обвинителя и во многом обязанности дореформенного губернского прокурора, упразднение должности которого неоправданно произошло на основании Судебных уставов 1864 года. Постепенно прокуратура превратилась в институт, осуществляющий высший надзор за законностью деятельности органов исполнительной власти, а также судов и др. советских учреждений.

В соответствии с Положением о Прокуратуре СССР 1933 года основной задачей прокуратуры являлось укрепление социалистической собственности и охрана общественного порядка. В качестве основных направлений деятельности прокуратуры определялись: надзор за соответствием постановлений и распоряжений отдельных ведомств Союза ССР и союзных республик и местных органов власти – Конституции Союза ССР, постановлениям и распоряжениям Союза ССР; наблюдение за правильным и единообразным применением законов судебными учреждениями; возбуждение уголовного преследования и поддержание обвинения во всех судебных инстанции-

ях на территории Союза ССР; надзор за деятельностью исправительных учреждений; общее руководство деятельностью прокуратуры союзных республик [4].

Закон СССР от 30 ноября 1979 года «О прокуратуре» значительно расширил границы надзора установив такие его виды как надзор за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия и надзор за исполнением законов при рассмотрении дел в судах.

Действующее законодательство о прокуратуре установило пять видов надзора, в том числе надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина [5]. Следует согласиться со специалистами, которые отмечают условность в характеристике прокуратуры как надзорного органа по причине надления ведомства значительным объемом ненадзорных полномочий. Это, безусловно, препятствует отражению ее сущности и порождает правовую неопределенность как основных направлений деятельности, так и целесообразности выделения тех или иных функций [3].

Следует отметить, что действующее законодательство не содержит ряд важных положений, регламентирующих задачи прокуратуры. Также современный законодатель не включил в систему принципов надзорного ведомства принцип законности, не раскрывается его сущность и правовой смысл, что являлось характерным для ранее действующего законодательства.

Еще одним проблемным вопросом остается определение границ надзорной деятельности. Учитывая, что в условиях слабого уровня юридической техники современного законодательства и недостаточности институциональных механизмов, гарантирующих безусловное исполнение требований закона, является закономерным, по оценкам специалистов, возрастающая роль главы государства в решении вопросов общественной и государственной жизни, в том числе в разработке и принятии законодательных актов, имеющих непосредственное отношение к признанию, соблюдению и защите прав и свобод граждан [6], назрела необходимость в нормативном определении роли прокуратуры в обеспечении проектов федерального масштаба, а также реализации важных государственных программ.

Считаем обоснованным в условиях опережающего нормотворчества указов Президента Российской Федерации по вопросам, касающимся обеспечения конституционных прав и свобод, реализации федеральных проектов, направленных на повышение благосостояния населения расширить границы предмета прокурорского надзора за исполнением законов и подзаконных актов.

Без эффективного функционирования механизма государственного контроля и надзора невозможно ни гарантировать права, свободы и законные интересы граждан, ни закрепить ценности демократического правового государства, ни обеспечить стабильность государственного устройства, ни в целом обеспечить режим законности в стране. Столь же очевидно, что в условиях развития общества (особенно динамичного в современный период) надлежащая эффективность функционирования контрольно-надзорных органов может быть обеспечена только при условии постоянного совершенствования с учетом особенностей их исторического генезиса [7].

В условиях обострения общего правового фона обеспечения законности в Российской Федерации, учитывая негативные тенденции недоверия общества к правоохранительным структурам (уровень возрос с 45% в 2017 году до 66,7% в 2019 году)

и к судебным органам (55% согласно результатам исследования ФСО) как никогда представляется важным на основе исторического опыта определить приоритеты в деятельности надзорного ведомства, исключить несвойственные органу функции.

С целью повышения эффективности деятельности прокуратуры, с учетом исторического развития надзорного ведомства полагаем целесообразным принятие федерального закона «О прокуратуре», оптимизировав объем функций с определением в качестве приоритетной – надзор за исполнением законов федеральными органами исполнительной власти, Следственным комитетом Российской Федерации, представительными (законодательными) и исполнительными органами субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, органами военного управления, органами контроля, их должностными лицами, субъектами осуществления общественного контроля за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и содействия лицам, находящимся в местах принудительного содержания, органами управления и руководителями коммерческих и некоммерческих организаций, а также за соответствием законам издаваемых ими правовых актов.

Литература

1. Зорькин В.Д. Буква и дух Конституции // Российская газета. 2018. 09 октября. №226.

2. Пономаренко С.В. Основные этапы истории развития российской прокуратуры: исторический аспект: автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 2008 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dissercat.com/content/osnovnyye-etapy-istorii-razvitiya-rossiiskoi-prokuratury-istoricheskii-aspekt> (дата обращения: 07 сентября 2020 года).

3. Гальченко А.И. Функции прокуратуры Российской Федерации: спорные вопросы // LEX RUSSICA (Русский закон). 2014. №11. С. 1346-1359 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22696400&> (дата обращения: 09 сентября 2020 года).

4. Постановление ЦИК и СНК СССР от 17 декабря 1933 года «Об утверждении Положения о Прокуратуре Союза ССР» [Электронный ресурс]. URL: <https://istmat.info/node/24231> (дата обращения: 09 сентября 2020 года).

5. Федеральный закон Российской Федерации от 17.01.1992 №2202-1 [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/10164358/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f/> (дата обращения: 09 сентября 2020 года).

6. Карпов Н.Н. Теоретические вопросы деятельности прокуратуры по надзору за исполнением законов // Актуальные проблемы прокурорского надзора за исполнением законов и законностью правовых актов: сб. ст.: [в 2 ч.] / [под общ. ред. Н.Н. Карпова; науч. ред. И.В. Черепановой]; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. М., 2011. С. 6.

7. Серов Д.О. Фискальная служба и прокуратура России первой четверти XVIII века: автореф... д. ист. наук. Екатеринбург, 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/2878/3/urgu0771s.pdf> (дата обращения: 09 сентября 2020 года).

Saraev Nikolay Vyacheslavovich, Candidate of legal Sciences, docent of the Department «Theory and History of Law and the State», Rostov branch Russian state University of justice (66, Lenins street, Rostov-on-Don, 344038, Russian Federation).
E-mail: snv_571978@mail.ru

Babunidze Aleksandr Bondoevich, the undergraduate Rostov branch Russian state University of justice (66, Lenins street, Rostov-on-Don, 344038, Russian Federation).
E-mail: kafedra213@mail.ru

**HISTORICAL, LEGAL AND INSTITUTIONAL ASPECTS
DEVELOPMENT OF THE PROSECUTOR'S OFFICE IN THE RUSSIAN FEDERATION**

Abstract

The article deals with the historical and legal issues of the development of the prosecutor's office of the Russian Federation, problematic issues of legal regulation of the supervisory agency. It is noted that the optimization of the legal status of the prosecutor's office should be carried out taking into account the mental legal traditions, it is concluded that the uncertainty and excessiveness of competences have a negative impact on the effectiveness of the body's activities, and it is proposed to improve them.

Keywords: *prosecutor's office, state body, legal status, stages of development, functions, powers.*

References

1. Zor'kin V.D. Bukva i duh Konstitucii // Rossijskaya gazeta. 2018. 09 oktyabrya. №226.
2. Ponomarenko S.V. Osnovnye etapy istorii razvitiya rossijskoj prokuratury: istoricheskij aspekt: avtoref. diss... kand. ist. nauk. M., 2008 [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.dissercat.com/content/osnovnye-etapy-istorii-razvitiya-rossiiskoi-prokuratury-istoricheskii-aspekt> (data obrashcheniya: 07 sentyabrya 2020 goda).
3. Gal'chenko A.I. Funkcii prokuratury Rossijskoj Federacii: spornye voprosy // LEX RUSSICA (Russkij zakon). 2014. №11. S. 1346-1359 [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22696400&> (data obrashcheniya: 09 sentyabrya 2020 goda).
4. Postanovlenie CIK i SNK SSSR ot 17 dekabrya 1933 goda «Ob utverzhdenii Polozheniya o Prokurate Soyuza SSR» [Elektronnyj resurs]. URL: <https://istmat.info/node/24231> (data obrashcheniya: 09 sentyabrya 2020 goda).
5. Federal'nyj zakon Rossijskoj Federacii ot 17.01.1992 №2202-1 [Elektronnyj resurs]. URL: https://base.garant.ru/10164358/1_cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f/ (data obrashcheniya: 09 sentyabrya 2020 goda).
6. Karpov N.N. Teoreticheskie voprosy deyatelnosti prokuratury po nadzoru za ispolneniem zakonov // Aktual'nye problemy prokurorskogo nadzora za ispolneniem zakonov i zakonnost'yu pravovyh aktov: sb. st.: [v 2 ch.] / [pod obshch. red. N.N. Karpova; nauch. red. I.V. Cherepanovoj]; Akad. Gen. prokuratury Ros. Federacii. M., 2011. S. 6.
7. Serov D.O. Fiskal'naya sluzhba i prokuratura Rossii pervoj chetverti XVIII veka: avto-ref... d. ist. nauk. Ekaterinburg, 2020 [Elektronnyj resurs]. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/2878_3/urgu0771s.pdf (data obrashcheniya: 09 sentyabrya 2020 goda)

**ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ИТОГИ КОНСТИТУЦИОННОЙ РЕФОРМЫ
2020 ГОДА В РОССИИ**

Баранов доктор юридических наук, профессор,
Павел заведующий кафедрой конституционного и муниципального
Петрович права Южно-Российского института управления Российской
академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
(г. Ростов-на-Дону, Россия).
E-mail: pravosoznanie@gmail.com

Аннотация

В статье рассматриваются политические и правовые аспекты конституционной реформы 2020 г. в России с точки зрения их влияния на дальнейшее развитие всей системы политических и конституционно-правовых отношений в России. Автор анализирует конкретные конституционные поправки как с точки зрения их технического исполнения, так и в контексте оценки их политико-правовых содержательных аспектов, а также их возможной конкретизации в отраслевом законодательстве. Отдельного внимания в статье удостоиваются и процедурные аспекты конституционной реформы, а также вопросы касающиеся распределения «нового» конституционного материала по соответствующим главам. В статье делаются выводы о социальной обусловленности, геополитической предопределенности и консервативной направленности конституционной реформы, однако, высказываются некоторые критические замечания в отношении способов достижения поставленных перед законодателем задач.

Ключевые слова: *брачно-семейные отношения, государственный язык, конституционная реформа, консервативные ценности, конституционное правосудие, Конституция РФ, местное самоуправление, права и свободы личности, разделение властей.*

Конституция РФ традиционно рассматривается как документ, обладающий не только формально-юридическими характеристиками, но и значительным политическим потенциалом. Определяя систему государственных приоритетов во внутренней и внешней политике, Конституция РФ оказывает значительное влияние не только на практическую деятельность органов публичной власти, но и на правовое сознание россиян. Современная конституционная реформа стала самой масштабной с момента принятия Конституции РФ 1993 г. Количество конституционных поправок таково, что их даже наиболее общий анализ будет представлять значительное и объемное исследование. Предпринятый в данной статье анализ промежуточных и прогнозиру-

емых итогов конституционной реформы 2020 г. преследует цель показать наиболее общие и значимые тенденции в государственном строительстве, а также обратить внимание на наиболее проблемные и активно обсуждаемые аспекты содержания и различных аспектов реализации конституционных поправок.

Прежде всего отметим, что значительная часть изменений конституционного текста, не исключая и те, которые направлены на реформу публичной власти, можно условно обозначить как реформы консервативного характера, необходимость которых достаточно давно обсуждалась на страницах юридической литературы. Идея соответствующих перемен давно назревала, а сама необходимость подобных изменений на концептуальном и прикладном уровнях проистекала из утверждения, что классическая либеральная идеология на современной российской почве приживалась достаточно неохотно. Однако в последнее время наметилась активная тенденция консервативного переосмысления универсальных правовых ценностей, которая получила свое продолжение как на уровне текущего законодательства, так и на уровне правовых позиций Конституционного Суда РФ. В общетеоретическом аспекте соответствующая проблема была обозначена как переход от политических иллюзий и правового романтизма к юридическому реализму. Необходимость такого национал-консервативного переосмысления когда-то безальтернативных правовых максим была вызвана тем, что изначально, основные конституционные положения в области прав человека были значительным образом универсализированы и не учитывали национальных традиций «коллективизма и соборности» [4].

Решение данной проблемы виделось различным ученым по-разному. Часть авторов придерживалась идеи «живой», не требующей концептуальной формально-юридической коррекции Конституции. Другие – видели в изменении Конституции наиболее эффективный способ коррекции уже сложившихся конституционно-правовых отношений, возможность привести их в соответствие с особенностями конституционно-правовой культуры россиян. Показательным в этом смысле было высказывание Председателя Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькина, о поверхностности и недалёковидности представлений о том, что путем конституционной реформы «можно изменить ход событий и развернуть их в каком-то более правильном направлении» [3]. Следует признать, что в конечном итоге масштабная конституционная реформа все же состоялась. Однако, вопрос о том, насколько серьезно она затронула концептуальные и основополагающие аспекты современной конституционно-правовой действительности остается открытым.

Как мы уже отметили, консервативный характер реформы не вызывает сомнения, как и ее социальная, политическая и геополитическая предопределенность и обусловленность. Однако вопрос о том, насколько конечные конституционные формулировки удовлетворили консервативно настроенную часть общества уже сейчас вызывает большое количество дискуссий. С одной стороны, было введено понятие «русского языка, как языка государствообразующего народа» (ч. 1 ст. 68 Конституции РФ), однако какое-либо уточнение понятия государствообразующий народ в текущем отечественном законодательстве отсутствует. Тот факт, что отдельные исследователи поспешили «отпраздновать» юридизацию и конституционализацию понятия «русский народ» (в значении государствообразующего) говорит в большей

степени о соответствующих ожиданиях консервативно настроенных авторов, нежели о новых реалиях современной конституционной действительности. На деле мы получили еще одно подтверждение важности и значимости русского языка, как государствообразующего языка, без какой-либо четкой привязки к его народу-носителю, которой так жаждала определенная часть российского общества.

Нельзя также не высказать и некоторые сомнения в целесообразности закрепления понимания «брака» в статье, посвященной предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов (п. ж.1 ч. 1 ст. 72 Конституции РФ). Предшествующая соответствующей поправке законодательная дискуссия в итоге ограничилась разделением категорий «брак» и «семья», с чем, конечно, нельзя не согласиться. Однако по поводу окончательного законодательного решения о раскрытии традиционной трактовки брака в тексте Конституции можно высказать и ряд критических соображений. Во-первых, еще раз отметим, что речь идет о статье, а точнее трех статьях (ст. 71-73), посвященных разграничению полномочий Российской Федерации и ее субъектов. Полноценное раскрытие концептуальных положений семейного права по формальным критериям не относится к функциональному назначению данной статьи. Во-вторых, следует отметить, что конкретно в такой формулировке положения данной статьи не выглядят однозначными.

Тот факт, что в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов находится защита института брака как союза мужчины и женщины может означать, что защита иных аспектов института брака относится к сфере действия другой статьи, например, ст. 71 или ст. 73. В-третьих, определение брака как союза мужчины и женщины не препятствует введению в отраслевое законодательство таких институциональных категорий, как, например, «брачное партнерство» (какое-либо иное аналогичное партнерство), для этого потребовались бы более категоричные формулировки, например, «запрещается создание (регистрация)...» и др. То есть, четкого и однозначного запрета на государственную регистрацию (по аналогии с браком) однополых партнерств, чего по сути и добивались авторы поправок, в Конституции РФ как не было, так и нет. В-четвертых, положения Конституции о том, что брак – это союз мужчины и женщины уже были озвучены в ч. 3 ст. 1 Семейного кодекса РФ, т.е. ничего нового, особенно учитывая возможность расширительного толкования данной статьи Конституции, данная поправка не внесла. Отметим также, что в соответствии с ч. 4 ст. 1 Семейного кодекса запрещаются любые формы ограничения прав граждан при вступлении в брак и в семейных отношениях по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности. Нетрудно заметить, что традиционно упоминаемый в подобных случаях «половой» признак отсутствует, т.е. соответствующие ограничения отраслевым законодательством уже предусмотрены, что создает необходимую преграду для заключения однополых браков в России. Однако, как мы уже отметили в своем расширительном толковании Конституция РФ по формальным критериям, не сможет препятствовать развитию идеи «однополых партнерств» на уровне отраслевого законодательства, что серьезно уменьшает соответствующий потенциал нововведенных конституционных положений, особенно учитывая то, в какой главе Конституции они были размещены.

Конституционная реформа 2020 г. значительным образом изменила политический расклад сил в системе разделения властей (учитывая и формально не обозначенную в Конституции президентскую власть). И если в прежние времена дискуссия о сложившейся форме правления в России (президентской или смешанной), так или иначе развивалась, сегодня существование в России именно президентской республики подтверждено на самом высоком уровне. В этой связи и весь блок соответствующих конституционных изменений, касающихся перераспределения полномочий между органами государственной власти рассматривается как продолжение курса на усиление президентской власти. Как отмечают исследователи «ключевым трендом поправок-2020 стала дальнейшая концентрация верховной власти», в свою очередь с принятием либо неприятием этого факта и «будет в дальнейшем связано основное противоречие отношений общества и государства, а также перспективы развития собственно конституционного строя».

Скрупулезное рассмотрение перераспределенных и относительно новых полномочий органов государственной власти не относится к задачам данной статьи. В чем будут заключаться функции такого нового органа как Государственный Совет, и каким именно образом это повлияет на распределение политических сил покажет время.

Что же касается наиболее часто обсуждаемого вопроса об «обнулении» предыдущих сроков президентских правлений, то ограничимся напоминанием о том, что Конституционный Суд РФ не нашел в этой части поправок противоречий первой и второй главе Конституции РФ, поэтому по формальным основаниям данную дискуссию можно считать закрытой (Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-З).

Оценивая политические итоги конституционной реформы, необходимо обратить пристальное внимание и на изменения, касающиеся состава и полномочий Конституционного Суда РФ. Надо сказать, что вопросы о том, насколько сильно Конституционный Суд РФ вовлечен в политическую жизнь современного российского общества обсуждаются достаточно давно. В рамках изучения проблемы политизации конституционного правосудия высказываются различные, порой диаметрально противоположные, точки зрения, в которых анализируются не только вопросы обусловленности решений Конституционного Суда соображениями политической целесообразности, но и вопросы общего влияния решений Конституционного Суда на современное состояние политических отношений и, в частности, политической свободы в России.

Исходя из указанных обстоятельств, на наш взгляд, конституционные изменения, затрагивающие функционирование Конституционного Суда РФ, следует также относить к политическим несмотря на тот факт, что в соответствии с базовым федеральным конституционным законом Конституционный Суд решает исключительно вопросы права.

Что же касается такого нового конституционного полномочия как возможность разрешать вопрос об исполнении решений межгосударственных, в том числе судебных, органов (п. 6 ч. 5.1 ст. 125 Конституции РФ), то данное полномочие в усеченном виде ранее уже было закреплено в ст. 3 Федерального конституционного закона «О

Конституционном Суде РФ». О необходимости конституционного оформления соответствующего полномочия говорилось достаточно давно. Нельзя не согласиться с тем, что механизмы межгосударственного (конвенционного и внутригосударственного) взаимодействия требовали серьезной коррекции. Не случайно о важности обеспечения конституционного суверенитета государства говорилось в Постановлении Конституционного Суда РФ (от 14.07.2015 № 21-П). Вместе с тем, нельзя не заметить, что новая конституционная формулировка с формально-юридической точки зрения неидеальна. В частности, обращает на себя внимание тот факт, что в конституционном варианте нового полномочия возможность проверки исполнимости решения межгосударственного органа ставится в зависимость от их истолкования, противоречащего Конституции.

В свою очередь возможность проверки исполнимости решения межгосударственного органа судебной власти ставится в зависимость от возможного противоречия основам публичного правопорядка. Какое принципиальное и концептуальное значение имеет соответствующее разделение остается невыясненным. Кроме того, сами формулировки, предполагающие обязательный учет, соответственно, истолкования, соответствующего Конституции и противоречия основам публичного правопорядка, вызывают много вопросов. Кто будет принимать решений об «истолковании, соответствующем Конституции» или «противоречии основам публичного правопорядка»? Сам Конституционный Суд или же федеральный орган исполнительной власти (как это закреплено в действующем федеральном конституционном законе)? С другой стороны, используемые формулировки или же заранее нацеливают Конституционный Суд на единственный вариант решения, или же предполагают, что даже в случае «неправильного» истолкования или противоречия основам публичного правопорядка решение Конституционного Суда может быть принято в пользу исполнимости соответствующего решения.

Не меньший интерес представляет и вопрос о том, что же представляет из себя «публичный правопорядок» в узкопрофессиональном или формально-юридическом смысле. Современное российское законодательство оперирует понятием «основы правопорядка (публичный порядок)» (Гражданский кодекс РФ, Семейный Кодекс РФ, Федеральный закон «О международных компаниях и международных фондах»). Категория «публичный правопорядок» хоть и используется в научно-исследовательской литературе, но и там встречается достаточно редко.

Одновременно категория «публичный правопорядок», нечасто, но все же используется в правовых позициях Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ. Отличается ли оригинальностью новейшая конституционная формулировка и следует ли искать отличия между категориями «основы правопорядка (публичный порядок)» и «публичный правопорядок» еще предстоит ответить ученым. В этой связи отметим, что соответствующие положения федерального конституционного закона несмотря на то, что формально они затрагивали меньшее количество аспектов межгосударственных отношений, были сформулированы более четко.

Не меньший интерес представляет и такое новое полномочие как проверка по запросу Президента РФ конституционности проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов до их подписания Президентом (п. а ч. 5.1 ст. 125

Конституции РФ). Означает ли это, что, единожды проверив федеральный закон на соответствии Конституции Конституционный Суд больше не будет иметь возможности его проверки? Если нет, то какое принципиальное значение будет иметь эта предварительная проверка? В деятельности Конституционного Суда встречаются ситуации, когда в ходе проверки закона на конституционность он, по сути, занимается ликвидацией правовых пробелов, коллизий или же обосновывает единственно возможное истолкование законодательных положений. Несомненно, что возможность обоснования единственно верного истолкования у Конституционного Суда останется даже по отношению к уже «предварительно» проверенным законам. Не случайно профессор Н.С. Бондарь отмечает в своей статье, что Конституционный Суд оставляет за собой право при необходимости обратиться к истолкованию конституционных поправок, вводимых Законом РФ о поправке к Конституции (от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) [3]. Однако, что будет, если объективная необходимость такого истолкования возникнет уже на стадии «предварительной» проверки? Что будет, если на стадии предварительной проверки будет обнаружена пробельность и коллизионность закона, которая может привести к нарушению прав и свобод человека? Даже давая обязательное разъяснительное толкование, Конституционный Суд, как правило, предлагает соответствующим органам принять меры для исправления неопределенности законодательного акта. Будет ли существовать возможность реализовать соответствующую функцию на стадии предварительной проверки? Как будет реализовываться «предварительная» проверка, если на рассмотрение Конституционному Суду поступит, допустим, новый вариант Уголовного Кодекса? Все эти вопросы вызывают живейший научный интерес. На наш взгляд, оптимальным использованием данного полномочия было бы в отношении законов о внесении изменений в существующие федеральные и федеральные конституционные законы. Не случайно вместе с обозначенным полномочием в Конституции закреплено и аналогичное полномочие, касающееся проектов законов о поправке к Конституции.

Значительное внимание привлекает и новое конституционное ограничение на подачу жалоб в Конституционный Суд гражданами. Напомним, что изначально граждане могли обращаться в Конституционный суд с жалобами на нарушение их прав и свобод законами и другими нормативными актами как примененными, так и подлежащими применению в конкретном деле. Впоследствии гражданам оставили возможность жаловаться только на уже примененные законы и нормативные акты. Теперь же на конституционном уровне закреплена возможность обращения в Конституционный Суд только при исчерпании всех других внутригосударственных средств судебной защиты. Напомним, что речь идет о жалобах на нарушение прав и свобод, по причине несоответствия нормы закона норме Конституции.

Как известно подобное разбирательство – это исключительная прерогатива Конституционного Суда РФ. Как в этом случае будет выглядеть механизм исчерпания всех возможных внутригосударственных средств судебной защиты остается невыясненным, ведь факт нарушения прав и свобод нормой закона, противоречащего Конституции, может подтвердить только Конституционный Суд. Остается, правда, еще ситуация, когда пробельность или коллизионность закона может быть разрешена на стадии «обычного» судопроизводства, и не стать предметом рассмотрения

Конституционного Суда, однако как ситуация будет развиваться в иных случаях можно только прогнозировать.

Каким будет судебное конституционное производство в ближайшей перспективе ответить достаточно сложно. Остается ожидать новой редакции федерального конституционно закона и соответствующих правовых позиций Конституционного Суда РФ. Однако не вызывает сомнения, что место Конституционного Суда в политической организации публичной власти в ближайшей перспективе существенным образом изменится. Кроме того, существенное уменьшение количества судей видимо стоит связывать с предполагаемым уменьшением количества жалоб от граждан ввиду появления новых требований к допустимости жалобы, что достаточным образом сузит возможности непосредственно конституционной судебной защиты прав и свобод личности.

В свою очередь активная реализация новых возможностей Конституционного Суда, касающихся предварительного нормоконтроля (напомним, что до последних изменений предварительный нормоконтроль могут осуществлять Конституционным Судом только в отношении не вступивших в силу международных договоров) может привести к тому, что конституционное правосудие будет интегрировано в современный российский законодательный процесс, а сам Конституционный Суд станет его активным участником.

Отдельного внимания также заслуживают конституционные изменения, касающиеся организации и функционирования системы местного самоуправления в России. О том, что идея местного самоуправления в России развивается не вполне так, как изначально задумывалось, ученые говорят уже достаточно давно [1]. Нередко поднимается вопрос и самой целесообразности дальнейшей реализации идеи местного самоуправления в России. Речь идет о целой совокупности факторов материального, организационного и политического характера, напрямую влияющих на эффективность местной власти.

В первую очередь отметим, что из текста Конституции (ч. 1 ст. 131) были изъяты конкретные виды муниципальных образований, в частности, городские и сельские поселения. Примечательно, что традиционно в науке муниципального права данным видам муниципальных образований предавалось особое значение. Именно городские и сельские поселения признавались «идейной» основой организации муниципальной власти в России. И если целесообразность организации местного самоуправления, например, на уровне городских округов нередко ставилась под сомнение (что впоследствии привело к появлению новых видов муниципальных образований, призванных приблизить муниципальную власть к населению), то целесообразность организации местной власти на уровне городских и местных поселений, как правило, ни у кого не вызывала вопросов.

Официально признавалось, что и муниципальная культура жителей городских и сельских поселений находится на более высокой ступени развития из-за максимальной приближенности институтов власти к населению и особой актуальности различных форм непосредственной муниципальной демократии. Не случайно представителями науки муниципального права конкретные результаты процессов муниципальной урбанизации встречали очень настороженно. При этом соответствующая

аргументация доказывающая важность и незыблемость идеи местного самоуправления на уровне городских и сельских поселений отсылала нас, зачастую, именно к содержанию ст. 131 Конституции. В настоящий момент соответствующих положений в Конституции РФ нет. Возможно, потому что количество видов муниципальных образований, предусмотренных Федеральным законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» приближается к десятку. Возможно, речь идет о полном реформатировании всей системы муниципальной власти. Как будет дальше развиваться ситуация покажет время. Однако, то, что местное самоуправление тем или иным способом планируется интегрировать в государственно-властную вертикаль не вызывает сомнения. Подтверждением этому тезису служит и новое положение Конституции о том, что органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти (ч. 3 ст. 132 Конституции РФ).

Обращая внимание на технические аспекты конституционной реформы 2020 г., отметим, что много вопросов возникает и по поводу целесообразности изменения существующего порядка принятия поправок, установленного в главе девятой Конституции РФ, нормативным актом, который одновременно содержит и соответствующие поправки. В этой связи также небезынтересной является проблема, касающаяся возможности последующей редакции нововведенных конституционных положений, однако, уже без использования механизмов, примененных в ходе конституционной реформы 2020 г.

Другая часть вопросов касается проблемы точного и адекватного содержательного наполнения различных глав Конституции и способов предотвращения ситуация, когда те или иные конституционные положения располагаются в тексте Конституции с некоторым нарушением ранее установленного и уже ставшего традиционным порядка. В настоящий момент какие-либо соответствующие сдерживающие механизмы отсутствуют как в тексте самой Конституции, так и в тексте Федерального закона «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации».

Обращает на себя внимание и тот факт, что значительная часть изменений, внесенных в гл. 3 Конституции по своей концептуальности и значительному регулятивному потенциалу в большей степени соответствует содержанию первой и второй глав Основного Закона, а в отдельных случаях Преамбулы. На эту особенность Конституционной реформы 2020 г. уже обратили внимание исследователи [2]. В частности, подобные соображения можно высказать в отношении конституционной поправки о тысячелетней истории, памяти предков и веры в Бога (ч. 2 ст. 67.1). Из всех положений данной статьи, пожалуй, только признание исторически сложившегося государственного единства (ч. 2 ст. 67.1) однозначно относится к предметному полю главы третьей.

Что же касается остальных ее частей, касающихся России как правопреемника Союза ССР (ч. 1), памяти защитников отечества и защиты исторической правды (ч. 3), приоритета семейного воспитания, детей как приоритета государственной политики, их духовного, нравственного, интеллектуального и физического развития, а также воспитания в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим (ч. 4),

то из логики конституционного текста напрашивалось помещение данных положений в главы первую и вторую. Аналогичные соображения можно высказать и в отношении нового конституционного блока социальных гарантий, при всей важности и ценности их конституционного закрепления. Ситуация, когда обязательность гарантированного минимального размера оплаты труда закрепляется в главе «Основы конституционного строя» (ч. 2 ст. 7 Конституции РФ), а гарантии того, что минимальный размер оплаты труда должен быть не меньше величины прожиточного минимума - в главе «Федеративное устройство» (ч. 5 ст. 75 Конституции РФ), достаточно тяжело воспринимается в контексте внутренней логики конституционного текста. Аналогичные соображения можно высказать по поводу всего новейшего блока социальных гарантий. Вместе с тем сам факт того, что на конституционном уровне сделан еще один шаг на пути построения социального государства в России, безусловно, вызывает всеобщую поддержку.

Одновременно нельзя не отметить следующее обстоятельство. Первоначальная задумка о том, что предполагаемые изменения не будут затрагивать главы первую и вторую Конституции РФ, лишило законодателя возможности устранить некоторые неточности конституционного текста, на которые давно обращают внимание исследователи. Нет смысла в рамках данной статьи приводить даже примерный перечень положений глав первой и второй Конституции, требующих некоторой коррекции и уточнения.

Данной проблеме посвящено значительное количество научных работ. Однако, в контексте содержательных характеристик последних конституционных изменений, можно говорить о том, что все еще ждет своего уточнения перечень органов, осуществляющих государственную власть в Российской Федерации (ч. 1 ст. 11 Конституции РФ), особенно после конституционного закрепления еще одного органа публичной власти – Государственного Совета (п. е.5 ст. 83 Конституции РФ). Применительно к уже обсуждавшийся в статье сфере брачно-семейных отношений можно говорить, например, об отсутствии гарантий защиты института отцовства (ч. 1 ст. 38 Конституции РФ), как и о неполном перечне лиц, имеющих право на получении алиментов (ч. 3 ст. 38 Конституции РФ), значительно расширенный круг которых представлен в Семейном кодексе РФ (ст. 80 – 115).

В заключение отметим, что конституционная реформа 2020 года оставила больше вопросов нежели дала ответов. Несомненный интерес представляет ожидаемая крупномасштабная реформа отраслевого законодательства. На повестке дня изменение нескольких десятков законов, и если внесение изменений в отдельные нормативные акты будет предельно формализованным, то содержательную сторону других предполагаемых изменений можно лишь пытаться спрогнозировать. В этой связи больше всего вопросов к ожидаемой реформе института местного самоуправления, полномочиям и структуре Государственного Совета, а также «расшифровке» и конкретизации новых полномочий Конституционного Суда РФ. Отметим, что в последнем случае больший интерес скорее представляет практика функционирования Конституционного Суда и непосредственно правовые позиции Конституционного суда, последующие за конституционной реформой 2020 года.

Литература

1. Авакьян С. А есть ли в России местное самоуправление? // Российская Федерация сегодня. 2009. № 16. С. 3-7.
2. Баринов Э.Э. Конституционная реформа-2020: особенности процедуры и юридической техники // Конституционное и муниципальное право. 2020. №8. С. 3-8.
3. Бондарь Н.С. «Вечные» конституционные идеалы: насколько они неизменны в меняющемся мире? // Государство и право. 2020. №6. С. 20-34.
4. Бондарь Н.С. Конституция России в современную эпоху глобальных перемен: от политических иллюзий к юридическому реализму. Сер.: Библиотека судебного конституционализма. Вып. 9. М.: Юрист, 2018. - 83 с.
5. Зорькин В. Д. Конституция Российской Федерации – правовая основа интеграции российского общества // Журнал конституционного правосудия. 2018. № 6 (66). С. 1–11.

Baranov Pavel Petrovich, doctor of law, professor, head of department of constitutional and municipal law RANEPА under the President of the Russian Federation, South Russian institute of management Rostov – on – Don, Russia. e-mail: pravosoznanie@gmail.com

POLITICAL AND LEGAL RESULTS OF THE 2020 CONSTITUTIONAL REFORM IN RUSSIA

Abstract

The article examines the political and legal aspects of the 2020 constitutional reform in Russia from the point of view of their impact on the further development of the entire system of political and constitutional legal relations in Russia. The author analyzes specific constitutional amendments both from the point of view of their technical implementation and in the context of assessing their political and legal substantive aspects, as well as their possible concretization in sectoral legislation. The article also pays special attention to the procedural aspects of constitutional reform, as well as issues related to the distribution of the "new" constitutional material in the relevant chapters. The article draws conclusions about the social conditioning, geopolitical predetermination and conservative orientation of the constitutional reform, however, some critical remarks are made regarding the ways to achieve the tasks set before the legislator.

Keywords: *marriage and family relations, the state language, constitutional reform, conservative values, constitutional justice, the Constitution of the Russian Federation, local self-government, individual rights and freedoms, separation of powers..*

References

1. Avak'yan S. A est' li v Rossii mestnoe samoupravlenie? // Rossijskaya Federaciya segodnya. 2009. № 16. S. 3-7.
2. Barinov E.E. Konstitucionnaya reforma-2020: osobennosti procedury i yuridicheskoy tekhniki // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2020. №8. S. 3-8.
3. Bondar' N.S. «Vechnye» konstitucionnye idealy: naskol'ko oni neizmenny v menyayushchemsya mire? // Gosudarstvo i pravo. 2020. №6. S. 20-34.
4. Bondar' N.S. Konstituciya Rossii v sovremennuyu epohu global'nyh peremen: ot politicheskikh illyuzij k yuridicheskomu realizmu. Ser.: Biblioteka sudebnogo konstitucionalizma. Vyp. 9. M.: YUrist, 2018. - 83 s.
5. Zor'kin V. D. Konstituciya Rossijskoj Federacii – pravovaya osnova integracii rossijskogo obshchestva // Zhurnal konstitucionnogo pravosudiya. 2018. № 6 (66). S. 1–11.

УДК 342

DOI: 10.22394/2074-7306-2020-1-3-69-75

КАДРОВЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ КАК КРИТЕРИЙ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПОДЗАКОННОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПАЛАТ ПАРЛАМЕНТА В РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Червинская Александра Павловна кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и муниципального права Среднерусского института управления – филиал РАНХиГС при Президенте Российской Федерации (г. Орел).
E-mail: sasha.m-87@mail.ru

Аннотация

В статье анализируются кадровые полномочия палат парламента России и зарубежных стран, как критерий механизма разграничения подзаконной компетенции. Автор приходит к выводу, что существующий механизм обеспечивает реализацию принципа разделения властей вне законодательной деятельности обеих палат.

Ключевые слова: парламент, компетенция, полномочие, власть, законодательный процесс, подзаконная компетенция.

Опыт России и зарубежных стран показывает, что между палатами бикамерального парламента должна быть разграничена компетенция не только в части законодательной деятельности, но и вне законодательного процесса. Основная цель такого разграничения состоит в создании дополнительных гарантий реализации

принципа разделения властей, закрепленного статьей 10 Конституции Российской Федерации. На наш взгляд, один из существенных критериев механизма разграничения подзаконной компетенции между палатами федерального парламента состоит в разделении кадровых полномочий (назначение на должности и освобождение от должностей).

Конституционная реформа 2020 года¹ не обошла стороной этот процесс: Президентом Российской Федерации было предложено, с одной стороны, усиление влияния Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (далее – Государственная Дума) на формирование состава Правительства Российской Федерации, с другой стороны, ограничение ряда кадровых полномочий Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации (далее – Совет Федерации) (в частности, до конституционной реформы 2020 года правом назначения Генерального прокурора Российской Федерации обладал Совет Федерации, что приводило к спорам о компетенции между Президентом Российской Федерации и парламентом²; конституционная реформа 2020 года закрепила данную прерогативу за главой государства, исключая решающее парламентское влияние на процессы назначения и освобождение от должности Генерального прокурора страны). Обновленное конституционное регулирование разграничения кадровых полномочий между Президентом Российской Федерации и палатами Федерального Собрания получило положительную оценку Конституционного Суда Российской Федерации с точки зрения соответствия первым двум главам Конституции страны³.

Основное кадровое полномочие Государственной Думы состоит в праве участия в назначении состава Правительства Российской Федерации. До конституционной реформы 2020 года оно ограничивалось правом трехкратного согласования кандидатуры Председателя Правительства Российской Федерации, причем в довольно усеченном виде (Президент Российской Федерации, в свое время, прибегал к практике внесения одной и той же кандидатуры, что не вызвало возражений Конституционного Суда Российской Федерации)⁴. Это обстоятельство дает основания ряду авторов квалифицировать российскую форму правления как смешанную, т.е. не отвечающую строго критериям ни президентской, ни парламентарной республики.

¹ Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СЗ РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 1 декабря 1999 г. № 17-П «По спору о компетенции между Советом Федерации и Президентом Российской Федерации относительно принадлежности полномочия по изданию акта о временном отстранении Генерального прокурора Российской Федерации от должности в связи с возбуждением в отношении него уголовного дела» // СЗ РФ. 1999. № 51. Ст. 6364.

³ Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» // Российская газета. 2020. 17 марта.

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 11 декабря 1998 г. № 28-П «По делу о толковании положений части 4 статьи 111 Конституции Российской Федерации» // СЗ РФ. 1998. № 52. Ст. 6447.

В президентской республике парламент не формирует исполнительную власть, парламентарная республика характеризуется, главным образом, парламентским способом формирования исполнительной власти.

Согласование Государственной Думой кандидатуры Председателя Правительства Российской Федерации, даже если оно связано правом представления Президента Российской Федерации одной и той же кандидатуры три раза подряд, исключает единоличное решение главы государства о формировании состава Правительства Российской Федерации. Тем более эта тенденция меняется в условиях конституционной реформы 2020 года, согласно которой подавляющее большинство федеральных министров (за исключением министров, подведомственных Президенту Российской Федерации), должно формироваться на основе волеизъявления депутатов Государственной Думы.

Конституционное регулирование порядка назначения председателя Правительства Российской Федерации в методологическом смысле имеет много общего с опытом конституционного регулирования Испании¹, чему не препятствует ни монархическая форма правления, ни унитарная форма политико-территориального устройства данной страны (подчеркнем, что фактически Испания представляет собой достаточно децентрализованное государство, во многом даже более децентрализованное, чем Россия, хотя формально Испания считается унитарным государством, а Россия – федеративным) [2].

В Испании после каждого обновления Конгресса депутатов королем предлагается кандидат на пост председателя Правительства. Это обусловлено двумя важными условиями: во-первых, король должен провести консультации с политическими партиями, во-вторых, кандидат на пост председателя Правительства предлагается «через председателя» Конгресса. В России Президент предлагает кандидатуры председателя Правительства Российской Федерации непосредственно Государственной Думе, не «через председателя» Думы.

Далее в Испании (ст. 99.1 Конституции) кандидат на пост председателя Правительства вносит на обсуждение Конгресса политическую программу и просит палату о доверии. В России Конституция не связывает кандидата на должность председателя Правительства Российской Федерации подобными условиями, что способствует персонализации кадрового решения (Государственная Дума голосует скорее «за» или «против» кандидата, чем за предлагаемую им политическую программу; вопрос о доверии Правительству в России не получил надлежащей конституционной институционализации на стадии согласования Думой назначения председателя Правительства Российской Федерации, это возможно только в отношении действующего состава высшего исполнительного органа) [1].

Кадровые полномочия палат Федерального Собрания Российской Федерации не исчерпываются назначением или согласованием назначения членов Правительства Российской Федерации. Так, Совет Федерации назначает и освобождает от должности судей Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации. Палаты участвуют в назначении должностных лиц и аудито-

¹ Конституция Испании // legalns.com.

ров Счетной палаты Российской Федерации, председателя Центрального банка Российской Федерации, членов Центральной избирательной комиссии Российской Федерации и т.д. – в сущности, практически всех должностных лиц, которые не входят в «классическую триаду» разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную ветви власти. Если компетенция по назначению этих должностных лиц переходит в состав полномочий Президента Российской Федерации, минуя волю палат парламента (вследствие конституционной реформы 2020 года это произошло, в частности, в механизме назначения и прекращения полномочий Генерального прокурора Российской Федерации) – наблюдается отклонение от требуемого статьей 10 Конституции Российской Федерации баланса властных полномочий высших государственных органов страны. Об этом свидетельствует не только опыт современной России, но и практика многих зарубежных стран.

Например, в Германии (статья. 94 Конституции ФРГ)¹ члены Федерального конституционного суда избираются в равной пропорции Бундестагом и Бундесратом. В России правом назначения судей высших судов обладает исключительно Совет Федерации, Государственная Дума от этого процесса юридически отстранена. В отличие от этого, например, в Индии ни одна из палат парламента не обладает правом участия в назначении судей Верховного суда, Контролера, генерального аудитора и других должностных лиц государства: это составляет исключительную прерогативу Президента страны. Сравнение конституционного опыта России и Индии², напротив, убеждает, что в нашей стране полномочия Президента Российской Федерации значительным образом сбалансированы компетенцией палат Федерального Собрания, причем и Совет Федерации, и Государственная Дума примерно в равной пропорции обладают соответствующими кадровыми полномочиями.

Примечателен опыт Франции³, в которой полномочия членов Конституционного совета делятся девять лет, не подлежат возобновлению, причем состав Конституционного совета обновляется на одну треть каждые три года: три члена назначаются Президентом, три – председателем Национального собрания и три – председателем Сената (статья 56 Конституции Франции). В современной России ни председатель Совета Федерации, ни председатель Государственной Думы подобными полномочиями не обладают в силу их конституционного статуса как «спикеров», т.е. «первых среди равных». Если закон и наделяет одну из палат Федерального Собрания какой-либо компетенцией, она реализуется в заседании, посредством голосования сенаторов или депутатов надлежащим большинством голосов по правилам кворума с соблюдением регламентных процедур; делегироваться должностным лицам она не может. Тем не менее, конституционный законодатель Франции предпочел совершенно иной путь: наделение председателей палат одним из фундаментальных прав назначения состава органа конституционного контроля. Конечно, отождествлять статусы Конституционного совета Франции как «квазисудебного» органа предварительного конституционного контроля и Конституционного Суда Российской Федерации как полноценного высшего суда не следует. Однако нельзя не подчеркнуть,

¹ Конституция ФРГ // legalns.com.

² Конституция Индии // legalns.com

³ Конституция Франции // legalns.com

что предоставление председателю Совета Федерации права назначения судей Конституционного Суда Российской Федерации в российской политической традиции выглядело бы как нечто экстраординарное, в то время как во Франции подобная практика существует и не вызывает возражений политического истеблишмента.

Достаточно подробное регулирование «кадровых» полномочий палат парламента характерно для Конституции Казахстана¹ (статья 55). В частности, Сенату подведомственно избрание и освобождение от должности Председателя Верховного Суда, председателей коллегий и судей Верховного Суда, что осуществляется по представлению Президента страны. Генеральный прокурор и руководитель службы безопасности государства назначается главой государства с согласия Сената. Эта же палата парламента решает вопрос о снятии иммунитета руководителей перечисленных правоохранительных органов. Другая палата парламента Казахстана (Мажилис) не участвует в назначении, согласовании и снятии иммунитета в отношении высших правоохранительных органов, однако она наряду с Сенатом делегирует своих представителей в состав квалификационной коллегии юстиции. Из этого можно сделать вывод, что кадровая составляющая правоохранительной сферы деятельности в Казахстане, в отличие от Совета Федерации в России, не замыкается на полномочия Сената, хотя роль верхней палаты парламента данных стран в данной сфере значительно выше.

В Бельгии², для которой характерен монархический и федеративный конституционный строй, право назначения министров принадлежит королю. Полномочия палат парламента Бельгии вообще слабо разграничены, чаще всего Конституция апеллирует к парламенту или к его «палатам» во множественном числе, что равнозначно обращению к парламенту. Но и в Конституции Бельгии имеются исключения. Так, статья 101 Конституции определяет ответственность министров перед Палатой представителей, что исключает ответственность высшего исполнительного органа перед другой палатой (Сенатом) или вообще перед парламентом.

В 2012 году в Конституционном Суде Российской Федерации слушалось дело о проверке конституционности федерального закона о статусе сенаторов и федеральных депутатов в части проверки допустимости установления прерогатив палат Федерального Собрания на досрочное прекращение полномочий их членов. Полагаем, что это – весьма значимое явление российского конституционализма, которому, в свое время, не уделялось надлежащего внимания в научной и публицистической литературе. Прежде всего, важно подчеркнуть, что Конституция Российской Федерации не наделяет Совет Федерации правом досрочного прекращения полномочий членов Совета Федерации, равно как и Государственную Думу прерогативой лишения ее депутатов народного мандата. В течение сравнительно продолжительного времени после принятия Конституции РФ 1993 года считалось очевидной в силу конституционного обычая недопустимость такого расширения компетенции палат вне законодательного процесса. Совет Федерации и Государственную Думу можно наделить любым разумным кадровым полномочием подзаконного характера, но не компетенцией, фактически заменяющей волеизъявление формирующих состав палат субъектов

¹ Конституция Казахстана // legalns.com

² Конституция Бельгии // legalns.com

конституционных правоотношений. Наделение Совета Федерации правом досрочного прекращения полномочий федеральных сенаторов означало бы не просто подмену права законодательных (представительных) и исполнительных органов субъектов Российской Федерации на формирование и отзыв своих представителей. Это позволяло бы, пусть и косвенным образом, мажоритарному большинству других субъектов Федерации оказывать доминирующее влияние на кадровую политику каждого конкретного субъекта Российской Федерации. Аналогичный принцип может быть распространен и на процесс формирования Государственной Думы: если данная палата Федерального Собрания вправе досрочно прекратить полномочия отдельного депутата, то фактически это означает, что мажоритарное большинство парламентариев вправе контролировать деятельность отдельного депутата, который представляет соответствующий электорат и вправе рассчитывать на известную степень независимости в политической деятельности.

Конституционный Суд Российской Федерации не посчитал это нарушением Конституции Российской Федерации, если не принимать во внимание ряд незаслуживающих внимания деталей конституционно-правового регулирования. Мотивировалось это наличием конституционной дискреции законодателя, разнообразием практики зарубежных стран, квазисудебной процедурой рассмотрения соответствующих дел в Государственной Думе и возможностью последующего судебного контроля досрочного прекращения полномочий депутата в судах общей юрисдикции¹.

Подводя итог изложенному, можно сделать вывод, что существующий механизм разграничения кадровых полномочий между палатами Федерального Собрания Российской Федерации обеспечивает реализацию принципа разделения властей вне законодательной деятельности обеих палат.

Литература

1. Караев Р.Ш., Караев А.Ш., Полякова О.А. Специальная форма парламентского контроля: анализ вопроса о доверии Правительству РФ // Научные труды РАЮН. В 3-х т. Вып. 9. Т. 1.М.: Юрист, 2009. С. 979.
2. Орехович А.В. Основные этапы децентрализации и изменения конституционно-правового статуса «государства автономий» в процессе развития регионализма в Испании // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 4. С. 34.

Chervinskaya Alexandra Pavlovna - candidate of law, associate Professor, associate Professor of the Department of constitutional and municipal law of the Central Russian Institute of management-branch of Ranepa under the President of the Russian Federation, Orel. e-mail: sasha.m-87@mail.ru

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 27 декабря 2012 г. № 34-П «По делу о проверке конституционности положений пункта «в» части первой и части пятой статьи 4 Федерального закона «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // СЗ РФ. 2013. № 1. Ст. 78.

**PERSONNEL POWERS AS A CRITERION FOR DIFFERENTIATING THE SUBORDINATE
COMPETENCE OF THE CHAMBERS OF PARLIAMENT IN RUSSIA AND ABROAD**

Abstract

The article analyzes the personnel powers of the chambers of the Parliament of Russia and foreign countries as a criterion for the mechanism of differentiation of subordinate competence. The author concludes that the existing mechanism ensures the implementation of the principle of separation of powers outside the legislative activity of both chambers.

Keywords: Parliament, competence, authority, power, legislative process, subordinate competence.

References

1. Karaev R.SH., Karaev A.SH., Polyakova O.A. Special'naya forma parlamentskogo kon-trolya: analiz voprosa o doverii Pravitel'stvu RF // Nauchnye trudy RAYUN. V 3-h t. Vyp. 9. T. 1.M.: YUrist, 2009. S. 979.
2. Orekhovich A.V. Osnovnye etapy decentralizacii i izmeneniya konstitucionno-pravovogo statusa «gosudarstva avtonomij» v processe razvitiya regionalizma v Ispanii // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2009. № 4. S. 34.

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ**

**Баттахов
Петр
Петрович**

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник
сектора предпринимательского и корпоративного права
ФГБУН Институт государства и права РАН
(119019, Россия, Москва, ул. Знаменка, д.10).
E-mail:battakhov@mail.ru

Аннотация

В статье раскрываются общие понятия социального предпринимательства как самостоятельного направления предпринимательской деятельности и сопоставление правовых положений социального предприятия и некоммерческой организации, а также их правовое регулирование по федеральному законодательству. Проведен анализ различия видов деятельности между социальным предприятием и некоммерческой организацией. Впервые рассматриваются договорные отношения по объектам интеллектуальной собственности с участием социальных субъектов. Разработано авторское определение понятия социального предприятия. Изучена ответственность хозяйствующих субъектов при осуществлении социального предпринимательства и выдвинуто предложение по усовершенствованию действующего законодательства.

Ключевые слова: социальное предпринимательство; предприниматель, интеллектуальная собственность; коммерческая концессия; регистрация; некоммерческая организация; субъект; общества; договор; хозяйствующий субъект; закон; объект; деятельность.

Последние два года в России развивается социальное предпринимательство, и быстрыми темпами растет количество желающих стать хозяйствующими субъектами. Государство уделяет особое внимание и прилагает колоссальные усилия для развития данного направления. Зарождающаяся область, несомненно, привлекает все секторы экономики. По данной тематике создаются научные труды, проводятся международные, всероссийские конференции, материалы которых публикуются в СМИ. Органы законодательной власти России принимают ряд нормативных правовых актов.

На федеральном и региональном уровнях социальное предпринимательство имеет актуальность среди хозяйствующих субъектов, властей и населения. В российском обществе поднимаются и ставятся вопросы перед властью о решении социальных задач на благо общества. В 2019 г. в Федеральный закон «О развитии малого и

среднего предпринимательства в Российской Федерации» внесен ряд изменений в ст. 3, 4.1, 24.1, значит, на данном этапе нужны изменения. Федеральный закон № 245-ФЗ, который ввел в законодательство Российской Федерации понятия социального предпринимательства и социального предприятия, официально опубликован и вступил в силу¹. Социальное предпринимательство – фиктивный механизм решения социальных проблем. Социальные проблемы возникают и существуют в обществе и государстве. Социальное предпринимательство зачастую предоставляет возможность этим двум большим системам найти язык для диалога, договориться, как вести этот диалог и соответственно приходит к тому, что люди в стране должны жить качественнее и лучше. Должен быть баланс между государственной поддержкой и частной инициативой. Частная инициатива зачастую более эффективна, чем решение этой проблемы государством. Зарубежный и российский опыт показывает, что в последние годы в стране востребованы социальные предприниматели.

В целом создание социально-предпринимательского проекта, на наш взгляд, является большим успехом для всего российского общества и предпринимательской среды, сигнализируя о необходимости изменения климата. По сравнению с предыдущим годом хозяйствующие субъекты, чтобы получить статус социального предприятия и заниматься данной деятельностью должны пройти процедуру регистрации в орган исполнительной власти – Министерство экономического развития РФ и внесения в Реестр субъектов малого и среднего предпринимательства который ведет федеральная налоговая служба. Будущее социального предпринимательства в России имеет большую перспективу.

Социальное предпринимательство необходимо поддерживать на уровне государства и, кроме того, должна быть проявлена инициатива от самих предпринимателей.

Термины «социальное предпринимательство» (англ. *social entrepreneurship*) и «социальный предприниматель» (англ. *social entrepreneur*) впервые упоминаются в 1960–1970-х годах в англоязычной литературе, посвященной вопросам социальных изменений².

В соответствии с п. 7 ст. 3 ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» понятие социального предпринимательства – это предпринимательская деятельность, направленная на достижение общественно полезных целей, способствующая решению социальных проблем граждан и общества и осуществляемая в соответствии с условиями, предусмотренными ч. 1 ст. 24.1 настоящего Федерального закона³.

Социальное предпринимательство выполняет две значимые задачи. Первая задача – предпринимательская деятельность, вторая – направлена на решение социальных проблем. В законе в настоящее время нет единого определения деятельности

¹ Федеральный закон от 26 июля 2019 г. № 245-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации” в части закрепления понятий “социальное предпринимательство”, “социальное предприятие” // СПС «КонсультантПлюс».

² Enterprising Ideas. What is a Social Entrepreneur? PBS Foundation. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 19.06.2018).

³ Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс».

социального предпринимательства. Согласно п. 1 ст. 2 ГК РФ предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг. Лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность, должны быть зарегистрированы в этом качестве в установленном законом порядке, если иное не предусмотрено настоящим Кодексом¹. Помимо вышеуказанного примера деятельность социальных предприятий совпадает с деятельностью некоммерческих организаций.

В работе анализируются соотношения понятий «социальное предприятие» и «некоммерческая организация» и их признаки. В данной ситуации, если сравнивать социальное предприятие с некоммерческой организацией, встречается много сходства. В научной среде известные ученые по-разному трактуют понятие идентичности хозяйствующих субъектов, некоторые исследователи приводят противоположные версии. В теории и на практике хозяйствующие субъекты отличаются по нескольким критериям. По нашему мнению, значимое различие между социальным предпринимательством и некоммерческой организацией – все-таки их правовой режим.

В Федеральном законе «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (п. 8 ст. 3) так излагается понятие «социальное предприятие» – это субъект малого или среднего предпринимательства, осуществляющий деятельность в сфере социального предпринимательства.

Для дальнейшей реализации деятельности социального предпринимательства [1, с.4-6.] необходимы некоторые приоритеты перед некоммерческими организациями. Например, по действующему законодательству социальное предприятие определяется по ряду преимуществ перед остальными хозяйствующими субъектами:

- понятный бухгалтерский учет и налоговый режим;
- упрощенная регистрация;
- отсутствие отчетности об использовании имущества²

Законодатель внес исчерпывающий перечень хозяйствующих субъектов, занимающихся социальным предпринимательством. В соответствии с п. 1 ст. 4 Федерального закона «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» субъектами социального предпринимательства являются: индивидуальные предприниматели; производственные кооперативы; хозяйственные партнерства хозяйственные товарищества; потребительские кооперативы; крестьянские (фермерские) хозяйства и хозяйственные общества. Перечень же некоммерческих организаций по Гражданскому кодексу РФ тоже не велик.

Согласно Федеральному закону «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» и Гражданскому кодексу РФ в перечень двух указанных субъектов входит потребительский кооператив (некоммерческая организация), который может заниматься социальным предпринимательством. В связи с этим

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 16 ноября 2019 г., с изм. от 28 апреля 2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

² URL: <https://philanthropy.ru/>

возникает вопрос, разве некоммерческая организация может заниматься социальным предпринимательством?

Цели и задачи социального предприятия и некоммерческой организации абсолютно похожие:

1. во-первых, извлечение прибыли;
2. во-вторых, достижение общественно-полезных целей.

Большое значение имеет источник финансирования [2, с.109-112.] хозяйствующих субъектов. В частности, поступление денежных средств некоммерческих организаций приходит от пожертвований и государственной поддержки, а у социального предприятия – за счет финансовой поддержки государства и самостоятельно заработанных доходов.

Например, на практике хозяйствующий субъект, осуществляющий деятельность по организации и проведению азартных игр в казино, трудоустраивает ряд категорий граждан по требованию закона, чтобы получить статус социального предприятия. Однако законодатель не допускает всех хозяйствующих субъектов заниматься социальным предпринимательством, ограничив перечень видов социальной деятельности. Субъект малого и среднего бизнеса должен соответствовать всем требованиям закона, обеспечивать работой некоторые категории граждан и заниматься определенной деятельностью по 18 направлениям, только тогда он может получить статус социального предприятия. Государство ограничило оказание поддержки по осуществлению социальных программ.

Специфичность некоммерческой организации состоит в законе, когда выполняет определенную задачу и занимается предпринимательской деятельностью в рамках уставных целей. Согласно п. 1 ст. 50 ГК РФ организации, не имеющие извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности и не распределяющие полученную прибыль между участниками, признаются некоммерческими организациями¹.

Вместе с тем правосубъектность некоммерческих организаций направлена именно на достижение социально полезного эффекта и решение социально значимых задач. Кроме того, она позволяет осуществлять предпринимательскую деятельность (п. 1 ст. 2 ФЗ «О некоммерческих организациях»)².

Ответственность хозяйствующих субъектов наступает в соответствии с п. 3 ст. 401 ГК РФ, если иное не предусмотрено законом или договором, лицо, не исполнившее или ненадлежащим образом исполнившее обязательство при осуществлении предпринимательской деятельности, несет ответственность, если не докажет, что надлежащее исполнение оказалось невозможным вследствие непреодолимой силы, т.е. чрезвычайных и непредотвратимых при данных условиях обстоятельств. К таким обстоятельствам не относятся, в частности, нарушение обязанностей со стороны контрагентов должника, отсутствие на рынке нужных для исполнения товаров, отсутствие у должника необходимых денежных средств (п. 3 ст. 401 ГК РФ). Непосред-

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 16 ноября 2019 г., с изм. от 28 апреля 2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

² Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ (ред. от 2 декабря 2019 г.) «О некоммерческих организациях» // СПС «КонсультантПлюс».

ственно социальное предприятие и некоммерческая организация, осуществляющие предпринимательскую деятельность, несут ответственность согласно ст. 401 ГК РФ.

В целях поддержки социального предпринимательства предлагаю изменить п. 1 ст. 401 ГК РФ и дополнить словами: «... чтобы осуществляющие хозяйственную деятельность социальные предприятия несли ответственность только за определенную вину». Смягчение санкции придаст толчок развитию социального предпринимательства в Российской Федерации.

Следует также выделить распределение прибылей для хозяйствующих субъектов. В социальных предприятиях дивиденды распределяются между учредителями, в некоммерческих же организациях доходы не распределяются между участниками.

В социальном предпринимательстве систематически извлекаемая прибыль и одновременно решаемые социальные задачи имеют комплексный характер. В некоммерческих организациях на первом месте все-таки стоит решение социальных вопросов, а полученная прибыль идет на реализацию социальных задач. На практике субъекты идентично выполняют свои задачи. На сегодняшний день социальные предприятия вырученные доходы расходуют на решение социальных задач и погашение заработной платы, а также прочих расходов.

Социальное предприятие обладает общей правоспособностью, должно заниматься незапрещенным видом хозяйственной деятельности, направленной на решение социальных вопросов.

В законодательство внесено определение социального предприятия как самостоятельного субъекта, на практике встречается много непонятных вопросов. Предлагаю разобраться. Социальное предприятие решает проблемные социальные задачи, создает условия труда и предоставляет материальную помощь для нуждающихся граждан. Субъект, целеустремленный за счет государственных средств либо за свой счет и риск, ежедневно осуществляет хозяйственную деятельность. Социальное предприятие ежедневно получает прибыль для решения социальных вопросов.

На практике социальное предприятие решает ряд социальных вопросов, например, занимается строительством социальных объектов (школ для сирот, детских садов и интернатов для престарелых) и восстанавливает стабильное равновесие в обществе.

Предлагается внести изменения в п. 8 ст. 3 Федерального закона «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации», изложив ее в следующей редакции:

«Социальное предприятие – это юридическое лицо, получившее определенный статус для осуществления социального предпринимательства по определенным видам деятельности, предприятие рискует казенным и личным имуществом, достигает высоких результатов и решает социальные задачи для благополучия населения на протяжении деятельности».

Социальное предприятие [3, с.53-54.], несмотря на сложные задачи, ежедневно преодолевает существенные трудности. Настоящий социальный проект как хозяйствующий субъект является двигателем развития общества и новаторства для бизнеса.

При договорных отношениях многое зависит от организационно-правовой формы хозяйствующих субъектов, на практике встречается ряд ограничений.

В последние годы в стране с развитием интеллектуальной собственности и общественной значимости заключаются договоры в сфере интеллектуальной собственности между хозяйствующими субъектами и некоммерческими организациями. В масштабе страны ежедневно в судах разных инстанций рассматриваются многочисленные судебные споры по интеллектуальной деятельности хозяйствующих субъектов по договорам коммерческой концессии, лицензионным договорам, договорам об отчуждении исключительных прав и т.д.

Актуальным вопросом является сравнительный анализ по договорным отношениям интеллектуальной собственности некоммерческих организаций и социальных предпринимателей на примере договора коммерческой концессии.

По договору коммерческой концессии одна сторона (правообладатель) обязуется предоставить другой стороне (пользователю) за вознаграждение на срок или без указания срока право использовать в предпринимательской деятельности пользователя комплекс принадлежащих правообладателю исключительных прав, включающий право на товарный знак, знак обслуживания, а также права на другие предусмотренные договором объекты исключительных прав, в частности, на коммерческое обозначение, секрет производства (ноу-хау) (п. 1 ст. 1027 ГК РФ).

На практике встречается много спорных моментов в реализации уставных задач. Например, некоммерческая организация на решение общественных благ производит слуховые аппараты для слабослышащих. Тем не менее общество не может само массово производить аппараты, поэтому комплекс исключительных прав может передать в соответствии с непоименованным договором для серийного производства в коммерческой организации. В связи с правовым статусом некоммерческих организаций по предпринимательским договорам не имеют право передавать комплекс исключительных прав и получать доход от хозяйственной деятельности. По действующему Гражданскому кодексу РФ (ст. 1027) договор коммерческой концессии – чисто предпринимательский договор. В таких отношениях сторонами могут быть только коммерческие организации, и договор обязательно должен быть возмездным.

В связи с этим некоммерческие организации для решения уставных и общественных задач должны решать вопрос по предложенной мной схеме. Например, чтобы некоммерческие организации передавали комплекс исключительных прав в порядке коммерческой концессии другим организациям – коммерческим и некоммерческим – для производства общепользовательных товаров и услуг (в частности, для слабослышащих). Для этого предлагается использовать конструкцию безвозмездного договора передачи исключительных прав как договора непоименованного, который в таком случае и может быть заключен без нарушения Гражданского кодекса РФ в общественно полезных целях.

Во время пандемии в столице и регионах России можно было бы привлекать социальных предпринимателей для решения государственных задач. В частности, нехватка волонтеров в стране во время самоизоляции с применением бесплатного труда добровольцев: спортсменов, артистов, студентов и др. В настоящее время данная ниша является востребованной для организации решения поставленных целей и

задач. Думаю, что этим сегментом на рынке в последующем должны профессионально заниматься социальные предприятия. Для сохранения рабочих мест не нужно массово ликвидировать коммерческие организации, их необходимо преобразовать (реорганизовать) в качестве социального предприятия для дальнейшего развития экономики страны. Сейчас данная ситуация взаимовыгодна для сторон на удовлетворение коммерческих и социальных интересов. Внесенное в реестр юридическое лицо в качестве социального предприятия должно получить государственную поддержку, а государство – реализовать поставленные социальные задачи и соответственно выполнять обязательство по федеральной программе.

В итоге социальные предприятия с некоммерческой организацией в связи с развитием социального предпринимательства в России со временем утратят актуальность и прекратят свою деятельность на рынке.

Таким образом, изучив данную тему, несмотря на пробелы в законодательстве, последние вызовы в обществе требуют новых подходов для хозяйствующих субъектов. В современном обществе должно развиваться социальное предпринимательство.

К сожалению, на доктринальном уровне нет единства понятий о социальном предпринимательстве. Правовое регулирование социального предпринимательства должно совершенствоваться в целях решения социальных вопросов для населения, и в первую очередь необходимо стремиться к принятию в связи с этим отдельного федерального закона.

Литература

1. Занковский С.С., Дятко Г.В. О понятии предпринимательского договора. М.: Юрист, 2016. №3. С.4-6.
2. Шпинев Ю.С. Классификация инвестиций. М.: Юр-ВАК, 2020. №1. С.109-112.
3. Шапсугова М.Д. НКО забыли? Комментарий к закону о социальном предпринимательстве. М.: Юрист, 2019. №4. С.53-54.

Battakhov Petr Petrovich candidate of Law Sciences, senior research associate of the sector of enterprise and corporate law of FGBUN Institute of the state and right of RAS, 119019, Moscow, st. Znamenka, 10.E-mail:battakhov@mail.ru

LEGAL REGULATION OF SOCIAL ENTREPRENEURSHIP IN THE FIELD OF INTELLECTUAL PROPERTY

Abstract

The article discloses the general concepts of social entrepreneurship as an independent direction of entrepreneurial activity and a comparison of the legal provisions of a social enterprise and a non-profit organization, as well as their legal regulation under federal legislation. An analysis of the difference between activities between a social enterprise and a non-profit organization has been carried out. For the first time, contractual relations on intellectual property objects involving social actors are considered. The author 's definition of the

concept of social enterprise has been developed. The responsibility of economic entities in carrying out social entrepreneurship has been studied and a proposal to improve the current legislation has been put forward.

Keywords: social entrepreneurship; businessman, intellectual property; commercial concession; registration; non-profit organization; subject; societies; contract; economic entity; law; object; activity.

References

1. Zankovsky S.S., Dyatko G.V. On the concept of an entrepreneurial contract. M.: Lawyer, 2016. № 3. Page 4-6.
2. Spinev Y.S. Investment Classification. Moscow: Yur-VAK, 2020. No. 1. Page 109-112.
3. Shapsugova M.D. NKO forgot? Commentary on the Social Entrepreneurship Act. M.: Lawyer, 2019. No. 4. Page 53-54.

УДК 347.451.41

DOI: 10.22394/2074-7306-2020-1-3-83-90

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КУПЛИ-ПРОДАЖИ ЖИЛЫХ ПОМЕЩЕНИЙ

Чебоньян Татьяна Гайковна	доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Ростовский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия» (344038, г. Ростов-на-Дону, пр. Ленина, 66) e-mail: chebonyan@gmail.com
Закирова Светлана Андреевна	кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданского права Ростовский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия» (344038, г. Ростов-на-Дону, пр. Ленина, 66) e-mail: zakirova_lana@inbox.ru

Аннотация

В данной статье рассматривается ряд правовых вопросов толкования и проблем применения отдельных положений норм гражданского законодательства, регулирующие куплю-продажу недвижимого имущества. Также проводится анализ норм жилищного законодательства, связанных с правом пользования жилым помещением после его отчуждения, в частности: лиц, постоянно проживающих с нанимателем; с ссудополучателем на основании договора безвозмездного пользования (определен ссуды); получатели ренты на условиях пожизненного содержания с иждивением.

По прежнему в российском законодательстве отсутствует легальное обозначение понятий «комната», «жилой дом», как объектов жилой недвижимости; отсутствует однозначное определение того, какие категории лиц могут являться членами семьи.

Ключевые слова: *особенности правового регулирования, купля-продажа, жилые помещения, договор, право пользования, отчуждение, существенные условия договора, временные жильцы, недвижимое имущество.*

Сделки с недвижимостью давно стали неотъемлемой частью гражданско-правового оборота. Ежегодно их число растет, что является свидетельством важности в современном государстве, а также указывает на развитие рыночных отношений в РФ.

В соответствии со статьей 130 Гражданского кодекса РФ (далее - ГК РФ) [1], критериями отнесения объектов гражданского права к недвижимому имуществу, по которым все недвижимые объекты могут быть разделены, на три группы. К первой группе отнесены объекты, являющиеся недвижимостью по своей природе: земельные участки и участки недр. Критерии второй группы – прочная связь объектов с землей, невозможность перемещения без несоразмерного ущерба их назначению. К объектам, являющимся недвижимостью по физическим свойствам, относятся здания, сооружения и другие объекты. К третьей группе относятся объекты, являющиеся недвижимостью в силу прямого указания закона.

Жилые помещения могут быть отнесены к недвижимости как по второму критерию (невозможность перемещения без ущерба назначению), так и в силу специального указания в законе. Согласно ч. 2 ст. 15 Жилищного кодекса РФ (далее – ЖК РФ) [2], жилыми помещениями признаётся изолированное помещение, которое является недвижимым имуществом и пригодно для постоянного проживания граждан, и отвечает установленным санитарным и техническим правилам и нормам, иным требованиям закона.

Можно сказать, что жилые помещения в гражданско-правовых отношениях выступают объектами с особым юридическим режимом недвижимости, оборот которых подчиняется специальным правилам, в том числе о государственной регистрации прав и сделок.

Как установлено ч. 1 ст. 16 ЖК РФ, ст. 558 ГК РФ к жилым помещениям относятся: жилой дом, часть жилого дома; квартиры, часть квартиры и комната. Гражданское законодательство содержит, специальную статью, закрепляющую особенности продажи жилых помещений (ст. 558 ГК РФ), тем самым, законодатель акцентирует внимание на обороте такого объекта недвижимости как жилые помещения.

Систематический анализ положений § 7 ГК РФ позволяет сформулировать определение договора купли-продажи жилых помещений, соглашение, по которому одна сторона (продавец) обязуется передать в собственность другой стороне (покупателя) жилое помещение, а покупатель в свою очередь должен уплатить за него обговоренную в соглашении цену.

Договор купли-продажи жилых помещений является консенсуальным, двухсторонне обязывающим. Такой договор должен быть заключен в письменной

форме (ст. 550 ГК РФ). Требования к форме договора. Договор купли-продажи заключается в письменной форме в виде одного документа, подписанного сторонами (ст. 550 ГК) и содержащего соглашения по всем существенным условиям (п. 1 ст. 432 ГК). Соответственно договоры, составленные в простой письменной форме и содержащие более одного листа, должны быть прошиты и скреплены подписями сторон, а для юридических лиц - и оттисками печати [3].

Следует отметить, что передаточный акт – необязательное приложение к договору купли-продажи, а самостоятельный документ, подтверждающий исполнение обязательств по договору передачу недвижимости продавцом и принятие ее покупателем, в связи с чем, передаточный акт может быть составлен и в простой письменной форме, даже если договор нотариально удостоверен.

В договоре должно быть указаны стороны сделки и существенные условия, установленные законом для договоров купли-продажи жилья.

Стороны договора должны быть указаны в соответствии с требованиями гражданского законодательства, п. 1,2 ст. 18 Закона о регистрации прав, п. 18 Правил ведения Единого государственного реестра прав, для физических лиц указываются: фамилия, имя, отчество (полностью, без сокращений), пол, гражданство, дата и место рождения, место проживания, наименование и реквизиты документов, устанавливающих личность (например, паспортные данные).

Если договор заключен не сторонами, а их представителями, то в договоре помимо данных сторон указываются данные о представителях и полномочия, в силу которых они действуют (доверенности, документы законных представителей несовершеннолетних младше 14 лет и лиц, лишенных дееспособности).

Несовершеннолетние старше 14 лет и ограниченные в дееспособности граждане заключают и подписывают договор самостоятельно. Необходимое в соответствии с п. 1 ст. 26, п. 1 ст. 30 ГК согласие их законных представителей и попечителей может быть выражено в договоре или представлено отдельными документами.

Договоры купли-продажи могут быть заключены лицами, не являющимися собственниками недвижимости, но действующими от собственного имени (доверительные управляющие, конкурсные управляющие при несостоятельности (банкротстве), специализированные организации на публичных торгах, комиссионеры и др.).

Существенными условиями договора купли-продажи жилого помещения являются указание в нем всех данных продаваемого имущества, которые придают имуществу индивидуальную определенность (ст.554 ГК РФ). Предметом продажи является имущество, право на которое зарегистрировано в установленном порядке. Поэтому в договоре должны фиксироваться сведения о продаваемом имуществе, содержащиеся в формах государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним

Объект жилой недвижимости должен быть описан в соответствии с требованиями п. 1 ст. 18 и п. 6 ст. 12 Закона о регистрации прав. Должны быть указаны: вид (название) объекта: здания и сооружения, жилой дом, садовый дом, дача, квартира, часть здания, нежилое помещение, часть дома, часть квартиры; адрес (местоположение) [4]; литеры или номера строений, условный номер объекта, при-

своенный органом по регистрации прав, в случае нахождения нескольких объектов под одним почтовым адресом; этажность объекта; этаж и номера помещений на поэтажном плане; площадь объекта.

Следует отметить, что в гражданском и жилищном законодательстве РФ нет четкого определения таких объектов жилого недвижимого имущества, как комната или жилой дом. В отношении правового понимания толкования понятия комнаты, ее следует рассматривать как часть жилого дома или квартиры. При этом предметом договора купли-продажи должно быть лишь изолированное жилое помещение, или ее часть. Как уже говорилось, легитимного понятия жилого дома в законодательстве нет. Пункт 1 ст. 130 ГК РФ к недвижимым вещам относит здания и сооружения. Таким образом можно предположить, что законодатель рассматривает жилой дом, как здание, обладающее специальным назначением, для постоянного проживания граждан, в том числе для использования в качестве общежитий или служебных помещений.

Если предметом договора является передача доли в праве общей собственности, то указываются размер доли в виде простой дроби и данные о целом объекте недвижимости.

Новые экономические условия, породившие множество непроверяемых рисков, в которых осуществляется оборот жилой недвижимости, потребовали создания новых правовых механизмов, которые в большей степени гарантировали бы соблюдение прав и законных интересов сторон договора купли-продажи [5]. Данная цель может быть достигнута посредством Гражданского кодекса РФ и специального законодательства.

Еще одним существенным условием договора продажи жилого помещения является цена продаваемого имущества (ст. 555 ГК РФ). Обязательное включение цены имущества в договор обусловлено, как правило, значительной определён стоимостью использован продаваемого имущества, также необходимостью уплаты налога с продажи данного имущества, размеры которого определяются исходя из продажной цены имущества.

Цена недвижимого имущества может быть установлена соглашением сторон, что указано в статье 555 ГК РФ. Возможно указание цены на единицу площади, тогда цена договора определяется исходя из площади передаваемого недвижимого имущества. Допустимо определение цены договора в рублевом эквиваленте суммы, определенной в иностранной валюте или условных единицах (ст. 317 ГК РФ). В таком случае цена договора в рублях устанавливается по документам фактической оплаты на день платежа.

На протяжении многих лет, не решаемым вопросом в законодательстве и судебной практике была проблема заключения договора купли-продажи жилого помещения по цене, отличающейся от цены, указанной в договоре. Зачастую при продаже жилой недвижимости ее стоимость существенно занижалась в тексте сделки.

В 2013 году в п. 2 ст. 170 ГК РФ были внесены существенные изменения в отношении правового регулирования недействительности притворных сделок. В новой редакции к притворной сделке относятся не только сделки, совершенные под прикрытием другой сделки, но и те, которые заключены сторонами на иных условиях, не

соответствующих действительности. Считаем абсолютно справедливым законодательное решение к договорам купли-продажи жилой недвижимости с существенно заниженной или завышенной ценой по договору, не соответствующей реальной внесенной стоимости, о признании притворной сделкой и применении к такого рода операциям соответствующих правовых последствий.

Не следует путать цену договора с инвентаризационной оценкой жилья, кадастровой (нормативной) ценой, данными независимой оценки. Установленная соглашением сторон цена жилья может быть как выше, так и ниже оценки.

Для правильного налогового учета, например получения налогового вычета, при покупке жилья в договоре купли-продажи жилого дома с земельным участком необходимо отдельно определять цену объекта и цену участка [6]. При продаже жилья имущества в кредит с условием о рассрочке платежа должны быть указаны порядок, сроки и размеры платежей (п. 1 ст. 489 ГК).

Также, особенностью купли-продажи жилых помещений является выделение в качестве существенного условия договора указания в тексте соглашения лиц, сохраняющих в соответствии с законом право пользования жилым помещением после его приобретения покупателем.

Такое существенное условие с одной стороны является гарантией «чистоты» жилья для покупателя, с другой стороны закон гарантирует права на жилище лиц, проживающих в продаваемом жилом помещении.

Перечень лиц, проживающих в жилом помещении и сохраняющих в силу п. 1 ст. 555 ГК РФ, право пользования после приобретения жилого помещения покупателем, с указанием их прав пользования. К таким лицам относятся члены семьи собственника жилого помещения (ст. 292 ГК РФ), наниматель жилого помещения и постоянно проживающие с ним граждане (ст.ст. 675 и 677 ГК РФ), граждане, являющиеся поднанимателями в пределах срока поднайма, но не более срока действия договора найма (ст. 685 ГК РФ). В договоре может быть положение об отсутствии таких лиц. Однако, в отношении понятия «члена семьи» до сих пор нет единого мнения. В зависимости от целей правового регулирования в различных отраслях права по-разному определяется круг членов семьи. По причине отсутствия единого понятия "член семьи" собственник самостоятельно дает оценку многим правовым положениям. Налицо факт правовой незащищенности вселившихся лиц, не относящихся к ближайшим родственникам собственника перед самим собственником [7].

И так, сохраняют права пользования жилым помещением после его отчуждения, в частности: наниматели и постоянно проживающие с ними граждане (ст. 675, 677 ГК); ссудополучатели, проживающие в жилом помещении на основании договора безвозмездного пользования (ссуды) (ст. 700 ГК); получатели ренты на условиях пожизненного содержания с иждивением, чья потребность в жилище обеспечивается проживанием в данном помещении (ст. 586,602 ГК); отказополучатели, проживающие в жилом помещении в силу завещательного отказа (ст. 1137 ГК) [8]; члены семьи (в том числе бывшие члены семьи) продавца приватизированного помещения, имевшие в момент приватизации равные с ним права, если иное не

предусмотрено законом или соглашением между ними и продавцом (ст. 19 Закона о введении в действие ЖК РФ).

Не сохраняют прав пользования жилым помещением временные жильцы, срок проживания которых не может превышать шести месяцев (ст. 680 ГК) [9]. В настоящее время согласно п. 2 ст. 292 ГК РФ, переход права собственности на жилой дом или квартиру к другому лицу является основанием для прекращения права пользования жилым помещением членами семьи прежнего собственника, если иное не установлено законом.

Необходимо учитывать особенности купли-продажи отдельных видов жилых помещений [10]. Так, согласно п. 6 ст. 42 ЖК РФ, при продаже комнаты в коммунальной квартире остальные собственники комнат в данной коммунальной квартире имеют преимущественное право покупки отчуждаемой комнаты в порядке и на условиях, которые установлены ГК РФ [11].

В заключении следует отметить, правовое регулирование сделок в сфере купли-продажи жилого имущества имеет ряд особенностей и проблем, требующих их детального научного и законодательного рассмотрения. Ввиду динамически развивающихся отношений в сфере купли-продажи жилой недвижимости механизм реализации норм права в данной сфере должен быть действенным, своевременным и легитимным.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 1994, № 32, ст. 3301.
2. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 г. № 188-ФЗ (ред. от 06.02.2020) // Собрание законодательства РФ, 2005, № 1 (часть 1), ст. 14.
3. Гражданское право / Алексей П.В., Рассолов М.М., Кузбагарова А.Н., - 3-е изд. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 450 с.
4. Гражданское право. Договорные обязательства: Курс лекций/Асмандияров В.М. М.: ФСИН России, 2016. 301 с.
5. Илюшина М.Н. Новеллы правового регулирования способов защиты прав участников договора купли-продажи жилой недвижимости в гражданском законодательстве // Семейное и жилищное право. 2016. № 3. С. 33 - 36.
6. Избранные труды по гражданскому праву: Сборник научных трудов / Флейшиц Е.А. М.: Статут, 2015. 405 с.
7. Закирова С.А. Об определении единого понятия «член семьи» в законодательстве РФ//Северо-Кавказский юридический вестник. 2010. №1. С.
8. Развитие гражданского права России. Тенденции, перспективы, проблемы: Монография / Богданов Е.В., Богданова Е.Е. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016. 290 с.
9. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 04 декабря 2018 г. № 19-КГ18-41 // <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=995017950013226465012915245&cacheid=1FA6A0E424B6B254321A5F740FE07F89&mode=splus&base=ARB&n=565502&rnd=0.012423445145930856#38zsy4jzobg>

10. Российское гражданское право. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права/Суханов Е. А., 4-е изд., стер. М.: Статут, 2015. 390 с.

11. Чебоньян Т.Г. Некоторые проблемы преимущественного права покупки недвижимости // Материал II Международного форума цивилистов: сборник научных статей международной научно-практической конференции, 2019. С. 68-72.

Chebonyan Tatyana Gaikovna, phd, assistant professor of the department “bases of jurisprudence” Russian State University of Justice

Zakirova Svetlana Andreevna, candidate of jurisprudence, teacher of civil chair, Russian State University of Justice

FEATURES OF LEGAL REGULATION OF PURCHASE AND SALE OF RESIDENTIAL PREMISES

Abstract

This article discusses a number of legal issues of interpretation and the problems of applying certain provisions of civil law governing the sale of real estate. It also analyzes the norms of housing legislation related to the right to use a dwelling after its alienation, in particular: persons permanently residing with a tenant; with the borrower on the basis of a gratuitous use agreement (loans determined); recipients of annuities on conditions of life support with dependency.

Keywords: *features of legal regulation, purchase and sale, residential premises, contract, right of use, alienation, essential conditions of the contract, temporary residents, real estate.*

References

1. 1. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 g. № 51-FZ // Sobranie zakonodatel'stva RF, 1994, № 32, st. 3301.
2. ZHilishchnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 29.12.2004 g. № 188-FZ (red. ot 06.02.2020) // Sobranie zakonodatel'stva RF, 2005, № 1 (chast' 1), st. 14.
3. Grazhdanskoe pravo / Aleksij P.V., Rassolov M.M., Kuzbagarova A.N., - 3-e izd. M.: YUNITI-DANA, 2015. 450 s.
4. Grazhdanskoe pravo. Dogovornye obyazatel'stva: Kurs lekcij/Asmandiyarov V.M. M.: FSIN Rossii, 2016. 301 s.
5. Ilyushina M.N. Novelly pravovogo regulirovaniya sposobov zashchity prav uchastnikov dogovora kupli-prodazhi zhiloy nedvizhimosti v grazhdanskom zakonodatel'stve // Semejnoe i zhilishchnoe pravo. 2016. № 3. S. 33 - 36.
6. Izbrannye trudy po grazhdanskomu pravu: Sbornik nauchnyh trudov / Flejshic E.A. M.: Statut, 2015. 405 s.
7. Zakirova S.A. Ob opredelenii edinogo ponyatiya «chlen sem'i» v zakonodatel'stve RF//Severo-Kavkazskij yuridicheskij vestnik. 2010. №1. S.

8. Razvitie grazhdanskogo prava Rossii. Tendencii, perspektivy, problemy: Monografiya / Bogdanov E.V., Bogdanova E.E. M.: YUNITI-DANA, 2016. 290 s.
9. Opredelenie Sudebnoj kollegii po grazhdanskim delam Verhovnogo Suda RF ot 04 dekabrja 2018 g. № 19-KG18-41 // <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=995017950013226465012915245&cacheid=1FA6A0E424B6B254321A5F740FE07F89&mode=splus&base=ARB&n=565502&rnd=0.012423445145930856#38zsy4jzobg>
10. Rossijskoe grazhdanskoe pravo. Obshchaya chast'. Veshchnoe pravo. Nasledstvennoe pravo. Intellektual'nye prava. Lichnye neimushchestvennye prava/Suhanov E. A., 4-e izd., ster. M.: Statut, 2015. 390 s.
11. СHebon'yan T.G. Nekotorye problemy preimushchestvennogo prava pokupki nedvizhimosti // Material II Mezhdunarodnogo foruma civilistov: sbornik nauchnyh statej mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, 2019. S. 68-72.

УДК 347.721

DOI: 10.22394/2074-7306-2020-1-3-90-102

ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ НА ЛЕС НА ЗЕМЛЯХ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО НАЗНАЧЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ – ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО, ЗЕМЕЛЬНОГО И ЛЕСНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Родина кандидат юридических наук, доцент кафедры «Гражданское право», ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет.
Мария
Евгеньевна E-mail: Puta_1990@mail.ru

Аннотация

Проанализированы тенденции развития гражданского, земельного и лесного законодательства в отношении лесов, растущих на землях сельскохозяйственного назначения. Рассмотрены некоторые имеющие место проблемы, отмечена положительная динамика развития законодательства, а также предложены меры, направленные на его дальнейшую корректировку.

Ключевые слова: *лесное хозяйство, лесоуправление, право собственности, земли сельскохозяйственного назначения, интенсивная модель лесопользования.*

В России общий объем лесного фонда по разным оценкам составляет около 800 миллионов гектаров, кроме этого, еще примерно 60-70 миллионов га (звучит даже цифра 100 млн га) [1] - это стихийно покрытые лесной древесно-кустарниковой растительностью заброшенные земли сельскохозяйственного назначения, во многих случаях на них сформировался полноценный лес. При этом, по данным WWF России, не востребовано до десяти процентов бывших полей и выпасов и при этом такие

территории не относятся к лесному фонду [2]. Ранее в Лесном кодексе 1997 года в ст. 134 содержалось понятие «древесно-кустарниковая растительность» на землях сельскохозяйственного назначения, действующим же законодательством данный термин не закреплен.

Чтобы понять, насколько катастрофична ситуация в России с лесами, необходимо сделать ремарку: в конце 2019 года в отчете о результатах контрольного мероприятия по проверке лесоустройства в Российской Федерации аудитор Счетной палаты РФ М.А. Мень указал на учетное бедствие в лесном хозяйстве - существующая конструкция лесоустройства не в состоянии предоставить государству и обществу актуальную и достоверную информацию о состоянии лесного ресурса страны за последние 10 лет, по состоянию на 1 января 2020 года сведения о лесах на площади 967 млн га не достоверны и не актуальны, таксация не проводится вопреки законодательству Российской Федерации. По сути, в стране не ведают, сколько леса и в каком он состоянии, с 2007 года, когда были внесены изменения в лесное законодательство и полномочия по управлению лесами были переданы в регионы.

Земельный кодекс РФ (далее – ЗК РФ) в ст. 5 указывает, что процессы использования, охраны, защиты, воспроизводства леса Российской Федерации осуществляются с учетом того, что лес понимается как экологическая система или природный ресурс. Как мы видим, данная формулировка весьма размыта и правовой статус леса не вполне понятен. При этом Конституционный Суд РФ в своем Постановлении от 02.06.2015 № 12-П подтверждает двойственность понятия «лес» [3]. Понятие леса можно найти только в неопубликованном документе - п. 3.1.3 Стандарта отрасли ОСТ 56-108-98 «Лесоводство. Термины и определения», согласно которому лес - это целостная совокупность лесных древесных и иных растений, земли, животных, микроорганизмов и других природных компонентов, находящихся во взаимосвязи внутренней и с внешней средой [4].

Модельный Лесной кодекс для государств - участников СНГ в абз. 2 ст. 1 называет лес совокупностью естественной и (или) искусственно созданной древесно-кустарниковой растительности, живого почвенного покрова, диких животных и микроорганизмов, образующей природный комплекс [5].

Как указывала О.А. Романова, наиболее остро обсуждаемым вопросом развития законодательства в отношении земель России является разграничение норм гражданского и земельного законодательства [6, с. 133]. Вершиной дискуссий явилась разработка и обсуждение Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации [7] (далее – Концепция) (которая подготовлена во исполнение Указа Президента РФ от 18 июля 2008 г. № 1108 «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации» [8] [9]. Центральной идеей документа явился перенос регламентации отношений собственности и иных прав на землю и другие природные ресурсы исключительно в ГК РФ.

М.М. Бринчук пояснял, что, цивилисты игнорируют ст. ст. 9, 71, 72 Конституции РФ, желают обладать природой именно посредством права собственности и предлагают в Концепции «несколько по-иному взглянуть на соотношение частных и публичных элементов гражданского права» [10, с. 4]. Р.М. Валеев утверждал, что правовая регламентация использования природных ресурсов выдвигает вперед имущественные отношения, регулируются при этом данные отношения специальными природоресурсными нормативными документами, а общие нормы содержит ГК РФ. Согласно п. 2 ст. 3 Лесного кодекса РФ (далее – ЛК РФ) [11] «имущественные отношения, связанные с оборотом лесных участков и лесных насаждений, регулируются гражданским законодательством, а также ЗК РФ, при этом в ЛК РФ содержатся такие грани имущественных отношений, как право собственности и ограничение имуще-

ственных прав на лесные участки; предоставление гражданам и юридическим лицам лесных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности; иные [12, с. 322].

В.В. Витрянский, осмысливая реформирование гражданского законодательства по вопросам права собственности (общих положений) пояснял, что Концепцией было признано целесообразным в целях гармонизации гражданского, земельного, лесного законодательства включить в текст ГК РФ нормы, регламентирующие право собственности, в том числе, на земельные участки лесного фонда (так называемые лесные участки) и предусмотреть субсидиарный порядок применения к данным правоотношениям норм о праве собственности на земельные участки. В законопроекте были предприняты попытки воплотить данный замысел Концепции, а именно - выработаны отдельные статьи, касающиеся каждого названного природного объекта. Так, в редакции законопроекта право собственности на земельные участки лесного фонда регламентируется ст. 296.10 ГК РФ, согласно которой собственник земельного участка лесного фонда (лесного участка) осуществляет владение, пользование и распоряжение таким участком в соответствии с его целевым назначением и разрешенным использованием. Лесные участки, находящиеся в государственной или муниципальной собственности, могут предоставляться во владение и пользование граждан и юридических лиц в порядке, определенном законом [13, с. 241].

За последние почти уже пятнадцать лет с момента обсуждения и принятия ЛК РФ ученые, специалисты, международные организации неоднократно указывали на неоднозначность и спорность многих вопросов лесной сферы. Так, еще до вступления данного кодифицированного акта в силу (январь 2007 года), велись ожесточенные споры, в первую очередь о том, разрешена ли будет частная собственность на лес или нет [14]. Дискуссия была настолько яростной, что в 2006 году в ходе прямой линии Президент РФ В. Путин заявил, что «опасения по передаче лесов в частную собственность не лишены оснований, в наших условиях пока рановато переходить к тому, чтобы передавать такое национальное достояние, как лес, в частные руки и что такой закон он не подпишет» [15].

С.А. Чаркин, не давая четкого ответа на вопрос о том, могут ли произрастать леса на указанных землях, констатирует, что «...можно лишь предположить, что леса могут располагаться и на землях сельскохозяйственного назначения. Не более того» [16, с. 91].

Н. Шматков, директор международной неправительственной организации FSC России, в 2016 году высказывал тезис о том, что государство должно разрешить ведение лесного хозяйства на бывших сельскохозяйственных полях, брошенных и уже заросших лесом, которые могут быть приобретены в собственность [17]. В 2016 году по итогам заседания Общественного совета РФ при Рослесхозе сообщалось, что проблема лесов на сельхозземлях гораздо серьезнее, чем кажется на первый взгляд и что в стране от 30 до 70 гектаров земель сельхоз назначения, за которые практически никто не отвечает, заросло деревьями.

В Россельхозе также отмечали, что земли целесообразно передать регионам или в частную собственность, поскольку на таковых отсутствует соответствующий уход - сельское хозяйство не ведется, требования пожарной и санитарной безопасности не обеспечиваются, тогда как передача этих земель в состав государственного лесного фонда или разрешение ведения лесного хозяйства на сельхозземлях позволили бы создать на них плантационные леса с высокой доходностью, по аналогии с плантационными лесами в Китае и США. Директор Института лесоведения РАН А. Сиринов указывал, что внесение соответствующих изменений в законодательство

создаст важный прецедент возникновения частных лесов, что потребует разработки правил ведения в них лесного хозяйства [18].

Сегодня сохранение лесов и эффективное лесоуправление - приоритетное направление государственной политики и реализация ее основных направлений по использованию, охране, защите и воспроизводству лесов осуществляется в рамках Основ государственной политики в области использования, охраны, защиты и воспроизводства лесов на период до 2030 года [19]; Стратегии развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 года [20]; государственной программы Российской Федерации «Развитие лесного хозяйства» [21]; государственной программы Российской Федерации «Воспроизводство и использование природных ресурсов» [22].

В последнее время проблема заброшенных участков из числа земель сельскохозяйственного назначения звучала все острее и вызывала большой общественный резонанс. Согласно ст. 7 ЗК РФ земли по целевому назначению делятся на семь категорий, причем леса могут быть на всех категориях этих земель, а в ст. 8 ЛК РФ указана исключительно федеральная собственность в отношении лесных участков на землях лесного фонда, при этом формы собственности на лесные участки в составе земель иных категорий определяются в соответствии с земельным законодательством. Федеральным законом от 27.12.2018 № 538-ФЗ [23] в ЛК РФ введена Глава 18, в соответствии с которой на землях сельскохозяйственных земель возможно располагаться лесам, если планируется их осваивать, соблюдая целевое назначение таких земель.

Какие же леса в настоящий момент могут располагаться на землях сельскохозяйственного назначения? Во-первых, ч. 2 ст. 77 ЗК РФ устанавливает, что в составе земель сельскохозяйственного назначения могут выделяться земли, занятые мелиоративными защитными лесными насаждениями, специально выращиваемые для защиты сельскохозяйственных земель от неблагоприятных факторов окружающей среды (по данным лесного отдела Гринпис на август 2020 года площадь таких земель не менее 6 млн га), статус которых с 1 июля 2020 года регламентирован Федеральным законом от 27.12.2019 № 477-ФЗ [24]. Во-вторых, имеет место наличие так называемых бывших «сельских» - «колхозных» и «совхозных» лесов, которые ранее, в советское время, предоставлялись колхозам и совхозам, правовой статус которых двойной (но мог и не сформироваться) - либо, в одних случаях, согласно действующим редакциям соответствующих лесохозяйственных регламентов, они могут быть учтены как части лесничеств на землях лесного фонда, в других случаях - в Едином государственном реестре недвижимости (ЕГРН) они могут иметь отношение к землям сельскохозяйственного назначения (или к соответствующим сельхозземлям видам разрешенного использования).

Необходимо также указать на наличие лесов с совершенно спорным статусом, когда претенденты на землю имеют подлинные или сфабрикованные правоустанавливающие документы, чаще всего при этом границы таких участков не определены. Ситуация усугубилась с вступлением Федерального закона от 27.12.2019 № 477-ФЗ («о лесной амнистии») [25], в котором законодатель практически ввел первенство Единого государственного реестра недвижимости по отношению к государственным лесным реестром и иным нормативным документам лесной сферы. Двойной или спорный статус таких лесов и их использование нередко имеет нерегулируемый характер и, подчас, даже криминальные черты, когда используются мошеннические схемы и древесина заготавливается под видом расчистки сельхозугодий, без соблюдения каких бы то ни было лесоохранных норм и правил, без соблюдения тре-

бований к транспортировке и учету древесины, мер пожарной и санитарной безопасности.

Некоторая история вопроса. 20 июля 2018 года Д. Медведев обязал Минэкономразвития, Минсельхоз и Минприроды представить в Правительство РФ предложения, позволяющие упростить перевод земель сельхоз назначения, рекультивация которых экономически невыгодна, в земли лесного фонда [26].

В декабре 2018 года в Правительстве РФ было проведено совещание, на котором обсуждались проблемы использования леса, расположенного на сельскохозяйственных землях и законодательного урегулирования правового статуса таких земель [27].

В связи с обращениями губернаторов субъектов РФ, в которых значительные территории сельскохозяйственных земель покрыты как многолетними лесными насаждениями, так и молодым подлеском, вследствие чего не пригодны для выращивания сельскохозяйственных культур.

Еще 1 сентября 2013 года В. Путин поручил Правительству РФ внести в законодательство России коррективы, предусматривающие, в том числе, установление особенностей использования, охраны, защиты и воспроизводства лесов, расположенных на сельскохозяйственных и иных землях, не являющихся землями лесного фонда.

По утверждению Н. Шматкова, многие собственники сельхозземель в России находятся в тупиковой ситуации и вынуждены либо отказываться от собственности на землю, либо платить немалые штрафы (до 700 тыс. руб.), либо уничтожать выросший лес, в том числе с помощью поджогов. При этом лесное фермерство и плантационное лесовыращивание уже доказали свою эффективность во многих странах мира, в том числе в США, Китае, Индии. Частное лесное хозяйство могло бы отрегулировать многие системные вопросы в лесном секторе России и существенно увеличило бы пригодные для лесопользования территории без необходимости осваивать ценные леса, в том числе, важные для поддержания благоприятного климата [28].

В начале декабря 2018 г. WWF России и Greenpeace направляли совместную позицию по вопросу лесов на сельхозземлях и официальное обращение Президенту России В. Путину и в Правительство РФ.

В конце декабря 2018 года в рамках исполнения поручения Президента в ЛК РФ появилась ст. 123, вступившая в силу 1 июля 2019 года и создающая правовую возможность для последующего грамотного управления и использования лесов на землях сельскохозяйственного назначения.

В ноябре 2019 года ведущие природоохранные организации WWF России, Greenpeace и Лесной попечительский совет (FSC) России, обеспокоенные судьбой лесов, растущих на землях сельскохозяйственного назначения, вновь обратились к Председателю правительства РФ с просьбой создать правовые условия для ведения лесного хозяйства на землях сельскохозяйственного назначения.

В конце 2019 года в Правительстве РФ встал вопрос о создании федерального фонда земель сельскохозяйственного назначения. Росреестр подготовил проект постановления Правительства РФ о проведении с 1 июня и до конца 2020 года эксперимента по созданию единого информационного ресурса о земле и недвижимости для объединения разрозненной информации из множества ресурсов, в которых содержатся сведения о земле и недвижимости. Базовыми источниками должны явиться ЕГРН, Единая электронная картографическая основа, Федеральный фонд пространственных данных, Фонд данных государственной кадастровой оценки (эксперимент планировалось провести в Краснодарском и Пермском краях, а также в Иркутской области).

28 ноября 2019 года на форуме «ЛПК 360°: со всех точек зрения» Министр промышленности и торговли РФ Д. Мантуров поддержал введение частной собственности на лес, отметив, что это необходимо для обеспечения залоговой составляющей при получении льготных кредитов на строительство комбинатов, а также гарантий того, что собственники будут заботиться о тех участках, которые приобрели». Однако в рамках данного форума прозвучало и противоположное мнение руководителя Федерального агентства лесного хозяйства (Рослесхоз) С. Аноприенко, который считает, что введение частной собственности на лес не представляется целесообразным в современных реалиях, поскольку лес - национальное достояние России и, если его отдать в частные руки, может под угрозой оказаться сохранение целостности государственных лесных фондов, так как опыт новейших реалий России говорит о том, что велика вероятность возможных нарушений и незаконного отчуждения этого национального достояния. Только если тщательно проработать все возможные угрозы, проанализировать мнение цивилистов, экологов, экспертов, руководства государства, тогда возможно вернуться к рассмотрению данного вопроса, при этом необходимо наличие единого осмысления того, насколько эффективно можно будет разрешить существующие проблемы лесной отрасли [29].

В январе 2020 года Минсельхоз РФ представил Проект Государственной программы эффективного вовлечения в оборот земель сельскохозяйственного назначения и развития мелиоративного комплекса Российской Федерации».

В начале 2020 года В. Путин в отношении заброшенных сельхозземель, прояснить правовой статус которых WWF России и другие природоохранные организации просили уже несколько лет, поручил Правительству РФ принять меры, согласно которым возможно установить особенности использования, охраны, защиты и воспроизводства лесов, расположенных на сельскохозяйственных землях, при этом отдельной задачей была проработка возможности осуществления на таких землях использования лесов без изменения формы собственности на земельные участки и категории земель.

Во исполнение этого поручения было утверждено и 1 октября 2020 года вступило в силу Постановление Правительства РФ № 1509 от 21.09.2020 года [30], в котором предусматриваются особенности использования, охраны, защиты, воспроизводства лесов, расположенных на землях сельскохозяйственного назначения. Также 30 сентября 2020 года начал действовать еще один важный документ - Постановление Правительства РФ от 18.09.2020 № 1482 «О признаках неиспользования земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения по целевому назначению или использования с нарушением законодательства Российской Федерации» [31].

Без первого из указанных документов не было возможности в полной мере применять ст. 123 ЛК РФ. Несмотря на то, что документ разрабатывался около двух лет и имеет недоработки, следует сказать, что его принятие - очень важный шаг в развитии российского лесоводства, который может в ближайшие десятилетия принципиально изменить судьбу всего лесного комплекса. Новое постановление Правительства РФ разрешает ведение лесного хозяйства на землях сельскохозяйственного назначения, в том числе для заготовки древесины, - этот документ кардинально меняет систему лесопользования в России, делая возможным частное лесопользование. Главным в документе выступает легализация почти всех видов использования лесов на землях сельскохозяйственного назначения при том, что ранее эти земли, зарастающие лесом, были заброшенными, бесхозными и бесправными. Увеличение площади лесов способствует смягчению климата, что создаст благоприятные условия для растениеводства. Сельские территории в пожароопасном отношении будут более защищены, поскольку измененное законодательство исключает мотивы для выжи-

гания огромных площадей. Собственникам земель станет легче заниматься развитием лесоводства, поскольку они будут освобождены от излишней бюрократии.

Второе Постановление о более четком определении признаков неиспользуемых земель, по заявлению В. Плотникова, первого заместителя председателя комитета Госдумы по аграрным вопросам, позволит решать следующие задачи - изымать неиспользуемые сельхозземли, поскольку из-за расплывчатых формулировок закон об изъятии земель до настоящего времени был не рабочим при том, что некоторые «предприимчивые» люди вложили на момент приватизации в 90-х годах деньги в землю как в депозит и теперь ждут, когда спекулятивным образом смогут обогатиться [32].

Можно констатировать, что с вступлением в действие данных документов закончилась государственная монополия на лесное хозяйство, длившаяся практически 100 лет. Однако необходимо указать и на некоторые проблемы, которые следует корректировать незамедлительно.

нередко леса на землях сельскохозяйственного назначения граничат с сельскими поселениями, садовыми товариществами, небольшими городами и имеют наибольшее значение для сохранения благоприятной окружающей среды для граждан, но, к сожалению, в Постановлении № 1509 не предусматривается никаких специальных мер для таких ценных лесов, никакого специального режима и никаких требований по их сохранению, бережному и рациональному использованию. Такое положение требует незамедлительной корректировки законодательства, поскольку в противном случае в ближайшие годы вероятны споры и острые конфликтные ситуации между собственниками земли, лесопользователями и жителями сельских населенных пунктов;

при частном владении лесом на землях сельскохозяйственного назначения необходимо сохранить свободный и бесплатный доступ населения к сбору, заготовке и использованию недревесной продукции (грибов, ягод и т. п.), а также их рекреационного использования;

государству необходимо сформировать такие институты власти и так отрегулировать нормативно-правовую базу в сфере управления частными лесами на землях сельскохозяйственного назначения, чтобы, с одной стороны, это было выгодно государству, но с другой – были защищены в правовом отношении и простимулированы посредством дотаций и субсидий экономические интересы собственников;

в долгосрочной перспективе эффективное использование заросших лесом сельскохозяйственных земель для ведения лесного хозяйства может ежегодно обеспечивать объём древесины, превышающий современный уровень лесозаготовок, однако необходимы меры по исключению теневой составляющей процесса незаконной заготовки древесины;

необходимо определиться, кто является собственником древесины, выращенной в коммерческих целях на землях сельскохозяйственного назначения;

существует опасность того, что собственники, которые просто забросили в определенный момент свою землю, в упрощенном порядке могут направить заявление об ее использовании и так же легко отказаться от того, что может привести к рискам ухода от ответственности за неиспользование земель сельхозназначения;

возможно возникновение трудностей при установлении субъекта и объема его ответственности за осуществление противопожарных мероприятий на лесных участках сельхозземель, если они не сформулированы в установленном порядке, вследствие чего, поскольку данный вопрос в новых Постановлениях не отражен, необходимо законодательно закрепить ответственность собственников (или иных лиц), на участке которых возник пожар, переместившийся на соседние участки;

осуществление таких масштабных преобразований в лесной сфере должно быть осуществлено исключительно во благо общества, с учетом интересов государства и бизнеса при сохранении прав граждан на свободное и бесплатное пребывание в лесах;

в мире накоплен большой положительный опыт частного владения лесом, поэтому необходимо проводить корректировку российского законодательства в этой сфере с учетом положительного опыта зарубежных стран;

лесоводство требует специальных профессиональных знаний, лес надо выращивать, за ним нужно ухаживать, прореживать, регулировать породный состав, а для этого требуются определенные знания и навыки, поэтому необходима подготовка специалистов, которые могут вести такие работы или хотя бы объяснить собственникам земли, какие правильные действия им следует производить со своими молодыми лесами. В стране остро таких специалистов не хватает, поэтому, для того, чтобы лесоводство на бывших сельскохозяйственных угодьях стало действительным и реальным, одной из важнейших задач является наполнение лесного сектора дополнительными профессиональными кадрами.

Таким образом, леса на землях сельскохозяйственного назначения, за использование которых еще некоторое время назад собственники могли подвергнуться штрафам либо изъятию, превратились в ценность, которая в будущем может приносить доходы, уменьшить нагрузку на истощенные леса, создавать новые рабочие места, уберечь от освоения первозданный лес, быть предметом наследования.

Государство дало возможность переходить от экстенсивной модели лесопользования - добычи древесины в диких лесах к интенсивной - полноценному ее выращиванию на освоенных землях, позволяющей сохранять и преумножать лес - наше богатство и достояние, а лесоводство может стать второй после сельского хозяйства отраслью, а в зонах нечерноземья - даже первой.

Литература:

1. Разработан механизм правового регулирования использования, охраны, защиты и воспроизводства лесов на землях сельхозназначения. Пресс-служба Минприроды России. 17.06.2019. - Минприроды РФ. - URL: https://www.mnr.gov.ru/press/news/razrabotan_mekhanizm_pravovogo_regulirovaniya_lesov_na_zemlyakh_selkhoznaznacheniya/ (Дата обращения 25.09.2020).

2. Дуэль, А. Сколько сможет заработать хозяин частного леса в России // Рос. газ. - 25.09.2020. - URL: <https://rg.ru/2020/09/25/skolko-smozhet-zarabotat-hoziainchastnogo-lesa-v-rossii.html> (Дата обращения 25.09.2020).

3. Постановление Конституционного Суда РФ от 02.06.2015 № 12-П «По делу о проверке конституционности части 2 статьи 99, части 2 статьи 100 Лесного кодекса Российской Федерации и положений постановления Правительства Российской Федерации «Об исчислении размера вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Заполярье» // Собрание законодательства РФ. - 15.06.2015. - № 24. - Ст. 3547.

4. Приказ Рослесхоза от 03.12.1998 № 203 «Об утверждении отраслевого стандарта ОСТ 56-108-98 «Лесоводство. Термины и определения» [Электронный ресурс] // Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Модельный Лесной кодекс для государств - участников СНГ (новая редакция) (Принят в г. Санкт-Петербурге 27.03.2017 Постановлением 46-17 на 46-ом пле-

нарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ) // Сайт Межпарламентской Ассамблеи СНГ. - URL: <http://iacis.ru/>.

6. Романова, О.А. Развитие земельного законодательства: вопросы теории и практики // Lex russica. - 2016. № 6. С. 132 - 145.

7. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009) // Вестник ВАС РФ. – 2009. - № 11.

8. Указ Президента РФ от 18.07.2008 № 1108 (ред. от 29.07.2014) «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. - 21.07.2008. - № 29 (ч. 1). - Ст. 3482.

9. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 №51-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. - 05.12.1994. - № 32. - Ст. 3301.

10. Бринчук, М.М. «Экологическое право должно стать противовесом всего остального права...» // Экологическое право. - 2019. - № 3. - С. 3 - 11.

11. Лесной кодекс Российской Федерации от 04.12.2006 № 200-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства РФ. - 11.12.2006. - № 50. - Ст. 5278.

12. Международное экологическое право: учебник / Т.Г. Авдеева, А.И. Алиев, Р.Р. Амирова и др.; отв. ред. Р.М. Валеев. - М.: Статут, 2012. - 639 с.

13. Витрянский, В.В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. 2-е изд., испр. и доп. - М.: Статут, 2018. - 528 с.

14. Лес приравняли к земле. 08.12.2006 // Рос. газ. - URL: <https://rg.ru/2006/12/08/lesnoy-kodeks.html> (Дата обращения 25.09.2020).

15. Президент не подпишет закон о передаче лесов частникам 25.10.2006 // Рос. газ. - URL: <https://rg.ru/2006/10/25/les-anons.html> (Дата обращения 25.09.2020).

16. Чаркин, С.А. Правовой режим лесов сельскохозяйственного назначения: история и современное состояние // Аграрное и земельное право. - 2010. - № 3. - С. 87 - 91.

17. Шматков, Н. Возможность выращивать лес на сельхозполях увеличит приток инвестиций в лесное хозяйство // Лесная индустрия. – 2016. - № 12 (104). - URL: https://www.lesindustry.ru/issues/li_104/Vozmozhnost_viraschivat_les_na_selhozpolyah_uelichit_pritok_investitsiy_v_lesnoe_hozyaystvo_1377/ (Дата обращения 25.09.2020).

18. В России могут появиться частные леса // ЛесПромИнформ № 1 (123), 2017. URL: https://www.lesindustry.ru/issues/li_104/Vozmozhnost_viraschivat_les_na_selhozpolyah_uelichit_pritok_investitsiy_v_lesnoe_hozyaystvo_1377/ (Дата обращения 25.09.2020).

19. Распоряжение Правительства РФ от 26.09.2013 № 1724-р «Об утверждении Основ государственной политики в области использования, охраны, защиты и воспроизводства лесов в Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. - 07.10.2013. - № 40 (часть III). - Ст. 5096.

20. Распоряжение Правительства РФ от 20.09.2018 № 1989-р (ред. от 28.02.2019) «Об утверждении Стратегии развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. - 01.10.2018. - № 40. - Ст. 6147.

21. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 318 (ред. от 31.03.2020) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие лесного хозяйства» // Собрание законодательства РФ. - 05.05.2014. - № 18 (часть II). - ст. 2164.

22. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 322 (ред. от 31.03.2020) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Воспроизводство и использование природных ресурсов» // Собрание законодательства РФ. - 05.05.2014. - № 18 (часть III). - Ст. 2168.

23. Федеральный закон от 27.12.2018 № 538-ФЗ «О внесении изменений в Лесной кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования правового регулирования отношений, связанных с обеспечением сохранения лесов на землях лесного фонда и землях иных категорий» // Собрание законодательства РФ. - 31.12.2018. - № 53 (часть I). - Ст. 8464.

24. Федеральный закон от 27.12.2019 № 477-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О мелиорации земель» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования правового регулирования проведения агролесомелиорации» // Собрание законодательства РФ. - 30.12.2019. - № 52 (часть I). - Ст. 7795.

25. Федеральный закон от 29.07.2017 № 280-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях устранения противоречий в сведениях государственных реестров и установления принадлежности земельного участка к определенной категории земель» // Собрание законодательства РФ. - 31.07.2017. - № 31 (Часть I). - Ст. 4829.

26. В России могут упростить перевод земель сельхозназначения в земли лесного фонда. 31.07.2018 // Леспром. - URL: https://www.lesprom.com/ru/News/В_России_могут_упростить_перевод_земель_сельхозназначения_в_земли_лесного_фонда_84289/ (Дата обращения 25.09.2020).

27. Алексей Гордеев провёл совещание об использовании лесов, расположенных на землях сельхозназначения // Правительство России. - URL: <http://government.ru/news/34976/> (Дата обращения 25.09.2020).

28. Лесные специалисты заявили о необходимости дать людям право выращивать лес. - URL: greenpeace.ru/news/2019/11/05/lesnyye-specialisty-zajavili-o-neobhodimosti-dat-ljudjam-pravo-vyrashhivat-les/ (Дата обращения 25.09.2020).

29. Денис Мантуров поддержал введение частной собственности на лес. Минпромторг России. 28.11.2019. - URL: https://minpromtorg.gov.ru/press-centre/news/#!denis_manturov_podderzhal_vvedenie_chastnoy_sobstvennosti_na_les (Дата обращения 25.09.2020).

30. Постановление Правительства РФ от 21.09.2020 № 1509 «Об особенностях использования, охраны, защиты, воспроизводства лесов, расположенных на землях сельскохозяйственного назначения» (вместе с «Положением об особенностях использования, охраны, защиты, воспроизводства лесов, расположенных на землях сельскохозяйственного назначения») // Рос. газ. - 30.09.2020. - № 219.

31. Постановление Правительства РФ от 18.09.2020 № 1482 «О признаках неиспользования земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения по целевому назначению или использования с нарушением законодательства Российской Федерации» // Рос. газ. - 25.09.2020. - № 216.

32. Земля до востребования. Правительство определило признаки неиспользуемых сельхозземель // Рос. газ. - 24.09.2020. - URL: <https://rg.ru/2020/09/24/pravitelstvo-opredelilo-priznaki-neispolzuemyh-selhozzemel.html> (Дата обращения 25.09.2020).

**PRIVATE OWNERSHIP OF FOREST ON AGRICULTURAL LAND
IN THE RUSSIAN FEDERATION – TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF CIVIL, LAND AND
FOREST LEGISLATION**

Abstract

Trends in the development of civil, land and forest legislation in relation to forests growing on agricultural land are analyzed. Some existing problems are considered, positive dynamics of legislation development is noted, and measures aimed at its further adjustment are proposed.

Keywords: *forestry, forest management, property rights, agricultural land, intensive forest management model.*

References

1. Razrabotan mekhanizm pravovogo regulirovaniya ispol'zovaniya, ohrany, zashchity i vosproizvodstva lesov na zemlyah sel'hoznaznacheniya. Press-sluzhba Min-prirody Rossii. 17.06.2019. – Minprirody RF. – URL: https://www.mnr.gov.ru/press/news/razrabotan_mekhanizm_ppravovogo_regulirovaniya_lesov_na_zemlyakh_selkhoznaznacheniya/ (Data obrashcheniya 25.09.2020).
2. Duel', A. Skol'ko smozhet zarabotat' hozyain chastnogo lesa v Rossii // Ros. gaz. - 25.09.2020. - URL: <https://rg.ru/2020/09/25/skolko-smozhet-zarabotat-hoziain-chastnogo-lesa-v-rossii.html> (Data obrashcheniya 25.09.2020).
3. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 02.06.2015 № 12-P «Po delu o proverke konstitucionnosti chasti 2 stat'i 99, chasti 2 stat'i 100 Lesnogo kodeksa Rossijskoj Federacii i polozhenij postanovleniya Pravitel'stva Rossijskoj Federacii «Ob ischislenii razmera vreda, prichinennogo lesam vsledstvie narusheniya lesnogo zakonodatel'stva» v svyazi s zhaloboj obshchestva s ogranichennoj otvetstven-nost'yu «Zapolyarneft'» // Sobranie zakonodatel'stva RF. - 15.06.2015. - № 24. - St. 3547.
4. Prikaz Rosleskhoza ot 03.12.1998 № 203 «Ob utverzhdenii otraslevogo stan-darta OST 56-108-98 «Lesovodstvo. Terminy i opredeleniya» [Elektronnyj resurs] // Dokument opublikovan ne byl. Dostup iz spravochnoj pravovoj sistemy «Kon-sul'tantPlyus».
5. Model'nyj Lesnoj kodeks dlya gosudarstv - uchastnikov SNG (novaya redak-ciya) (Prinyat v g. Sankt-Peterburge 27.03.2017 Postanovleniem 46-17 na 46-om ple-narnom zasedanii Mezhparlamentskoj Assamblei gosudarstv-uchastnikov SNG) // Sajt Mezhparlamentskoj Assamblei SNG. - URL: <http://iacis.ru/>.
6. Romanova, O.A. Razvitie zemel'nogo zakonodatel'stva: voprosy teorii i praktiki // Lex russica. - 2016. № 6. S. 132 - 145.
7. Konceptiya razvitiya grazhdanskogo zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii (odobrena resheniem Soveta pri Prezidente RF po kodifikacii i sovershen-stvovaniyu grazhdanskogo zakonodatel'stva ot 07.10.2009) // Vestnik VAS RF. – 2009. - № 11.
8. Ukaz Prezidenta RF ot 18.07.2008 № 1108 (red. ot 29.07.2014) «O sovershen-stvovanii Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva RF. - 21.07.2008. - № 29 (ch. 1). - St. 3482.
9. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 №51–FZ (red. ot 31.07.2020) // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. - 05.12.1994. - № 32. - St. 3301.

10. Brinchuk, M.M. «Ekologicheskoe pravo dolzhno stat' protivovesom vsego ostal'nogo prava...» // Ekologicheskoe pravo. - 2019. - № 3. - S. 3 - 11.
11. Lesnoj kodeks Rossijskoj Federacii ot 04.12.2006 № 200-FZ (red. ot 31.07.2020) // Sobranie zakonodatel'stva RF. - 11.12.2006. - № 50. - St. 5278.
12. Mezhdunarodnoe ekologicheskoe pravo: uchebnik / T.G. Avdeeva, A.I. Aliev, R.R. Amirova i dr.; otv. red. R.M. Valeev. - M.: Statut, 2012. - 639 s.
13. Vitryanskij, V.V. Reforma rossijskogo grazhdanskogo zakonodatel'stva: promezhutochnye itogi. 2-e izd., ispr. i dop. - M.: Statut, 2018. - 528 s.
14. Les priravnjali k zemle. 08.12.2006 // Ros. gaz. - URL: <https://rg.ru/2006/12/08/lesnoj-kodeks.html> (Data obrashcheniya 25.09.2020).
15. Prezident ne podpishet zakon o peredache lesov chastnikam 25.10.2006 // Ros. gaz. - URL: <https://rg.ru/2006/10/25/les-anons.html> (Data obrashcheniya 25.09.2020).
16. CHarkin, S.A. Pravovoj rezhim lesov sel'skohozyajstvennogo naznacheniya: istoriya i sovremennoe sostoyanie // Agrarnoe i zemel'noe pravo. - 2010. - № 3. - S. 87 - 91.
17. SHmatkov, N. Vozmozhnost' vyrashchivat' les na sel'hozpolyah uvelichit pri-tok investitsij v lesnoe hozyajstvo // Lesnaya industriya. - 2016. - № 12 (104). - URL: https://www.lesindustry.ru/issues/li_104/Vozmozhnost_viraschivat_les_na_selhozpolyah_uvelichit_pritok_investitsiy_v_lesnoe_hozyaystvo_1377/ (Data obrashcheniya 25.09.2020).
18. V Rossii mogut poyavit'sya chastnye lesa // LesPromInform № 1 (123), 2017. URL: https://www.lesindustry.ru/issues/li_104/Vozmozhnost_viraschivat_les_na_selhozpolyah_uvelichit_pritok_investitsiy_v_lesnoe_hozyaystvo_1377/ (Data obrashcheniya 25.09.2020).
19. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 26.09.2013 № 1724-r «Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoj politiki v oblasti ispol'zovaniya, ohrany, zashchity i vosproizvodstva lesov v Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda» // Sobranie zakonodatel'stva RF. - 07.10.2013. - № 40 (chast' III). - St. 5096.
20. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 20.09.2018 № 1989-r (red. ot 28.02.2019) «Ob utverzhdenii Strategii razvitiya lesnogo kompleksa Rossijskoj Federacii do 2030 goda» // Sobranie zakonodatel'stva RF. - 01.10.2018. - № 40. - St. 6147.
21. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 15.04.2014 № 318 (red. ot 31.03.2020) «Ob utverzhdenii gosudarstvennoj programmy Rossijskoj Federacii «Razvitie lesnogo hozyajstva» // Sobranie zakonodatel'stva RF. - 05.05.2014. - № 18 (chast' II). - st. 2164.
22. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 15.04.2014 № 322 (red. ot 31.03.2020) «Ob utverzhdenii gosudarstvennoj programmy Rossijskoj Federacii «Vosproizvodstvo i ispol'zovanie prirodnih resursov» // Sobranie zakonodatel'stva RF. - 05.05.2014. - № 18 (chast' III). - St. 2168.
23. Federal'nyj zakon ot 27.12.2018 № 538-FZ «O vnesenii izmenenij v Lesnoj kodeks Rossijskoj Federacii i otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii v chasti sovershenstvovaniya pravovogo regulirovaniya otnoshenij, svyazannyh s obespecheniem sohraneniya lesov na zemlyah lesnogo fonda i zemlyah inyh kategorij» // Sobranie zakonodatel'stva RF. - 31.12.2018. - № 53 (chast' I). - St. 8464.
24. Federal'nyj zakon ot 27.12.2019 № 477-FZ «O vnesenii izmenenij v Federal'nyj zakon «O melioracii zemel'» i otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii v chasti sovershenstvovaniya pravovogo regulirovaniya provedeniya agrolesomelioracii» // Sobranie zakonodatel'stva RF. - 30.12.2019. - № 52 (chast' I). - St. 7795.
25. Federal'nyj zakon ot 29.07.2017 № 280-FZ «O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii v celyah ustraneniya proti-vorechij v svedeniyah gosudarstvennyh reestrov i ustanovleniya prinadlezhnosti zemelnogo uchastka k opre-

delennoj kategorii zemel'» // Sobranie zakonodatel'stva RF. - 31.07.2017. - № 31 (CHast' I). - St. 4829.

26. V Rossii mogut uprostit' perevod zemel' sel'hoznaznacheniya v zemli les-nogo fonda. 31.07.2018 // Lesprom. - URL: https://www.lesprom.com/ru/News/V_Rossii_mogut_uprostit'_perevod_zemel'_sel'hoznaznacheniya_v_zemli_lesnogo_fonda_84289/ (Data obrashcheniya 25.09.2020).

27. Aleksej Gordeev provyol soveshchanie ob ispol'zovanii lesov, raspolozhen-nyh na zemlyah sel'hoznaznacheniya // Pravitel'stvo Rossii. - URL: <http://government.ru/news/34976/> (Data obrashcheniya 25.09.2020).

28. Lesnye specialisty zayavili o neobhodimosti dat' lyudyam pravo vyra-shchivat' les. - URL: greenpeace.ru/news/2019/11/05/lesnye-specialisty-zajavili-o-neobhodimosti-dat-ljudjam-pravo-vyrashchivat-les/ (Data obrashcheniya 25.09.2020).

29. Denis Manturov podderzhal vvedenie chastnoj sobstvennosti na les. Min-promtorg Rossii. 28.11.2019. - URL: https://minpromtorg.gov.ru/press-centre/news/#!denis_manturov_podderzhal_vvedenie_chastnoj_sobstvennosti_na_les (Data obrashcheniya 25.09.2020).

30. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 21.09.2020 № 1509 «Ob osobennostyah ispol'zovaniya, ohrany, zashchity, vosproizvodstva lesov, raspolozhennyh na zemlyah sel'skohozyajstvennogo naznacheniya» (vmeste s «Polozheniem ob osobennostyah ispol'zovaniya, ohrany, zashchity, vosproizvodstva lesov, raspolozhennyh na zemlyah sel'skohozyajstvennogo naznacheniya») // Ros. gaz. - 30.09.2020. - № 219.

31. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 18.09.2020 № 1482 «O priznakah ne-ispol'zovaniya zemel'nyh uchastkov iz zemel' sel'skohozyajstvennogo naznacheniya po celevomu naznacheniyu ili ispol'zovaniya s narusheniem zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii» // Ros. gaz. - 25.09.2020. - № 216.

32. Zemlya do vostrebovaniya. Pravitel'stvo opredelilo priznaki neispol'zuemyh sel'hozzemel' // Ros. gaz. - 24.09.2020. - URL: <https://rg.ru/2020/09/24/pravitelstvo-opredelilo-priznaki-neispolzuemyh-selhozzemel.html> (Data obrashcheniya 25.09.2020).

**ДЕЙСТВИТЕЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ
СУДЕБНОГО ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ**

**Ляхов
Юрий
Алексеевич**

доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Южного федерального университета (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, д. 88).
E-mail: Ljakhoff.yu@yandex.ru.

Аннотация

В статье анализируется связь между правопониманием и правоприменением. Раскрывается действительная роль естественного правопонимания. Обосновывается объективное существование естественного права, его норм. Показана недопустимость сведения права к результатам субъективного представления о нем правоприменителя, к иррациональным, интуитивным суждениям о нем. Предлагается правоприменителям, в том числе и судьям, при толковании правовых норм использовать не только понятия легистского правопонимания, но и принципы естественного права.

Ключевые слова: *правопонимание, правоприменение, интерпретация права правоприменителем, иррациональное, интуитивное в понимании права, симулякр, легистское правопонимание, естественное право, толкование права.*

Эффективное правоприменение во многом зависит от правильного правопонимания. Это особенно важно в правоприменительной деятельности суда и приобретает исключительное значение при судопроизводстве по уголовным делам. Ошибочное представление судьи о праве, истолкование, уяснение на этом основании действующих норм уголовного и уголовно-процессуального права дорого обходятся и самим участникам уголовного процесса, и обществу в целом.

Важность этого положения отмечали еще римские юристы в античные времена. Они правильно утверждали, что свое высокое назначение правосудие может выполнять только тогда, когда оно «придерживается верной философии, а не мнимой» [1, с. 23]. Философско-правовое осмысление реальных общественных событий, непосредственно отражается на качестве правоприменения.

В связи с этим распространяющееся в последние годы правопонимание (право постмодерна, право метамодерна) наряду с правильными подходами, углубляющими исследование права как сложного, многогранного социального явления, содержит, по нашему мнению, и серьезные принципиальные ошибки.

Прежде всего, не следует отказываться от исходных базовых положений. А согласно этим положениям и легистское (позитивизм) и юридическое (естественное) понимание права рассматривают право как объективно существующее социальное явление [2, с. 4-5]. Да, различное правопонимание основывается на различном проявлении права, на различном представлении о содержании и характере социальных регуляторов. Конечно, представление о праве не может ограничиваться лишь существующим в государстве законодательством. Однако не стоит ставить под сомнение, что право – объективное явление, то есть явление, существующее независимо от познающего. В противном случае мы имеем субъективную, созданную сознанием исследователя конструкцию, оторванную от действительности, не имеющую связи с реальностью.

Приверженность к юридическому (естественному) правопониманию не должна исключать реальности и определенности правовых норм, составляющих предмет естественного права. Этим предметом являются социальные нормы, наличие которых объективно подтверждается мнением конкретного общества и использованием их в регулировании общественных отношений этого общества. Правовыми эти нормы являются тогда, когда они непосредственно связаны с государственной властью, функционированием государственной власти, поддерживаются ею и обязательно соответствуют объективной сущности человека, выражают его природу, то есть являются разумными, нравственными и справедливыми. Нормы естественного права создаются обществом и поэтому выражают представление общества о добре и справедливости.

Именно поэтому естественное право обоснованно рассматривается как наиболее совершенное право с точки зрения общества в данное конкретное время, это идеальное право. Оно показывает направление развития, совершенствования всего права, в том числе и позитивного. Не всегда и не в полной мере, как впрочем и позитивное право, оно соблюдается. Но реальная правовая жизнь складывается под влиянием и позитивного права, и естественного права.

Конечно, естественное право, его нормы, как правило, не изложены, не сконцентрированы исчерпывающим образом в каком-либо письменном источнике. И в этом смысле они серьезно отличаются от положительных законов и других нормативно-правовых актов, на системе которых базируется легистское понимание права. Но это обстоятельство, различная форма выражения и существования права не должны ставить под сомнение объективное существование естественного права [3, с. 7 - 8].

Объявляя правом только законы, мы тем самым делаем упор только на внешнюю формальную сторону, безосновательно ограничиваем право лишь внешней его характеристикой. Фетишизация юридической формы, отрыв ее от содержания правовой нормы – характерное (да и одно из основных) свойство легистского понимания права. Именно это зачастую порождает формализм в легистском правопонимании и как следствие – формализм в правоприменении.

Право – создание человека и поэтому оно должно служить человеку, основываться на сущности человека, выражать в своем содержании основные естественные

права человека, отношение к человеческой жизни. Основой, фундаментом права является гуманность.

Общество основывается на определенном порядке, существует благодаря ему. Отсутствие какого-либо выработанного обществом и принимаемого им порядка делает невозможным существование, реализацию любых общественных отношений кроме силовых, насильственных.

Складывающийся в обществе порядок регулируется целым рядом социальных норм – обычаями, религией, моралью и т.п. С появлением государства, государственной власти появляется необходимость в праве, которая обеспечивает функционирование государственной власти, поддерживается государственной властью. Эти правовые нормы также вырабатываются обществом, людьми. Люди заинтересованы в праве, стремятся к нему, как к средству, обеспечивающему порядок в обществе. В основе этой заинтересованности лежит естественная человеческая сущность, которая и определяет основные черты, свойства желаемого права. Это – справедливость и нравственность.

Отвечают ли этим кардинальным требованиям существующие в государстве законы, которые по мнению легистов (позитивистов) и есть это самое право. Ответ может быть только один – не все законы могут пройти проверку на справедливость и нравственность.

Сегодня очень актуальным в юридическом понимании права становится необходимость подчеркивать не только независимость права от воли законодателя, а, раскрывая сущность права, этого объективно существующего социального явления, не сводить его к результатам субъективного представления о праве правоприменителя, не сводить право к результатам интерпретации его правоприменителем, не ставить знак равенства между понятием права и иррациональным, интуитивным суждением о нем [4, с. 17-19; 5, с. 4].

В связи с этим следует отвергнуть как ошибочное модное утверждение в среде некоторых теоретиков права о том, что право – это симулякр. Оно окончательно отрывает понятие права от какой-нибудь реальной основы, уводит это понятие в сферу субъективного идеализма, делает это понятие абсолютно необъяснимым.

Представляется, что будет уместным и кратко пояснить значение, смысл слова «симулякр», нечасто используемого юристами. Симулякром называют копию, которая не имеет оригинала в реальности, которая якобы свидетельствует о каком-то предмете или явлении, но этих предметов или явлений в действительности нет.

Трудно себе представить ситуацию, когда бы исследование права вызывало необходимость оперировать понятием симулякр. Иное дело искусство. Искусство отражает реальность в художественных образах, в изображениях, создаваемых воображением художника, архитектора, скульптора и т.д. Реально создаваемый объект искусства вовсе и не должен копировать, точно отражать действительность. В этом легко убедиться, если обратиться к произведениям классиков мировой живописи - к сюрреалистам (Франсиско Гойя, Сальвадор Дали), к импрессионистам и многим другим.

Право – это не симулякр, а объективно существующее, не зависящее от воли законодателя и правоприменителя определенное социальное явление, регулирующее

отношения в обществе в соответствии с представлением этого общества о разумном, добром и справедливом. Объявляя право симулякром, мы, по сути, ликвидируем право в любом его понимании (естественном или легистском), отказываемся от права.

Определение права через субъективное его восприятие, через эмоции, психику людей предпринималось в теории права давно. Достаточно вспомнить психологическую теорию права Л. И. Петражицкого (1867 – 1931 г.г.) и его последователей[6]. Сегодняшнее возрождение интереса к такому правопониманию обязывает нас обратить внимание на серьезные недостатки теоретического и методологического характера подобного исследования права. Уход исследователя исключительно в сферу субъективного восприятия права личностью, а тем более определение права как результат интерпретации, иррационального мышления, интуиции личности неизбежно приводит к выводу о непознаваемости права. Реального существования права в таких случаях нет. Нет основополагающих его свойств – таких, как общеобязательная нормативность, связь с государством, формальная определенность и т.д.

В любой правоприменительной деятельности, в том числе и в судебном правоприменении, нередко обнаруживаются сложности при толковании подлежащей применению нормы, в выявлении ее действительного смысла. При этом возникает вопрос, какое правопонимание (легистское или естественно-правовое) должно использоваться на данной стадии применения права. Российские правоведаы, как правило, противопоставляют эти два названных правопонимания. Более того, противоборствующие стороны предлагают считать правом только то, что лежит в основе их правопонимания, объявляя ошибкой иное представление о праве.

Мы полагаем, что правоприменители, в том числе и судьи, обязаны при толковании подлежащей применению правовой нормы или разрешении коллизий в законодательстве (если такое возникает) руководствоваться не только принципами легистского правопонимания, но и обязательно применять принципы естественного права. Коренное отличие рассматриваемых правопониманий основано не на взаимно исключающих их основаниях, а по сути – на различных уровнях развития права в конкретном обществе и различных формах его выражения и существования. Легистское правопонимание – на достигнутом существующем уровне развития права и принятых в этом государстве законах и других нормативных актах, а естественное правопонимание – на должном законодательстве справедливого общества и объективно существующем мнении этого общества о праве.

Поскольку неизменным условием существования права является его постоянное развитие в соответствии с изменениями социально-экономических условий в обществе, поэтому игнорировать этот постулат правоприменитель не должен. Правоприменителю после анализа подлежащей применению нормы с точки зрения принципов легистского правопонимания, необходимо проанализировать эту же норму с позиции естественного права, с позиции действительного развития, совершенствования законодательства.

Узкоутилитарный подход к использованию легистского правопонимания и уход от анализа объективной сущности естественного правопонимания привели российское правоведение к определенному застою. Вместо анализа общего в различных правопониманиях, анализа путей и средств превращения российского законодатель-

ства и государства в правовые, ученые-юристы ограничиваются, как правило, констатацией понятийных различий этих двух правопониманий.

Нам представляется, что развитие правовой науки настоятельно требует преодоления искусственно созданного барьера между легистским и естественным правопониманием. Используя методологию концепта метамодерна юристам необходимо сделать серьезный шаг – подняться над односторонностью и легистского, и естественного правопонимания, объединить все то положительное, что несомненно имеется в них и использовать это новое правопонимание для повышения эффективности правового регулирования. К этому правоведов подталкивает и возрастающая роль права и государства в мире и в России в том числе. Мир сегодня по существу находится в новой эпохе – эпохе информационных технологий, которые позволяют решать серьезные проблемы, стоящие перед обществом. Но при этом за технологическими успехами нельзя потерять в обществе человека, снизить уровень правовой защищенности личности – ее естественных прав и законных интересов. Оптимальное обеспечение прав человека должно быть постоянной и неизменной задачей правового регулирования. Гуманистическая сущность права не должна вытесняться расширяющимся использованием цифровых технологий. Не случайно поэтому председатель Конституционного суда Российской Федерации Валерий Зорькин постоянно подчеркивает, что «принципы равноправия и справедливости, уважающие достоинство человека, должны быть основой любого права будущего» [7, с. 1].

Специфические условия цифрового общества не только не снижают, а, наоборот, повышают роль суда в разрешении правовых конфликтов, неизбежных в реальной правовой жизни [8, с. 96 - 102]. Это накладывает на судей дополнительные обязанности и ответственность за обоснованность и справедливость судебных решений.

Правоприменительная деятельность судей испытывает на себе то же влияние научного осмысления правовой жизни нашего общества, что и аналогичная деятельность других субъектов права.

Более того, реализация судебной власти как никакая другая правоприменительная деятельность тесно связана с такими характеристиками правовой жизни общества, как справедливость, разумность и доброта. А именно это и составляет совокупность основных принципов естественного права. Суды призваны укреплять в народе веру в справедливое, доброе, нравственное. Своим приговором они осуждают и этим отвергают несправедливое, безнравственное.

Внимание к действительному раскрытию роли правопонимания в обоснованном правоприменении будет способствовать прогрессивному развитию российского права и государства.

Литература

1. Дигесты Юстиниана. - М.: Наука, 1984. – 456 с.
2. Юриспруденция. Введение в курс общей теории права и государства: Для юридических вузов и факультетов / Нерсисянц В.С. - М.: Норма, Инфра-М, 1998. - 288 с.

3. Понимание права. Подходы и проблемы / Мальцев Г.В. - М.: Прометей, 1999. - 419 с.
 4. Правкин И. В. Иррациональное в праве // Современное право. – 2015. - №6. - С. 17 – 19.
 5. Теневая сторона закона. Иррациональное в праве / И. А. Исаев. - Москва : Проспект, 2014. - 364 с.
 6. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Т. 1-2 / Петражицкий Л.И.. - 2-е изд., испр. и доп. - С.-Пб.: Тип. М. Меркушева, 1909. - 768 с.
 7. Зорькин В. Право будущего в эпоху цифр // Российская газета. – 2020. - №83.
 8. Малько А. В. О многообразии правовой жизни современного российского общества и тенденциях в ее развитии // Законы России. – 2017. - №5. – С. 96 -102.
-

Lyakhov Yuri Alekseevich - Doctor of Law, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminology of the Law Faculty of Southern Federal University, 344002, Russia, Rostov-on-Don, M. Gorky Str., 88. E-mail: Ljakhoff.yu@yandex.ru.

THE ACTUAL PHILOSOPHY OF JUDICIAL ENFORCEMENT

Abstract

The article analyzes the relationship between legal understanding and law enforcement. The real role of natural legal understanding is revealed. The objective existence of natural law and its norms is justified. The inadmissibility of reducing the right to the results of the subjective idea of it of the enforcer, to irrational, intuitive judgments about it is shown. It is proposed that law enforcement officers, including judges, use not only the concepts of legist legal understanding, but also the principles of natural law when interpreting legal norms.

Keywords: *right understanding, law enforcement, interpretation it is right the law enforcement official, the irrational, intuitive rights in understanding, a simulacrum, legists right understanding, the natural right, interpretation of the right.*

References

1. Digesty YUstiniana. - М.: Nauka, 1984. – 456 s.
2. YUrisprudenciya. Vvedenie v kurs obshchej teorii prava i gosudarstva: Dlya yuridicheskikh vuzov i fakul'tetov / Nersesyanc V.S. - М.: Norma, Infra-M, 1998. - 288 с.
3. Ponimanie prava. Podhody i problemy / Mal'cev G.V. - М.: Prometej, 1999. - 419 с.
4. Pravkin I. V. Irracional'noe v prave // Sovremennoe pravo. – 2015. - №6. - S. 17 – 19.
5. Tenevaya storona zakona. Irracional'noe v prave / I. A. Isaev. - Moskva : Prospekt, 2014. - 364 s.
6. Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriej npravstvennosti. T. 1-2 / Petra-zhickij L.I.. - 2-e izd., ispr. i dop. - S.-Pb.: Tip. M. Merkusheva, 1909. - 768 с.
7. Zor'kin V. Pravo budushchego v epohu cifr // Rossijskaya gazeta. – 2020. - №83.
8. Mal'ko A. V. O mnogoobrazii pravovoj zhizni sovremennogo rossijskogo obshche-stva i tendenciyah v ee razvitii // Zakony Rossii. – 2017. - №5. – S. 96 -102.

**СУДЕЙСКАЯ ЭТИКА: ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
И ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ПРАКТИКИ**

Миллеров Евгений Владимирович кандидат юридических наук,
доцент кафедры процессуального права,
Южно-Российский институт управления – филиал Российской
академии народного хозяйства и государственной службы при
Президенте РФ
(344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54).
E-mail: MillerovyEVEA@yandex.ru

Аннотация

В данной статье анализируется понятие термина «судейская этика», его разграничение с «судебной этикой». Рассматриваются особенности правового регулирования соблюдения этики судьями в своей профессиональной деятельности и в быту. Исследованы статистические данные и материалы дисциплинарной практики в отношении судей за нарушение этики поведения с приведением результатов обзора такой практики Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации. В завершении сделаны авторские выводы по вопросам профилактики нарушений судейской этики и совершенствованию дисциплинарной практики по данным проступкам.

Ключевые слова: *судейская этика, судопроизводство, поведение в быту, нарушения, правовое регулирование, дисциплинарная практика, проблемы, пути совершенствования.*

Судейская этика является одной из важнейших составляющих профессионального поведения любого судьи. В связи с этим заслуживает поддержки мнение О.В. Беляева, в том, что к профессионализму судьи следует относить совокупность не только необходимых знаний и соответствующего интеллекта, но и наличие надлежащего уровня культуры, нравственно-психологических качеств. Судья должен уметь не создавать своими действиями конфликта, быть терпеливым, ограничивать себя в житейских ситуациях[1, С.24].

А.А. Черевко относительно роли судейской этики справедливо отмечает, что только судья, который «соблюдает морально-этические принципы своего поведения, постоянно стремится не только к повышению своего профессионального уровня, но и уровня этики, уважительно относящийся ко всем участникам уголовного процесса, способен вызывать уважение и доверие общества к судебной системе в целом и к себе лично в частности. Наделяя судей дополнительными материальными и процессуальными гарантиями, государство требует от них взамен соблюдения не только законодательных актов, регулирующих процесс судопроизводства, но и соответствия высокому нравственному статусу»[2, С.275].

Прежде чем начать анализ особенностей правового регулирования соблюдения судейской этики нельзя не коснуться соотношения терминов «судейская этика»

и «судебная этика». Так, А.А. Черевко считает, что «...судебная этика, являясь разновидностью этики прикладной, охватывает общезначимые проблемы этики судопроизводства и регулирует конкретные моральные ситуации, складывающиеся в работе судов. В свою очередь судебская этика в качестве разновидности профессиональной этики охватывает профессиональное поведение судей и рассматривает нормы права, регулирующие поведение представителей судебного сообщества не только в процессе осуществления ими профессиональной деятельности, но и в их личной жизни»[3, С.160].

Можно также согласиться с мнением данного автора относительно того, что судебская этика охватывает этику судебную, т.к. предмет регулирования судебной этики шире и включает в себя отношения, регулируемые судебской этикой[3, С.161].

Заслуживает внимания и мнение Н.В. Шаруевой, относительно того, что «...судейская этика, являясь неотъемлемой частью профессиональной правовой культуры судьи, включает в себя совокупность правил профессионального и внеслужебного поведения судей, которые формируются на основе взаимосвязи правовых и нравственных принципов»[4, С.19].

Судейская этика в нашей стране регулируется Кодексом судебской этики[5]. В соответствии со ст.12.1. Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации»[6] за нарушение данного Кодекса возможно наступление дисциплинарной ответственности, причем вплоть до досрочного прекращения полномочий судьи (ч.5 ст.12.1.). Кодекс судебской этики состоит из нескольких глав:

- общие положения (глава 1);
- общие требования, предъявляемые к поведению судьи (глава 2);
- принципы и правила профессионального поведения судьи (глава 3);
- принципы и правила профессионального поведения судьи во внесудебной деятельности (глава 4);
- заключительные положения (глава 5).

Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании решений квалификационных коллегий судей о привлечении судей судов общей юрисдикции к дисциплинарной ответственности»[7] (далее – ПП ВС РФ) в том числе разъясняет и относительно соблюдения судебской этики. В п.10 даны разъяснения относительно соблюдения судьями профессиональной этики при исполнении своих полномочий, а в п.17 – в повседневной жизни. Так, в судебном заседании судья должен быть облачен в мантию. Отправляя правосудие, судье надлежит соблюдать культуру своего поведения в процессе. Недопустимо с его стороны резкое или грубое обращение с участниками процесса. Судья не должен проявлять высокомерия. Тон ведения судебного процесса должен быть вежливым и спокойным. Помимо этого судье следует проявлять сдержанность, тактичность, уважение, понимание и терпение по отношению к участникам разбирательства и иным лицам, которые присутствуют в суде. Более того, как далее разъяснено в п.10 вышеуказанного ПП ВС РФ, некорректность поведения граждан в суде или непосредственно в судебном заседании не освобождает судью от обязанности быть тактичным, объективным и справедливым в отношении этих граждан.

В п.17 вышеуказанного ПП ВС РФ разъяснены особенности требований к поведению судей во внерабочее время. Непосредственно указано, что законодателем предъявляются повышенные требования к соблюдению судьями не только действующего законодательства, но и морально-этических норм в их частной жизни, которая относится к внеслужебным отношениям. Такие ограничения судья налагает на себя добровольно при наделении его полномочиями судьи. По этим причинам судье надлежит избегать в его частной жизни отношений, которые способны умалить авторитет судебной власти, честь и достоинство судьи, вызвать сомнение в его объективности, справедливости и беспристрастности. Помимо этого Верховным Судом РФ разъяснено, что в любых ситуациях судье следует вести себя рассудительно, тактично и сдержанно. Находясь в общественных местах либо при общении с гражданами, с сотрудниками различных организаций, судья не должен без необходимости акцентировать внимание на своем должностном положении.

Официальная статистика Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации показывает, что население сегодня довольно активно использует свое право на подачу жалоб относительно неэтичного поведения судей. Так, в 2014 г. на неэтичное поведение (грубость) судьи в отношении участников процесса и иных граждан было подано 1217 жалоб (из них в судах общей юрисдикции – 1183 и в арбитражных судах – 34). На недостойное поведение судьи в быту – 97 жалоб (из них в судах общей юрисдикции – 94 и в арбитражных судах – 3). В 2015 г. на неэтичное поведение судьи в отношении участников процесса и иных граждан было подано 1270 жалоб (из них в судах общей юрисдикции – 1238, в арбитражных судах – 32). На недостойное поведение судьи в быту – 158 жалоб (из них в судах общей юрисдикции – 155, в арбитражных судах – 3). В 2016 г. на неэтичное поведение судьи в отношении участников процесса и иных граждан было подано 1340 жалоб (из них в судах общей юрисдикции – 1307, в арбитражных судах – 33). В этом же году на недостойное поведение судьи в быту подано 167 жалоб (из них в судах общей юрисдикции – 164, в арбитражных судах – 3). В 2017 г. на неэтичное поведение судьи в отношении участников процесса и иных граждан подано 1643 жалобы (из них в судах общей юрисдикции – 1619, в арбитражных судах – 24). На недостойное поведение судьи в быту за этот же период времени – 138 жалоб (из них в судах общей юрисдикции – 134, в арбитражных судах – 4). За 2018 г. на неэтичное поведение судьи в отношении участников процесса и иных граждан было подано 1644 жалобы (из них в судах общей юрисдикции – 1583, в арбитражных судах – 61). На недостойное поведение судьи в быту в 2018 г. – 85 жалоб (из них в судах общей юрисдикции – 81, в арбитражных судах – 4)[8].

Изобразив всю приведенную выше статистику за указанные годы в виде двух диаграмм (См.: диаграммы 1 и 2), мы видим, что количество жалоб на неэтичное поведение судьи в отношении участников процесса растет, а количество жалоб, подаваемое на недостойное поведение судьи в быту, снижается.

Рис.1. Количество поступивших жалоб на неэтичное поведение (грубость) судьи в отношении участников процесса и иных граждан (по России в целом)

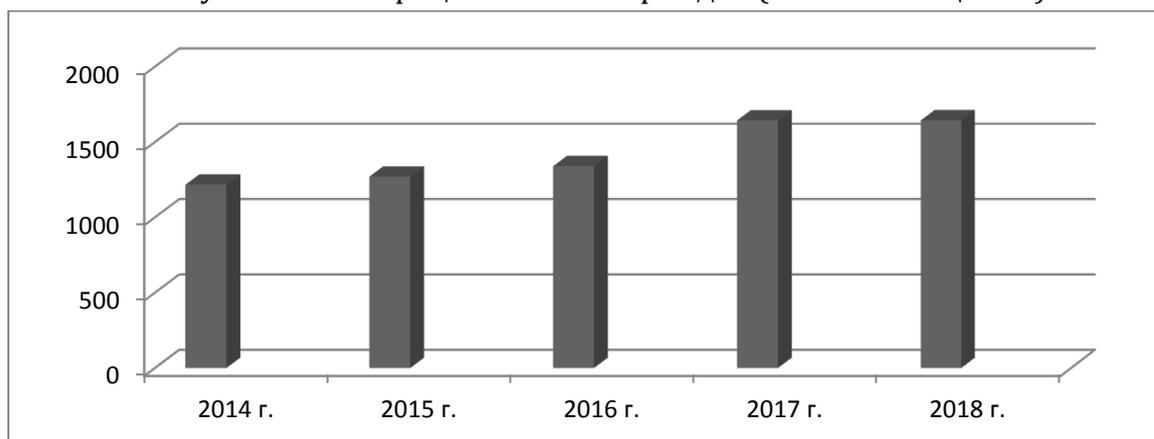
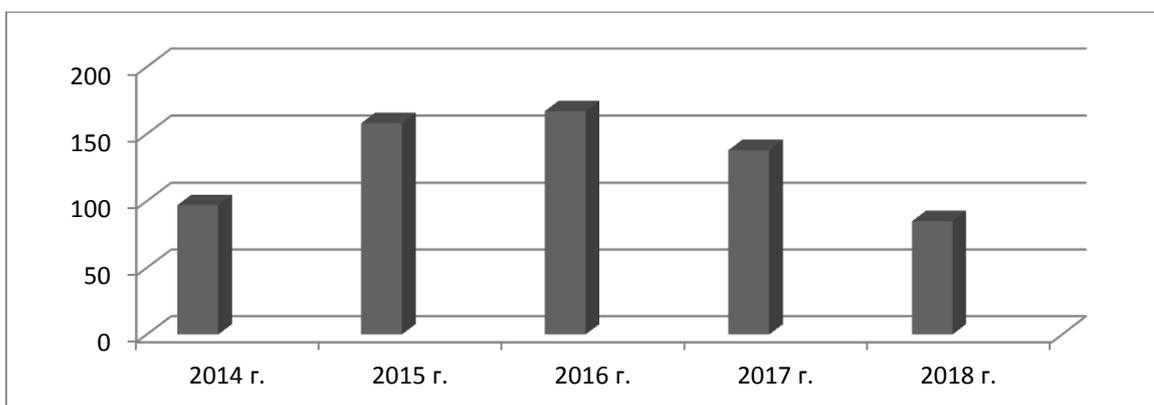

Рис. 2. Количество поступивших жалоб на недостойное поведение судьи в быту (по России в целом)

Размышляя над данными статистическими показателями относительно снижения поступления жалоб на неэтичное поведение судей в быту, представляется, что все более активное применение гражданами своих личных гаджетов, как правило, сотовых телефонов, способных сегодня записывать качественное видео, в доказывании тех или иных фактов, а также понимание этого судьями повлияло на постепенное снижение этого показателя.

Если же говорить о росте жалоб, подаваемых на неэтичное поведение судей по отношению к участникам судебного процесса, здесь, наверное, два фактора. Первый, по всей видимости, заключается в скрытном использовании участниками процесса сегодняшних возможностей видео и аудиозаписи. Озвучивая второй фактор, наверное, многие бы назвали низкую культуры судей, допускающих такое поведение или даже, возможно, их профессиональную деформацию. Однако хотелось бы сказать, что причинами срыва на грубость со стороны судьи на участников процесса нередко может быть чрезмерная судейская нагрузка, приводящая к переутомлению, как след-

ствии, психическим срывам, выражающимся, в том числе и в грубом отношении к участникам судопроизводства.

Анализ дисциплинарной практики в отношении судей показывает, что нарушение судейской этики при отправлении правосудия в подавляющем большинстве случаев заключается в грубом обращении судей к участникам судебного процесса либо неподобающее общение с ними вне судебного разбирательства, но по его поводу. Так, в качестве одного из подобных примеров можно привести случай, имевший место с судьей одного из районных судов Краснодарского края, которая по телефону обсуждала с адвокатом, участвовавшим в судебном процессе, его ход и перспективы. В том числе судьей было сказано адвокату, что насколько ей стало известно, подсудимый распространяет слухи о ее муже, если он не прекратит это делать, то она «вкатает ему 15 лет». Данный телефонный разговор адвокатом был записан и передан в Квалификационную коллегия судей Краснодарского края, которая признала такой разговор судьи нарушающим нормы судейской этики, в связи с чем досрочно прекратила ее полномочия[9].

Ряд случаев досрочного прекращения статуса судьи за нарушение норм судейской этики было приведено известным в нашей стране периодическим изданием «Российская газета». Типичным примером некорректного общения в рамках судебного заседания является факт, имевший место со стороны судьи, причем не простого судьи, а члена Квалификационной коллегии судей Краснодарского края. Помимо грубого общения в его словах встречались и нецензурные выражения. Все это было записано одним из участников заседания на видео и размещено в сети «Интернет» в свободном доступе. Полномочия данного судьи были досрочно прекращены в связи с совершением данного дисциплинарного проступка.

Еще один случай неэтичного поведения судьи был выявлен также в Краснодарском крае, но на этот раз поведение судьи выразилось не в отношении участников судопроизводства, а в отношении символов государственной власти на рабочем месте. Так, судья одного из районных судов выложила в социальной сети «Интернет» свои фотографии, на которых она изображена в пикантных позах на фоне символов государственной власти и в судейском кресле, за что и поплатилась статусом судьи[10].

Неэтичное поведение судей в быту нередко связано с нахождением их в состоянии алкогольного опьянения. Одним из таких примеров является факт, имевший место со стороны судьи одного из районных судов Краснодарского края, полномочия которого были досрочно прекращены в связи с пьяным дебошем, устроенным им в отделе полиции. Видео инцидента попало в свободный доступ в сети «Интернет»[10]. Другой судья в своем поселке (районном центре) устроил пьяный дебош в баре, нецензурно выражался, приставал к женщинам и т. д. Вместе с тем, несмотря на то, что указанные обстоятельства в отношении него подтвердились, квалификационная коллегия ограничилась объявлением ему предупреждения[11].

Дисциплинарная практика в отношении представителей судейского сообщества знает случаи, когда судьи сами размещают в сети «Интернет» свои фото или видео, вызывающие вопросы относительно этики их поведения в быту. Так, например, в Бурятии статус федерального судьи был досрочно прекращен в связи с неэтичным

поведением в быту, выразившимся в размещении ею же своих нескольких фотографий с бутылкой водки в сети «Интернет», признанных квалификационной коллегией судей неприличными, нарушающими нормы судейской этики[12].

Квалификационная коллегия судей Краснодарского края досрочно прекратила полномочия мирового судьи за ролик с вульгарным тостом, который был размещен в сети «Интернет» в свободном доступе. Судья хотела уйти в отставку сама, но квалификационная коллегия досрочно прекратила ее полномочия в связи с совершением данного дисциплинарного проступка[13].

За неэтичное поведение во внерабочее время были прекращены полномочия и председателя одного из районных судов Ставропольского края, который в вечернее время на своем личном автомобиле подъехал к автозаправке, зашел в здание заправки вместе с полностью обнаженной женщиной. Пока та выбирала товар в магазине заправки и расплачивалась за него с кассиром, он все снимал на свой сотовый телефон. Данный факт запечатлели видеокамеры автозаправочной станции, как внешняя, так и внутренняя. Видео всего этого действия также стало достоянием сети «Интернет». Председатель суда отрицал данный факт, говоря, что на видео не он, но в то же время довольно быстро сам подал заявление об уходе в отставку. Однако в связи с обращением в Квалификационную коллегия судей Ставропольского края председателя Совета судей Ставропольского края, отставка данного председателя суда была прекращена[14].

Однако если верить источникам, то данный председатель суда обжаловал указанное решение Квалификационной коллегии судей Ставропольского края и Высшей квалификационной коллегии судей РФ в Верховный Суд РФ, ссылаясь на процедурные нарушения прекращения его отставки. Верховным Судом РФ удовлетворено данное исковое заявление по тем основаниям, что решение ККС фактически не было принято, т.к. за него проголосовало недостаточное число членов коллегии, ведь необходимым количеством является 2/3 голосов всех 20 членов коллегии, а в этом заседании приняли участие лишь 13 человек. Из них за принятие данного решения было отдано восемь голосов, а это меньше необходимого числа[15].

Высшая квалификационная коллегия судей РФ (далее – ВККС РФ) в обобщении дисциплинарной практики касаясь наказания судей за неэтичное поведение в судебном процессе в качестве одной из основных сложностей у квалификационных коллегий регионов называет неразделение неэтичного поведения судьи с процессуальными действиями. В качестве одного из таких типичных примеров приводится случай, когда адвокат подал жалобу на неэтичное поведение судьи районного суда. Поводом для данной жалобы была ситуация личного характера. У адвоката умер тесть, в связи с чем об этом им была поставлена в известность судья, официально заявлено ходатайство с просьбой об отложении судебного заседания. Судьей после этого предлагалось подсудимым отказаться от этого адвоката, с заменой его на адвоката, услуги которого будут оплачены за счет государственных средств. Подсудимых не устроило такое предложение судьи и они ответили отказом. В ответ на это судьей было сказано, что в случае, если их адвоката не будет на следующее судебное заседание по данному делу, то она изменит меру пресечения в отношении всех его подсудимых на заключение под стражу. Рассмотрев эту жалобу адвоката, квалификаци-

онная коллегия судей расценила поведение указанного судьи как процессуальные действия в судебном процессе рассмотрения уголовного дела, которые не подлежат рассмотрению квалификационной коллегией судей.

Неэтичное поведение судьи в процессе, как сказано в вышеуказанном обобщении ВККС РФ, отличается от незаконных процессуальных действий тем, что они (т.е. процессуальные действия) подлежат отражению в строго предусмотренной процессуальной форме. Действия судьи в таких случаях проверяются судом вышестоящей инстанции в порядке, предусмотренном российским законодательством. Неэтичное поведение судьи, в свою очередь, хотя и имеет связь с осуществлением им своих непосредственных судейских обязанностей, прежде всего, имеет отношение к нарушениям требований поведения нравственно-этического характера.

Характерная особенность наступления дисциплинарной ответственности именно за неэтичное поведение судьи заключается в привлечении его независимо от того, был ли подтвержден факт неэтичного поведения в ходе проверки со стороны вышестоящей судебной инстанцией или нет.

Еще одной специфической особенностью, как подчеркивает ВККС РФ, является то, что неэтичное поведение допускаемое судьей, как правило, нигде не фиксируется, что зачастую порождает определенные сложности в доказывании этих фактов. В связи с этим ВККС РФ говорит о том, что при проведении проверки по таким жалобам на неэтичное поведение судей, следует не только опрашивать самих судей, допустивших такое поведение, но также всегда необходимо принимать меры к установлению и опросу лиц, явившихся очевидцами неэтичного поведения судьи.

В качестве примера ненадлежащего подхода к такой проверке действий судьи ВККС РФ в своем обзоре приводит случай, когда в одну из квалификационных коллегий субъектов РФ поступила жалоба на неэтичное поведение судьи. В жалобе указывалось заявителем, который являлся одним из участников судебного разбирательства, на грубое отношение к ней со стороны судьи. В том числе в жалобе было указано, что судья позволяла в отношении заявителя кричать в присутствии иных лиц «Пошла вон !», а другим участникам процесса судья говорила о ней: «Это быдло надо поставить на место !». Проверка по данной жалобе заключалась лишь в получении объяснительной от самой судьи, которая, естественно, все отрицала. Результатом данной проверки, явился отказ в возбуждении дисциплинарного производства [11].

В завершение хотелось бы сказать, что в научных трудах авторов, посвященных проблемам дисциплинарной ответственности за нарушение судейской этики, далеко не всеми разделяется позиция законодателей относительно данного вопроса. К примеру, одни считают, что «...нарушение этических норм должно влечь именно и только этическую, но не юридическую ответственность» [16, С.291-294]. Другие вообще считают, что дисциплинарное взыскание в виде досрочного прекращения полномочий судьи является необходимым только лишь при совершении судьей преступного деяния, после установления его вины обвинительным приговором суда, вступившим в законную силу [17, С.22].

Сложно согласиться с такими мнениями, во-первых, в связи с тем, что являемся сторонниками позиции наступления именно дисциплинарной ответственности за

нарушение кодексов профессиональной этики, причем не только судьями, а и представителями других органов государственной власти, о чем ранее неоднократно нами уже говорилось [18, С.45-46; 19, С.83; 20, С.70-71]. Во-вторых, суровость дисциплинарной ответственности судей за нарушение норм судейской этики, допускающей, в том числе и досрочное прекращение полномочий, вполне, на наш взгляд, объяснима повышенными требованиями к статусу судьи, в том числе и в вопросах этики, о чем непосредственно говорится и в приведенных здесь выше п.10 и п.17 постановления Пленума Верховного Суда РФ [7].

Литература

1. Беляева О.В. К вопросу о морально-этической составляющей статуса судей современной России // Наука и практика. 2015. №2 (63). С.22-25.
2. Черевко А.А. Этический аспект статуса судей региона // Регионоведение. 2013. №4 (85). С.271-277.
3. Черевко А.А. Особенности соотношения понятий «судебная этика» и «судейская этика» // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2013. №4-1 (80). С.154-161.
4. Шаруева Н.В. Судейская этика как элемент профессиональной правовой культуры судьи // Мониторинг правоприменения. 2019. №2 (31). С.16-19.
5. «Кодекс судейской этики» (утв. VIII Всероссийским съездом судей 19.12.2012) (ред. от 08.12.2016) // СПС «Консультант Плюс»
6. Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 (ред. от 02.08.2019 №285-ФЗ) «О статусе судей в Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс»
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.05.2007 № 27 (ред. от 20.05.2010) «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании решений квалификационных коллегий судей о привлечении судей судов общей юрисдикции к дисциплинарной ответственности» // СПС «Консультант Плюс»
8. Обзор результатов деятельности за 2014 - 2018 год // Официальный сайт Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации - <http://vkks.ru/publication/59455/>
9. Перова А. В Краснодаре судья лишена полномочий за нарушение этических норм // Коммерсантъ / 29.07.2019 - <https://www.kommersant.ru/doc/4046059>
10. Павловская Т. На Кубани за нецензурную брань лишился должности федеральный судья // Российская газета / 22.02.2018 - <https://rg.ru/2018/02/22/reg-ufo/kubai-sudia-lishilsia-dolzhnosti-za-necenzurnuiu-bran.html>
11. Романец Ю.В. Обобщение практики применения квалификационными коллегиями судей законодательства о привлечении судей к дисциплинарной ответственности // Высшая квалификационная коллегия судей РФ / Анализ практики - <http://vkks.ru/publication/176/>
12. Буюева О. Федерального судью уволили из-за скандальных фото в социальной сети // Комсомольская правда / 09.02.2011 - <https://www.kuban.kp.ru/daily/25635/800088/>

13. Краснодарскую судью уволили после видеозаписи с нецензурным тостом // «Интерфакс» / 15.05.2020 - <https://www.interfax.ru/russia/708841>

14. Сухарев М. Ставропольского судью лишили статуса после скандального видео // Российская газета / 29.03.2019 - <https://rg.ru/2019/03/29/reg-skfo/stavropolskogo-sudiu-lishili-statusa-posle-video.html>

15. ВС вернул экс-председателю райсуда мантию, отобранную из-за видео с заправки // «Право.ру» / 13.03.2020 - <https://pravo.ru/news/219398/>

16. Дегтярев А.В., Ширяев В.Н. Несоблюдение судейской этики как одна из проблем реализации конституционного права гражданина на судебную защиту // Научные исследования: от теории к практике. 2015. №1 (2). С.291-294.

17. Гергесов О.В., Дерюга А.Н. Судейская этика, дисциплина и ответственность, как гарантия прав и свобод граждан // Юридический факт. 2019. №72. С.19-23.

18. Миллеров Е.В. О совершенствовании правового регулирования этической составляющей служебного поведения должностных лиц таможенных органов // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2013. №7 (38). С.42-46.

19. Смоленский М.Б., Миллеров Е.В. К проблемным вопросам правового регулирования этики профессионального поведения государственных служащих // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2019. №5 (108). С.81-83.

20. Безручко Е.В., Миллеров Е.В. О современных проблемах профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел: деонтологические и правовые аспекты. Философия права. 2020. №1 (92). С.67-73.

Millerov Eugene V., PhD in law, associate Professor of procedural law, South-Russian Institute of management – branch of the Russian presidential Academy of national economy and public administration (344002, Russia, Rostov-on-don, Pushkinskaya str., 70)
E-mail: MillerovyEVEA@yandex.ru

JUDICIAL ETHICS: ISSUES OF LEGAL REGULATION AND DISCIPLINARY PRACTICE

Abstract

This article analyzes the concept of the term "judicial ethics", its differentiation from "judicial ethics". The article deals with the peculiarities of legal regulation of compliance with ethics by judges in their professional activities and at home. Statistical data and materials of disciplinary practices against judges for violation of ethics of behavior are studied, with the results of a review of such practices by the Higher qualification Board of judges of the Russian Federation. In the end, the author made conclusions on the prevention of violations of judicial ethics and improving disciplinary practices for these offenses.

Keywords: judicial ethics, legal proceedings, behavior in everyday life, violations, legal regulation, disciplinary practice, problems, ways of improvement.

References

1. Belyaeva O.V. K voprosu o moral'no-eticheskoy sostavlyayushchej statusa sudej sovremennoj Rossii // Nauka i praktika. 2015. №2 (63). S.22-25.
2. Cherevko A.A. Eticheskij aspekt statusa sudej regiona // Regionologiya. 2013. №4 (85). S.271-277.
3. Cherevko A.A. Osobennosti sootnosheniya ponyatij «sudebnaya etika» i «sudejskaya etika» // Vestnik CHuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I.YA. YAKovleva. 2013. №4-1 (80). S.154-161.
4. Sharueva N.V. Sudejskaya etika kak element professional'noj pravovoj kul'tury sud'i // Monitoring pravoprimeneniya. 2019. №2 (31). S.16-19.
- 5.«Kodeks sudejskoj etiki» (utv. VIII Vserossijskim s"ezdom sudej 19.12.2012) (red. ot 08.12.2016) // SPS «Konsul'tant Plyus»
6. Zakon RF ot 26.06.1992 № 3132-1 (red. ot 02.08.2019 №285-FZ) «O statuse sudej v Rossijskoj Federacii» // SPS «Konsul'tant Plyus»
7. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 31.05.2007 № 27 (red. ot 20.05.2010) «O praktike rassmotreniya sudami del ob osparivanii reshenij kvalifikacionnyh kollegij sudej o privlechenii sudej sudov obshchej yurisdikcii k disciplinarnoj otvetstvennosti» // SPS «Konsul'tant Plyus»
8. Obzor rezul'tatov deyatel'nosti za 2014 - 2018 god // Oficial'nyj sajt Vysshej kvalifikacionnoj kollegii sudej Rossijskoj Federacii - <http://vkks.ru/publication/59455/>
9. Perova A. V Krasnodare sud'ya lishena polnomochij za narushenie eticheskikh norm // Kommersant" / 29.07.2019 - <https://www.kommersant.ru/doc/4046059>
10. Pavlovskaya T. Na Kubani za necenzurnuyu bran' lishilsya dolzhnosti federal'nyj sud'ya // Rossijskaya gazeta / 22.02.2018 - <https://rg.ru/2018/02/22/reg-ufu/kubai-sudia-lishilsia-dolzhnosti-za-necenzurnuiu-bran.html>
11. Romanec YU.V. Obobshchenie praktiki primeneniya kvalifikacionnymi kollegiyami sudej zakonodatel'stva o privlechenii sudej k disciplinarnoj otvetstvennosti // Vysshaya kvalifikacionnaya kollegiya sudej RF / Analiz praktiki - <http://vkks.ru/publication/176/>
12. Bueva O. Federal'nogo sud'yu uvolili iz-za skandal'nyh foto v social'noj seti // Komsomol'skaya pravda / 09.02.2011 - <https://www.kuban.kp.ru/daily/25635/800088/>
13. Krasnodarskuyu sud'yu uvolili posle videozapisi s necenzurnym tostom // «Interfaks» / 15.05.2020 - <https://www.interfax.ru/russia/708841>
14. Suharev M. Stavropol'skogo sud'yu lishili statusa posle skandal'nogo video // Rossijskaya gazeta / 29.03.2019 - <https://rg.ru/2019/03/29/reg-skfo/stavropolskogo-sudiu-lishili-statusa-posle-video.html>
15. VS vernul eks-predsedatelyu rajsuda mantiyu, oboznanuyu iz-za video s zapravki // «Pravo.ru» / 13.03.2020 - <https://pravo.ru/news/219398/>
16. Degtyarev A.V., SHiryayev V.N. Nesoblyudenie sudejskoj etiki kak odna iz problem realizacii konstitucionnogo prava grazhdanina na sudebnuyu zashchitu // Nauchnye issledovaniya: ot teorii k praktike. 2015. №1 (2). S.291-294.

17. Gergesov O.V., Deryuga A.N. Sudejskaya etika, disciplina i otvetstvennost', kak garantiya prav i svobod grazhdan // YUridicheskij fakt. 2019. №72. S.19-23.

18. Millerov E.V. O sovershenstvovanii pravovogo regulirovaniya eticheskoi sostavlyayushchej sluzhebnogo povedeniya dolzhnostnyh lic tamozhennyh organov // Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie. 2013. №7 (38). S.42-46.

19. Smolenskij M.B., Millerov E.V. K problemnym voprosam pravovogo regulirovaniya etiki professional'nogo povedeniya gosudarstvennyh sluzhashchih // Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie. 2019. №5 (108). S.81-83.

УДК 343.1

DOI: 10.22394/2074-7306-2020-1-3-119-127

УЧАСТИЕ НАСЕЛЕНИЯ В СТАДИИ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**Малина
Максим
Александрович** кандидат юридических наук, преподаватель кафедры
уголовного процесса и криминалистики юридического
факультета Южного федерального университета.
(344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Горького, д. 88)
E-mail: bestar@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматриваются особенности участия населения в отправлении правосудия в Российской Федерации, положительно оцениваются перспективы расширения такого участия. При этом предлагается привлекать представителей общества для решения судом ключевых вопросов стадии исполнения приговора при производстве по уголовному делу. Обосновывается невозможность исключения данных вопросов из компетенции судебной власти, указывается на ошибочность идеи по отделению суда от государства. Определяются пути расширения круга вопросов, разрешаемых при участии представителей населения в стадии исполнения приговора.

Ключевые слова: участие населения в отправлении правосудия, присяжные заседатели, индивидуализация наказания, исполнение приговора, суд шэффенского типа, условно-досрочное освобождение.

В настоящее время одним из важных направлений уголовно-процессуальной политики в России является расширение участия населения в отправлении правосудия. Так, уже с 1 июня 2018 г. суд с участием присяжных заседателей действует в районных судах отечественной судебной системы. Активно обсуждаются возможности дальнейшего совершенствования данного правового института.

Президент Российской Федерации В. В. Путин после заседания Совета по развитию гражданского общества и правам человека 10 декабря 2019 года утвердил перечень поручений, в числе которых рекомендовал Верховному Суду в срок до 1 июня 2020 года рассмотреть вопрос о расширении подсудности суда с участием присяжных заседателей. В свою очередь, председатель ВС РФ В. М. Лебедев положительно оценил перспективу рассмотрения в данной форме судопроизводства большинства уголовных дел о тяжких преступлениях.

Таким образом, проблемы реального, полноценного воплощения в жизнь конституционного права российских граждан участвовать в отправлении правосудия сегодня чрезвычайно актуальны. Вместе с тем следует отметить, что основное внимание ученых и практиков при решении этих задач посвящено вопросам привлечения населения страны к рассмотрению судом уголовных дел по существу.

Действительно, ценность и значимость миссии общества в разрешении правовых конфликтов не вызывает никаких сомнений. Но представляется разумным и важным в исследовании вопросов участия населения в отправлении правосудия не ограничиваться решением соответствующих проблем только в ходе судебного производства по уголовному делу. Строго говоря, любое судебное заседание в уголовном процессе является формой осуществления правосудия (п. 50 ст. 5 УПК РФ). Поэтому считаем целесообразным использовать именно такой, широкий подход. По нашему мнению, это позволит более эффективно вести поиск возможностей взаимодействия государства и общества в сфере деятельности суда. К слову сказать, пусть и нечасто, но такие попытки в последнее время предпринимаются. Например, научный интерес вызывает предложение С. А. Пашина привлекать представителей народа к рассмотрению судом вопроса о заключении лица под стражу.

Мы же считаем целесообразным обеспечить привлечение населения страны к рассмотрению судом вопросов, возникающих в стадии исполнения приговора, постановленного в суде с участием присяжных заседателей. Рассмотрим далее эту идею более подробно.

Разрешая правовой спор по существу, суд дает ответ на материально-правовые вопросы уголовного дела – о преступлении и о наказании. Для того, чтобы правильно квалифицировать совершенное подсудимым деяние и, соответственно, назначить ему справедливое наказание необходимо установить входящие в предмет доказывания фактические обстоятельства. По определенному кругу дел о наиболее опасных преступлениях законодатель предусмотрел возможность использования для решения данной задачи (и определения виновности лица в совершении преступления) жизненного опыта и здравого смысла привлекаемых в процесс граждан-непрофессионалов – присяжных заседателей.

Поэтому важность их роли при разрешении судом вопроса «о преступлении» (было ли совершено деяние, причастен ли к нему подсудимый и т.д.) сомнений не вызывает. Но вот на разрешение вопроса о «наказании» (вид, мера наказания и т.д.), о его индивидуализации компетенция присяжных заседателей не распространяется. При вынесении вердикта они могут лишь решить, заслуживает ли лицо снисхождения или нет. Возможности в дальнейшем осуществлять какой-либо контроль за эффективностью назначенного судом наказания для представителей населения тем более

не предусмотрено. С юридико-технической точки зрения данная ситуация совершенно нормальна, это институциональные особенности суда с участием присяжных заседателей. Если же посмотреть на проблему под другим углом, учитывая социальную направленность уголовного судопроизводства, то можно прийти к следующему выводу: отсутствие такого общественного контроля является недостатком. В качестве обоснования данного положения можно привести следующие аргументы.

В действующем УПК РФ отсутствует норма, регламентирующая задачи уголовного процесса (ст. 2 УПК РСФСР). Вместо нее российский законодатель в ст. 6 УПК РФ определяет не задачи, а социальную предназначенность уголовного судопроизводства. То есть теперь речь идет о тех результатах, которые общество вправе ожидать от действующего механизма расследования и разрешения уголовных дел [1, с. 54]. Другими словами, насколько эффективно при помощи уголовного процесса будут разрешены вопросы о преступлении и о наказании, настолько общество может чувствовать себя защищенным со стороны государства (защита прав потерпевших, защита прав личности в ходе судопроизводства и т.д.).

Представляется, что в основе такой защищенности лежит не только неотвратимость наказания для преступников. Как известно, целью наказания правонарушителя является не месть или кара за совершенное деяние, а его исправление и успешная ресоциализация в дальнейшем. Здесь очень важную роль играет индивидуализация наказания, его соразмерность преступному поступку. Необходимо учесть все нюансы обстановки совершения деяния, особенности личности индивидуума, условий его жизни. Только наказание лица по справедливости может обеспечить успешное достижение социальных целей уголовного процесса. Действительно, о какой защищенности и спокойствии общества может идти речь, если в его ряды возвращаются лица, озлобленные несправедливостью, несоразмерностью примененных к ним санкций, не желающие впредь жить по установленным правилам. Иными словами, для общества, наряду с вопросом об установлении виновности подсудимого, не менее важен вопрос об индивидуализации наказания. Причем здесь мы имеем в виду не только выбор его вида и меры для конкретного случая, но и то, насколько оно эффективно в ходе его исполнения – индивидуализация наказания в динамике. Это очень важный аспект государственного воздействия на лицо, подлежащее исправлению и дальнейшей ресоциализации. Представляется, что для суда здесь очень значима была бы помощь самого общества.

Для оценки эффективности назначенного судом наказания и осуществления соответствующих корректировок законодатель для стадии исполнения приговора предусмотрел комплекс специальных мер (ст. 397 УПК РФ): изменение вида исправительного учреждения (пункт 3); условно-досрочное освобождение лица от отбывания наказания, далее – УДО (пункт 4); отмена УДО (пункт 4.1); замена неотбытой части наказания более мягким его видом (пункт 5); освобождение от наказания в связи с болезнью (пункт 6) и др.

В судебной практике здесь наиболее распространены ходатайства об условно досрочном освобождении: в 2019 году – 92 545, из них удовлетворены – 45 387 (49%). В количественном отношении они даже сопоставимы с ходатайствами об избрании меры пресечения в виде заключения лица под стражу (в 2019 году – 106 046). На вто-

ром месте – ходатайства о замене неотбытого срока лишения свободы более мягким видом наказания: в 2019 году – 79 804, из них удовлетворены – 27 758 (35%) .

По нашему мнению, устранить отмеченный выше недостаток (отсутствие способов народного контроля за эффективностью применения к лицу меры государственного принуждения) можно следующим образом. Необходимо предоставить народу право участия в процедуре оценки судом результативности наказания в ходе его исполнения и главное - возможность полноценного участия в его соответствующем изменении, уточнении.

Проф. И. Я. Фойницкий отмечал: «... во имя принципа индивидуальности наказания, входящего в самый состав современного понятия справедливости, исполнение приговоров нуждается в известной эластичности, гибкости, лишь бы она была поставлена ... под контроль суда... . Отсюда возможность изменения приговора при исполнении его» [2, с. 540]. Представляется, что помощь общества будет важна для суда в достижении указанной «эластичности» и «гибкости». Например, в решении вопроса об УДО суд, наряду с оценкой поведения осужденного (его отношения к учебе, труду и др.), должен учесть отношение лица к совершенному преступлению (часть 4.1 ст. 79 УК РФ). Это очень важный вопрос, его исследование как раз и позволяет определить степень исправления лица, его раскаяния, готовности вернуться к нормальной жизни. И проводиться это исследование должно с социальных, нравственных позиций. Поэтому ценным здесь представляется участие представителей самого общества, куда в итоге и должен будет вернуться гражданин для последующей ресоциализации.

Следует отметить, что потребность получить некий общественный отклик, так называемую «обратную связь» от социума в ходе исполнения приговора прослеживается и в положениях действующего УПК РФ. Так, законодательно закреплено право потерпевшего участвовать в судебных заседаниях, посвященных разрешению вопросов об условно-досрочном освобождении лица, о замене неотбытой им части наказания более мягким и др. (часть 2.1 ст. 399 УПК РФ, п. 21.1 часть 2 ст. 42 УПК РФ).

Строго говоря, с юридико-технической точки зрения для суда не столь важна здесь позиция потерпевшего. В стадии исполнения приговора уже не ведется уголовно-правовой спор, в котором он был одним из участников. Данный спор получил свое разрешение по существу в приговоре. Поэтому в процессуальном смысле в стадии его исполнения суд вполне может решить соответствующие вопросы и без учета мнения потерпевшего. Действительно, странной была бы ситуация, когда, например, при выполнении подсудимым всех формально-установленных критериев для условно-досрочного освобождения ему будет отказано только лишь из-за возражений потерпевшего. Более того, Конституционный Суд РФ указал на необязательность для суда позиции потерпевшего в отношении вопросов об УДО или замены неотбытой части наказания более мягким . Так зачем же тогда законодатель наделил его правом участия в судебных заседаниях в стадии исполнения приговора? Дело в том, что при совершении преступления человеческий, социальный конфликт зачастую намного шире и глубже правового конфликта, который и разрешается в уголовном процессе. Поэтому законодатель предоставляет суду возможность учесть в своих решениях в том числе и различные социальные аспекты (потерпевший может опасаться про-

должения вражды или мести после досрочного возвращения подсудимого и т.д.) [1, с. 1220].

Подводя итог в отношении вопроса о целесообразности участия населения в стадии исполнения приговора (постановленного в суде с участием присяжных заседателей), можно отметить следующее. Смысл привлечения российских граждан к отправлению правосудия заключается в том, чтобы разрешить правовой спор по справедливости, то есть для восстановления социальной справедливости. Суд получает народную поддержку, опору, повышается его авторитет и доверие со стороны населения. Но вопросы справедливости, авторитета суда, доверия ему со стороны общества отнюдь не исчерпываются постановлением приговора по уголовному делу. Они сохраняют свою актуальность и значимость в течение всего уголовного процесса, а зачастую - и за его рамками. Так, успешность ресоциализации лица во многом зависит от справедливости назначенного ему в свое время наказания и его дальнейшей индивидуализации в самом широком смысле - уточнение, корректировка наказания в стадии исполнения приговора.

Также следует отметить, что участие представителей общества в разрешении судом вопросов об УДО и о замене неотбытой части наказания более мягким, обеспечивает транспарентность судебной деятельности, ее открытость и, тем самым, выступает мощным антикоррупционным фактором.

Далее следует определить оптимальную форму такого народного участия в судопроизводстве. Здесь неизбежно возникает вопрос о распределении властных полномочий между профессиональным судьей и представителями населения. Можно сформулировать проблему шире: должны ли рассматриваемые вопросы (УДО и т.д.) разрешаться судом или следует их переложить на само общество, то есть вывести за рамки действия государственной власти?

Данный вопрос носит принципиальный характер. Дело в том, что в последнее время все более распространенной становится идея о необходимости максимальной передачи властных полномочий от государства обществу, в том числе - и в сфере судебной деятельности. Такое положение дел наблюдается пока не только и не столько в нашей стране, сколько на Западе. Там юристы уже в полный голос говорят о дискредитации института государства в целом, о том, что под сомнение поставлена способность государства «... эффективно действовать в целях защиты интересов общества» [3, с. 77].

Очевидно, что столь серьезная проблема не может долго оставаться только в рамках западной правовой действительности. Сегодня вопрос о соотношении суда и государства носит глобальный характер, актуален и для нашей страны. О важности проблемы для российского правоведения говорит то, что даже в учебной отечественной литературе указывается на зарубежную тенденцию максимального отделения суда от государства, «деэтатизации» и «приватизации» публично-правовых институтов для освобождения рынка от контроля государства [4, с. 76]. Авторитетные российские ученые говорят о возникновении «новой идеологии», направленной на «разгосударствление» правосудия [5, с. 186 - 189]. Более того, идеи об отделении суда от государства не столь уж и новы для отечественной доктрины. Так, еще проф.

Люблинский (1882 - 1938) писал о том, что «по существу идея суда стоит обособленно от государства», суд «... стоит вне государства, а порою и над ним» [6, с. 32].

Таким образом можно сделать следующий вывод. Вопрос формы привлечения населения страны к отправлению правосудия отнюдь не является сугубо юридико-техническим. Он имеет под собой и идеологические, политические основания. Ответ на него находится в неразрывной связи с решением проблемы об определении места и роли суда в государстве. Иными словами исходное, принципиальное значение имеет вопрос: правосудие должен вершить государственный суд (с возможным участием народа) или суд общества?

Рассмотрим данную проблему применительно к стадии исполнения приговора в отечественном уголовном судопроизводстве. Здесь большой интерес представляет позиция российских ученых и представителей судейского корпуса.

Так, на 9 Всероссийском съезде судей 8.12.2016 г. было предложено решение вопросов об УДО и об освобождении лица от наказания в связи с тяжелой болезнью полностью передать наблюдательным комиссиям субъектов Российской Федерации. Обосновывалось это необходимостью усиления общественного контроля в этой области и снижения нагрузки на судей.

В научной литературе в свою очередь встречается точка зрения, в соответствии с которой разрешение вопросов УДО и освобождения лица от наказания в связи с тяжелой болезнью следует полностью передать в ведение всевозможных общественных организаций: общественно-наблюдательным комиссиям (правда с сохранением последующего судебного контроля) [7, с. 95], органам, включающим представителей общества и представителей администрации учреждений, исполняющих наказание [8, с. 47] и др. Причем предполагается, что решения, принимаемые общественно-наблюдательными комиссиями, должны обладать свойствами законности, обоснованности, мотивированности и приниматься в совещательной комнате [7, с. 102-103].

По нашему мнению, ни в коем случае нельзя лишать суд полномочий по разрешению соответствующих вопросов в стадии исполнения приговора. Выше обосновывалась необходимость участия в данной процедуре представителей общества. Но речь идет исключительно о совместной деятельности профессионального судьи и допущенных в процесс граждан. Их участие должно осуществляться в рамках реализации судом своих государственно-властных полномочий, в соответствии со строго установленным процессуальным порядком.

Действительно, нелогичной представляется ситуация, когда после разрешения судом в приговоре вопросов о виде и размере наказания, о виде исправительного учреждения и т.д., какие-то несудебные органы (администрация исправительного учреждения, общественные организации и др.) получают право самостоятельно изменять, корректировать эти вопросы в целях дальнейшей индивидуализации наказания. Такое вмешательство в деятельность суда недопустимо, так как оно с большой долей вероятности может обесценить постановленный судом приговор. Например, суд приговорил лицо к шести годам лишения свободы, а затем в ходе отбывания наказания по решению общественно-наблюдательной комиссии или администрации учреждения осужденный выходит на свободу через год – полтора. Таким образом,

все корректировки, уточнения разрешенных судом в приговоре вопросов должны относиться исключительно к компетенции судебной власти [1, с. 1200]. Что отнюдь не исключает участия населения в реализации судом таких полномочий.

Рассматривая проблему более широко, считаем, что недопустимы никакие попытки «разгосударствления» правосудия. Данная функция должна принадлежать только суду, причем выступающему исключительно в качестве органа государственной власти. Проф. И. Я. Фойницкий отмечал, что государство обязано «... доставить правосудие населению», что судебная власть – это «... ветвь власти государственной», она дополняет другие ее ветви, все они «... истекают из верховной государственной власти, подчиняются ей и проникаются ею, действуя ее именем» [9, с. 157]. Действительно, как можно вывести суд из сферы действия государственной власти, если в своих решениях он применяет нормы материального закона и действует в строгом соответствии с положениями процессуального законодательства, то есть судебная власть находится в неразрывной связи с законодательной ветвью власти. Понятно, что указанные выше положения Всероссийского съезда судей по полной передаче полномочий общественным организациям основаны на желании снизить нагрузку служителей Фемиды. Представляется, что для этого необходимо искать иные возможности. Иначе вполне вероятно развитие и в России движения по созданию параллельного правосудия и постепенному отделению суда от государства, что непременно поставит под угрозу сам институт государства.

Исходя из вышеизложенного предлагаем для участия населения в разрешении судом вопросов об УДО и о замене неотбытой части наказания более мягким его видом использовать модель суда шеффенов. Считаем, что эта модель суда способна занять достойное место наряду с судом с участием присяжных заседателей (который, кстати говоря, по мнению авторитетных ученых, может стать символом движения по отделению суда от государства, его важнейшим орудием, выступить здесь в качестве «политического инструмента» [12, с. 187-188]). Учитывая наметившуюся и в нашей стране тенденцию по разгосударствлению судебной деятельности, деэтизации правосудия, можно сделать вывод о том, что использование в российском судопроизводстве суда шеффенского типа сегодня крайне востребовано. Представляется, что это может выступить одной из преград для развития обозначенных негативных процессов и обеспечить при этом участие населения в отправлении правосудия.

Со временем считаем возможным расширение круга вопросов, разрешаемых в стадии исполнения приговора в данной форме судопроизводства (профессиональным судьей совместно с двумя гражданами – судебными заседателями, отобранными в случайном порядке из списков кандидатов в присяжные заседатели по муниципальному образованию). Например, сюда могут быть включены и вопросы об отмене УДО, об освобождении от наказания в связи с болезнью осужденного, об изменении вида исправительного учреждения и др. (ст. 397 УПК РФ). После реализации изложенных предложений на практике представляется целесообразным рассмотреть вопрос об использовании данной модели суда в стадии исполнения приговора, постановленного не только в суде с участием присяжных заседателей, но и в ординарном порядке судопроизводства (по уголовным делам о преступлениях высокой общественной опасности).

Считаем, что использование предложенного здесь подхода в российской правовой действительности послужит повышению гарантий справедливого разрешения судом основных вопросов стадии исполнения приговора и выступит важным шагом в совершенствовании судебной деятельности в целом.

Литература

1. Курс уголовного процесса / Под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головки. - М.: Статут, 2016. – 1278 с.
2. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. 3-е изд. Т. 2. – СПб.: Сенатская типография. – 1910. – 573 с.
3. Беше-Головки К. Пределы независимости судей: пределы для чего и независимость от кого ? // Суд и государство / Под ред. Л. В. Головки, Б. Матые. – М.: Статут, 2018. – С. 64 – 78.
4. Судостроительство и правоохранительные органы / Под ред. Л. В. Головки: учебник. М.: Издательский Дом «Городец», 2020. – 768 с.
5. Суд и государство / Под ред. Л. В. Головки, Б. Матые. – М.: Статут, 2018. – С. 64 – 272 с.
6. Люблинский П.И. Суд и права личности // Суд и права личности. Сборник статей. - М.: Статут, РАП, 2005. - С. 32-70.
7. Качалов В. И. Формирование новой модели производства по разрешению вопросов об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания и освобождении от наказания в связи с болезнью осужденного // Российское правосудие. – 2017. - №6. – С. 91 – 105.
8. Воронин О. В. Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с условно-досрочным освобождением. - Томск: Изд-во НТЛ, 2004. - 208 с.
9. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. 4-е изд. Т. 1. – М., 1912. – 579 с.
10. Головки Л. В. Новая идеологическая миссия суда присяжных: разгосударствление уголовного правосудия // Суд и государство / Под ред. Л. В. Головки, Б. Матые. – М.: Статут, 2018. – С. 186 – 189.

Malina Maksim Aleksandrovich - Candidate of Law Sciences, teacher of Criminal Process and Criminology faculty of Law South Federal University. 88, Gorkogo Str., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation. E-mail: bestar@yandex.ru

PARTICIPATION OF THE POPULATION IN THE EXECUTION OF THE SENTENCE IN THE CRIMINAL PROCEEDINGS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract

The article examines the peculiarities of public participation in the administration of justice in the Russian Federation, and positively assesses the prospects for expanding such participation. At the same time, it is proposed to involve representatives of society to resolve key issues of the court at the stage of execution of the sentence in criminal proceedings. The impossibility of ex-

cluding these issues from the competence of the judiciary is justified, it is indicated that the idea of separating the court from the state is erroneous. Ways of expanding the range of issues resolved with the participation of representatives of the population in the execution of the sentence are being determined.

Keywords: public participation in the administration of justice, jurors, individualization of punishment, execution of sentence, sheffen-type court, parole.

References

1. Kurs ugolovnogogo processa / Pod red. d.yu.n., prof. L.V. Golovko. - M.: Statut, 2016. – 1278 s.
2. Fojnickij I. YA. Kurs ugolovnogogo sudoproizvodstva. 3-e izd. T. 2. – SPb.: Senatskaya tipografiya. – 1910. – 573 s.
3. Beshe-Golovko K. Predely nezavisimosti sudej: predely dlya chego i nezavisimost' ot kogo ? // Sud i gosudarstvo / Pod red. L. V. Golovko, B. Mat'e. – M.: Statut, 2018. – S. 64 – 78.
4. Sudoustrojstvo i pravoohranitel'nye organy / Pod red. L. V. Golovko: uchebnik. M.: Izdatel'skij Dom «Gorodec», 2020. – 768 s.
5. Sud i gosudarstvo / Pod red. L. V. Golovko, B. Mat'e. – M.: Statut, 2018. – S. 64 – 272 s.
6. Lyublinskij P.I. Sud i prava lichnosti // Sud i prava lichnosti. Sbornik statej. - M.: Statut, RAP, 2005. - S. 32-70.
7. Kachalov V. I. Formirovanie novoj modeli proizvodstva po razresheniyu voprosov ob uslovno-dosrochnom osvobozhdenii ot otbyvaniya nakazaniya i osvobozhdenii ot nakazaniya v svyazi s boleznyu osuzhdennogo // Rossijskoe pravosudie. – 2017. - №6. – S. 91 – 105.
8. Voronin O. V. Proizvodstvo po rassmotreniyu i razresheniyu voprosov, svyazannyh s uslovno-dosrochnym osvobozhdeniem. - Tomsk: Izd-vo NTL, 2004. - 208 s.
9. Fojnickij I. YA. Kurs ugolovnogogo sudoproizvodstva. 4-e izd. T. 1. – M., 1912. – 579 s.
10. Golovko L. V. Novaya ideologicheskaya missiya suda prisyazhnyh: razgosudarstvlenie ugolovnogogo pravosudiya // Sud i gosudarstvo / Pod red. L. V. Golovko, B. Mat'e. – M.: Statut, 2018. – S. 186 – 189.

ФУНКЦИИ ПРОКУРАТУРЫ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ОБОСНОВАНИЯ

Назаров Сергей Николаевич доктор юридических наук, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (344022, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54).

Аннотация

В статье исследуется элементный состав функции прокуратуры с учетом положений теории социальной деятельности и современных общетеоретических исследований функций, дается определение функции прокуратуры.

Ключевые слова: прокуратура, функции прокуратуры, деятельность прокуратуры

В научной литературе отсутствует общепризнанный подход к определению функций прокуратуры. Являются дискуссионными вопросы о содержании функции прокуратуры, ее соотношении с деятельностью прокуратуры, с иными правовыми категориями и др.

Преобладающим является подход, рассматривающей функции прокуратуры как направления ее деятельности, как вид и содержание ее деятельности. Так, В.В. Клочков определяет функции прокуратуры как основные направления ее деятельности взаимосвязанные с функциями государства и права, которые предопределяются ее целями и задачами, выражают сущность и социальное назначение прокуратуры данного типа и осуществляются в пределах компетенции прокуратуры в определенных законом сферах правовых отношений через соответствующие им типы деятельности установленных законодательных средств. Сторонником такого подхода является А.Б.Соловьев.

В.П.Рябцев определяет функции прокуратуры как «такой вид ее деятельности, который предопределяется социальным предназначением прокуратуры, выраженным в ее задачах; характеризуется определенным предметом ведения; направлен на решение задач и требует использования присущих ему полномочий и правовых средств». Такого же мнения придерживается А.Я. Сухарев, Н.Н.Карпов аналогичный подход приведен и в Комментариях к Федеральному закону «О прокуратуре Российской Федерации», в Настольной книге прокурора, в других источниках.

В.Г. Бессарабов определяет функции как круг деятельности, содержание деятельности прокуратуры, а не саму ее деятельность, т.е. можно сказать, что государство наделило прокуратуру рядом или определенной частью своих функций. В ходе осуществления практической деятельности функции прокуратуры реализуются через направления и виды деятельности.

Несмотря на определенные различия в приведенных подходах к определению функций прокуратуры, каждое из них не противоречит лексическому значению слова «функция» ввиду многозначности его собственного содержания.

Так, в энциклопедическом словаре «функция» определяется как деятельность, обязанность, работа; внешнее проявление свойств какого-либо объекта в данной системе отношений; в других словарях – как обязанность, круг деятельности чего-н., подлежащая исполнению работа, значение, назначение, роль, которую выполняет определенный социальный институт или процесс по отношению к целому (напр., функция государства, семьи и т. д. в обществе) и т.д. Такая многозначность значения термина «функция», способствует в определенной мере расхождению мнений ученых в определении функций прокуратуры.

Следует также отметить и отсутствие единства мнений в вопросе о том, какие функции осуществляет прокуратура. Одни исследователи рассматривают в качестве таковых все, именуемые в Федеральном законе «О прокуратуре РФ» функции: надзор, уголовное преследование, координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, участие в правотворческой деятельности, участие в видах судопроизводства, международно-правовое сотрудничество. Другие выделяют основные функции, к которым относят надзор и уголовное преследование. Высказано мнение, что функциями прокуратуры является надзор и другие функции, не получившие в данный период законодательного закрепления.

Поскольку функции прокуратуры рассматриваются как направление, вид, содержание, круг деятельности, то выделение в качестве таковых надзора, уголовного преследования и др., свидетельствует об отождествлении понятий «функция» и «деятельность», поскольку все они представляют собой виды деятельности. Так, надзор – это наблюдение, присмотр за кем-л., чем-л. с целью контроля, охраны и т.п.; уголовное преследование, согласно пункту 55 ст.5 УПК РФ, это процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления; координация – согласование, приведение в соответствие.

В исследованиях функций прокуратуры справедливо указывается на нетождественность понятий функции и деятельности. Так, В.В. Клочков отмечает, что функция – это не разновидность ее (прокуратуры – С.Н.) деятельности, а генеральная линия, направляющая эту деятельность. Деятельность прокуратуры, отмечает ученый, представляет собой средство и форму реализации (осуществления, выполнения) функций прокуратуры.

Однако, разграничение деятельности и функции путем «отделения» от деятельности ее направлений, генеральной линии, круга и т.д., содержательно не обеспечивают их дифференциацию. Такой подход аналогичен, например, рассмотрению «деятельности в статике» и «деятельности в динамике», когда, не выходя за пределы собственно деятельности, выделяются и рассматриваются различные ее аспекты и состояния.

При отождествлении надзора, уголовного преследования, координации и т.д. с функциями прокуратуры возникает вопрос: посредством каких видов деятельности они осуществляются? В юридической литературе указывается, например, что

надзор, осуществляется посредством прокурорских проверок. Но проверка это не вид, а форма надзорной деятельности.

Предварительно отметим, что рассмотрение деятельности как средства реализации функции, с учетом изложенного, приводит к выводу о том, что функция «находится» за пределами деятельности, поскольку деятельность не может быть средством реализации самой себя – своих направлений, видов, содержания и т.д.

При общем правильном подходе исследователей функции прокуратуры в том, что деятельность – это не функция, а функция – это не деятельность, эти понятия в приведенных определениях, тем не менее, не разграничиваются. Сложившийся подход в определении функции прокуратуры не обеспечивает его методологическую четкость.

На это обстоятельство справедливо обращает внимание М.С. Шалумов, отмечая, что распространенная формула о том, что функция - это не сама деятельность, а ее основные направления, не меняет существа дела, так как не отражает источник возникновения данной деятельности.

Для определения «источника возникновения» прокурорской деятельности, т.е. факторов, влияющих на деятельность, но ей не являющейся; факторов, по отношению к которой деятельность служит средством реализации, обратимся к теоретическим исследованиям социальной деятельности.

Известный отечественный ученый- философ Э.Г. Юдин – один из основоположников теории социальной деятельности, обосновал, что сущность деятельности нельзя понять, не выходя за пределы ее внутренней структуры, не давая ей внешних определений. Разгадка природы деятельности коренится не в ней самой, а в том, ради чего она совершается (выделено мною – С.Н.), в той сфере, где формируются цели человека и строится образ действительности, какой она должна стать в результате деятельности. Анализ диалектики структуры деятельности показывает, что если ее основанием является сознательно формулируемая цель, то основание самой цели лежит вне деятельности, в сфере идеалов и ценностей человека.

Детерминированность деятельности внешними факторами, определяемыми Э.Г. Юдиным как то «ради чего она (деятельность) совершается, для создания образа действительности исходя из «идеалов и ценностей человека», свидетельствует о сложном, многокомпонентном содержании деятельности, состоящей не только из элементов деятельности, но и включающей их взаимосвязь с внедеятельностными факторами, оказывающих на нее влияние.

Установлению факторов-детерминантов деятельности органов государства, в том числе прокуратуры, способствуют исследования содержания функций государства наукой теории права и государства. В юридической науке под функциями государства традиционно понимаются основные направления его деятельности, в которых выражаются сущность и социальное назначение, цели и задачи государства по управлению обществом в присущих ему формах и методах. Такой подход взят за основу и в определениях функции прокуратуры.

В современных научных исследованиях права и государства, в частности профессора М.Н.Марченко, обосновывается необходимость рассмотрения их функций как сложного по своему содержанию явления, включающего социальное назначение

(выделено меною – С.Н.) государства как основу и сущностную сторону функции («должное») и практическую деятельность государства по реализации его назначения как динамический элемент функции, выражающей ее жизнедеятельность («сущее»).

Лексическое значение слова «назначение» - предназначение, роль кого-либо, чего-либо в чем-либо. Выделению этих сторон (элементов) у функции государства соответствует обоснование теорией социальной деятельности внедеятельностных факторов, оказывающих влияние на деятельность, которыми являются назначение государства (основание цели - по Э.Г. Юдину; основа, сущностная сторона функции - по М.Н.Марченко), и собственно деятельности как ее динамического элемента.

Функции государства и деятельность органов государства, обеспечивающая их реализацию, взаимосвязаны и взаимообусловлены. На взаимосвязь функций прокуратуры и функций государства, их определяющее значение обращает внимание В.В. Клочков, определяя функции прокуратуры как «взаимосвязанные с функциями государства и права основные направления деятельности прокуратуры».

Исходя из теоретических исследований категорий «деятельность» и «функция», полагаем, что определение функции прокуратуры должно отражать двухкомпонентный состав функции, основой которой, ее сущностным элементом является назначение (предназначение) прокуратуры как носителя функции, и динамический элемент - вид прокурорской деятельности.

Назначение прокуратуры отражено в определении функции прокуратуры М.С. Шалумовым, согласно которому это определяемые правовым статусом прокуратуры, ее местом и назначением в государственном механизме общие обязанности по решению поставленных перед нею законом задач обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства, выполняемые путем решения круга более частных задач и осуществления для этого конкретных обязанностей с использованием специфических властных полномочий.

В этом определении, обеспечение верховенства закона, единства и укрепления законности рассматривается как задача прокуратуры, а защита прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемые законом интересов общества и государства как ее цель. В связи с этим чем остается открытым вопрос о содержании назначения прокуратуры. Реализацию назначения прокуратуры, ученый связывает не с деятельностью, а с общими обязанностями прокуратуры по решению поставленных перед прокуратурой законом задач.

Назначение прокуратуры содержится в ранее приведенных нами определениях функций прокуратуры, согласно которым функции прокуратуры выражают сущность и социальное назначение прокуратуры, предопределяются ее социальным предназначением. Но в них также не раскрываются назначение прокуратуры, отличие назначения от целей прокуратуры, а содержание функции прокуратуры охватывается ее деятельностью.

Однако, средство реализации функции, которым является деятельность, включая ее направления, содержание, виды и т.д., не может одновременно являться функцией.

Рассмотрение функции как совокупности составляющей ее основу сущностного элемента, который проявляется в назначении (предназначении) носителя функции («должное»), и динамического элемента - реализующей деятельности («сущее»), позволяет их определить в Федеральном законе «О прокуратуре РФ».

Согласно ст.1 этого закона, прокуратура Российской Федерации - единая федеральная централизованная система органов, осуществляющих от имени Российской Федерации надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, действующих на территории Российской Федерации. Целью прокуратуры, в соответствии с частью 2 этой статьи, является обеспечение верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства.

Отнесение в части 2 ст.1 ФЗ «О прокуратуре РФ» к целям прокуратуры и обеспечение верховенства закона, единства и укрепления законности, и защиту прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства, охватывает разные по содержанию понятия.

Так, «обеспечение», определяемое в законе как «цель» прокуратуры, имеет значения как процесс действия; как то, что служит ручательством, гарантией, обеспечивает сохранность или исполнение чего-либо. Понятие обеспечение верховенства закона, единства и укрепления законности содержательно является более широким, по отношению к которому защита прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства служит одним из средств достижения верховенства закона.

Обеспечение - в значении гарантии, ручательства имеет своей направленностью, по нашему мнению, назначение субъекта деятельности, его предназначение, а не саму деятельность. Необходимость государства в наличии и функционировании прокуратуры состоит именно в обеспечении прокуратурой верховенства закона, единства и укрепления законности, что является назначением прокуратуры, т.е. быть «ручательством и гарантией» законности. Обеспечение такого состояния прокуратура осуществляет посредством своей деятельности, целью которой является защита прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства

Таким образом «основой» функции прокуратуры является обеспечение верховенства закона, единства и укрепления законности, составляющей ее назначение. Это соответствует и лексическому значению слова «функция», определяемого как назначение.

Указанные в ст.1 ФЗ «О прокуратуре РФ» надзор, уголовное преследование, координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, участие в рассмотрении дел судами, административное расследование, участие в правотворческой деятельности являются видами функциореализующей деятельности прокуратуры, посредством которых осуществляется защита прав и свобод человека и гражданина, охраняемых законом интересов общества и государства.

Таким образом, функцией прокуратуры является обеспечение верховенства закона, единства и укрепления законности посредством надзора, уголовного преследования, а также других установленных законом видов деятельности, в целях защиты и охраны прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства. Содержание предложенного подхода к определению функции прокуратуры может иметь и более развернутый характер, а также составлять основу при определении функции прокуратуры в конкретных сферах ее деятельности.

Литература

1. Клочков В.В. Функции прокуратуры: понятие, соотношение с деятельностью, классификация // Прокуратура. Законность. Государственный контроль: Сборник научных трудов. М., 1995. С. 5-7.
2. Соловьев А.Б. О функциях прокуратуры на досудебных стадиях уголовного судопроизводства // В Сб. Проблемы совершенствования прокурорского надзора. Материалы научно-практической конференции) М., 1997. С. 120.
3. Рябцев В.П. Функции и направления деятельности органов прокуратуры // Прокурорский надзор в Российской Федерации: учебник. М.: Юристъ, 2000. С. 65; Прокурорский надзор в Российской Федерации: учебник / под ред. А.А. Чувилева. М.: Юристъ, 2001. С. 65.
4. Прокурорский надзор: учебник / под ред. А.Я. Сухарева. М., 2003. С. 64 - 81
5. Карпов Н.Н. Теоретические вопросы деятельности прокуратуры по надзору за исполнением законов и законностью правовых актов // Актуальные проблемы прокурорского надзора за исполнением законов и законностью правовых актов. Сборник статей. Часть II. Академия Генеральной прокуратуры РФ. М., 2011.
6. Бессарабов В.Г. Современные тенденции совершенствования организации и деятельности отечественной прокуратуры Современные тенденции в развитии правового статуса и основных направлений правозащитной деятельности прокуратуры Российской Федерации. Сборник статей. Академия Генеральной прокуратуры РФ. М., 2010.
7. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Изд-е 2-е. М., 1994. С. 847.
8. Рябцев В.П. Прокурорский надзор: курс лекций. М., НОРМА, 2006. С. 73.
9. Бессарабов В.Г. Прокурорский надзор: учебник. М.: Проспект, 2006. С. 118.
10. Шалумов М.С. Проблемы функционирования российской прокуратуры в условиях формирования демократического правового государства. Дис....докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2002. С. 93.
11. Морозова Л.А. Функции российского государства на современном этапе // Государство и право. – 1993 - № 6. – с. 98.
12. Проблемы теории государства и права. Под ред. М.Н. Марченко. М., 2005. С. 160.
13. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. 4е изд. – М., 1999. – С. 458.
14. Шалумов М.С. Проблемы функционирования российской прокуратуры в условиях формирования демократического правового государства. Дис....докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2002. С. 93.

Nazarov S.N., the South-Russian Institute of Management – branch of the Presidential Academy of the National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation).

FUNKCII PROKURATURY: PROBLEMY TEORETICHESKOGO OBOSNOVANIYA

Abstract

The article examines the elemental composition of the function of the prosecutor's office, taking into account the provisions of the theory of social activity and modern general theoretical research of functions, defines the function of the prosecutor's office.

Keywords: *prosecutor's office, functions of the prosecutor's office, activities of the prosecutor's office.*

References

1. Klochkov V.V. Funkcii prokuratury: ponyatie, sootnoshenie s deyatel'nost'yu, klassifikaciya// Prokuratura. Zakonnost'. Gosudarstvennyj kontrol': Sbornik nauch-nyh trudov. M., 1995. S. 5-7.
2. Solov'ev A.B. O funkciyah prokuratury na dosudebnyh stadiyah ugolovnoho sudoproizvodstva// V Sb. Problemy sovershenstvovaniya prokurorskogo nadzora. Materialy nauchno-prakticheskoy konferencii) M.,1997.S.120.
3. Ryabcev V.P. Funkcii i napravleniya deyatel'nosti organov prokuratury // Prokurorskij nadzor v Rossijskoj Federacii: uchebnik. M.: YUrist", 2000. S. 65; Prokurorskij nadzor v Rossijskoj Federacii: uchebnik / pod red. A.A. CHuvileva. M.: YUrist", 2001. S. 65.
4. Prokurorskij nadzor: uchebnik / pod red. A.YA. Suhareva. M., 2003. S. 64 - 81
5. Karpov N.N. Teoreticheskie voprosy deyatel'nosti prokuratury po nadzoru za ispolneniem zakonov i zakonnost'yu pravovyh aktov // Aktual'nye problemy prokurorskogo nadzora za ispolneniem zakonov i zakonnost'yu pravovyh aktov. Sbornik statej. CHast' II. Akademiya General'noj prokuratury RF. M., 2011.
6. Bessarabov V.G. Sovremennye tendencii sovershenstvovaniya organizacii i deyatel'nosti otechestvennoj prokuratury Sovremennye tendencii v razvitii pra-vovogo statusa i osnovnyh napravlenij pravozashchitnoj deyatel'nosti prokuratury Rossijskoj Federacii. Sbornik statej. Akademiya General'noj prokuratury RF. M., 2010.
7. Ozhegov S.I. i SHvedova N.YU. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka. Izd-e 2-e. M., 1994. S. 847.
8. Ryabcev V.P. Prokurorskij nadzor: kurs lekcij. M.,NORMA, 2006.S.73.
9. Bessarabov V.G. Prokurorskij nadzor: uchebnik. M.: Prospekt, 2006. S. 118.
10. SHalumov M.S. Problemy funkcionirovaniya rossijskoj prokuratury v usloviyah formirovaniya demokraticheskogo pravovogo gosudarstva. Dis....dokt. jurid. nauk. Ekaterinburg, 2002. S. 93.
11. Morozova L.A. Funkcii rossijskogo gosudarstva na sovremennom etape // Gosudarstvo i pravo. – 1993 - № 6. – s. 98.
12. Problemy teorii gosudarstva i prava. Pod red. M.N. Marchenko. M., 2005. S. 160.
13. Ozhegov S.I., SHvedova N.YU. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka / S.I. Ozhegov, N.YU. SHvedova. 4e izd. – M., 1999. – S. 458.
14. SHalumov M.S. Problemy funkcionirovaniya rossijskoj prokuratury v usloviyah formirovaniya demokraticheskogo pravovogo gosudarstva. Dis....dokt. jurid. nauk. Ekaterinburg, 2002. S. 9

СУЩНОСТЬ, ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ЗАКОНОВ О НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Хоменко Светлана Михайловна кандидат юридических наук, доцент, Таганрогский институт управления и экономики (347905, Ростовская область, город Таганрог, ул. Петровская, 45).
E-mail: s.khomenko@tmei.ru

Аннотация

Защита прав и законных интересов несовершеннолетних, как одной из наиболее социально уязвленных групп населения, является одним из приоритетных направлений правозащитной деятельности прокуратуры. Прокурорский надзор за исполнением законов о несовершеннолетних и молодежи представляет собой самостоятельное, специфическое направление деятельности органов прокуратуры, относится к надзору за исполнением законов в межотраслевых сферах и призван обеспечить реальное исполнение законодательства об охране прав и законных интересов несовершеннолетних и молодежи, пресечение и предупреждение преступности несовершеннолетних. В настоящей статье определена сущность, рассмотрены цели и задачи надзора за соблюдением законов о несовершеннолетних.

Ключевые слова: *прокурорский надзор, соблюдение законов, несовершеннолетние, молодежь, органы прокуратуры, Генеральный прокурор, акты прокурорского реагирования, протест, представление, постановление, предостережение.*

Социальная сфера представляет собой одно из самых важных направлений надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, который должен осуществляться непрерывно [1, с. 11]. Особую озабоченность в данной сфере вызывают своевременность оказания помощи несовершеннолетним, которые попали в социально опасное положение, а также детям, проживающим в многодетной или малоимущей семье.

Прокурорам предоставлен довольно широкий объем полномочий в сфере осуществления надзора. Выявленные факты различных видов насилия (сексуального, физического, психологического), допущенные по отношению к ребенку воспитательными и образовательными учреждениями, членами семьи, а также любые факты жестокого обращения с ребенком, должны безапелляционно пресекаться сотрудниками прокуратуры [2, с. 178]. Кроме того, абсолютно любое юридическое или физическое лицо, виновное в распространении информации, наносящей вред здоровью детей, их репутации, нравственному и духовному развитию, или пропагандирующей насилие и жестокость, порнографию, наркоманию, антиобщественное поведение, должны быть привлечены к установленным законом видам ответственности.

Кроме того, осуществляющие надзор сотрудники прокуратуры должны своевременно и непримиримо реагировать на выявленные нарушения прав несовершеннолетних в сфере жилищного и имущественного законодательства, и принимать весь необходимый объем мер для того, чтобы нарушенные права и законные интересы несовершеннолетних были восстановлены. В любом случае допустившие нарушение требований действующего законодательства по вопросам заключения сделок с жилыми помещениями, в которых проживают лица, не достигшие восемнадцатилетнего возраста, органы опеки и попечительства, жилищные органы, органы местного самоуправления, нотариусы и учреждения, занимающиеся регистрацией прав на недвижимое имущество и сделок с ним, должны быть привлечены к ответственности.

Вопросы соблюдения законодательства в сфере охраны жизни и здоровья несовершеннолетних также должны регулярно подвергаться проверке сотрудниками прокуратуры. Соблюдению гарантируемого Конституцией права на бесплатную медицинскую помощь, осуществляемую муниципальными и государственными учреждениями здравоохранения, должно уделяться повышенное внимание [3, с. 142]. Подобные правонарушения могут осуществляться в форме незаконного получения оплаты лечения. В случае выявления такого рода нарушений, прокурорами должны быть применены установленные действующим законодательством меры воздействия. Лица, не исполняющие возложенные на них обязанности по уходу и оказанию социальной и медицинской помощи детям, также подлежат привлечению к ответственности.

Прокурорами должны приниматься меры по прекращению безлицензионной образовательной деятельности или деятельности с нарушением условий лицензирования, а также использования в образовательной практике не разрешенных органами здравоохранения методов воздействия на психику обучающихся и воспитанников, методов и средств оккультного, мистического, религиозного характера.

Сотрудники органов прокуратуры обязаны обеспечить надзор за соблюдением прав несовершеннолетних и молодежи на свободу совести и вероисповеданий. Они должны пресекать незаконную деятельность религиозных, неорелигиозных и других групп и организаций, причинившим (причиняющим) вред обществу или своим членам (материальный, психологический, моральный, физический), а также подозреваемым в потенциальной опасности причинения такого вреда.

Кроме того, они должны усилить надзор за соблюдением прав органов и учреждений по делам молодежи, молодежных и детских общественных объединений, а также за соблюдением законности в их деятельности. Не допускать противоправного использования названных объединений в политических, экстремистских, оккультных, религиозных целях.

Также должны периодически проверять исполнение требований закона о воинском учете граждан, подлежащих призыву, обязательной подготовке к военной службе в учреждениях среднего (полного) общего образования, образовательных учреждениях начального и среднего профессионального образования, военно-патриотических молодежных и детских объединениях, о предоставлении отсрочки от призыва на военную службу.

Еще одной обязанностью сотрудников органов прокуратуры является регулярная проверка исполнения законов о профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав, подразделениями по делам несовершеннолетних, органами управления социальной защитой и учреждениями социального обслуживания, органами внутренних дел, специализированными учреждениями для несовершеннолетних, которым необходима помощь в социальное реабилитации, другими органами и учреждениями системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних [4, с.196]. Очень важно изучать психологическую и социальную характеристику обвиняемых несовершеннолетних, а также выяснять, в каких условиях они воспитывались, и принимать меры, направленные на устранение тех причин и условий, которые способствовали совершению детьми преступных деяний.

Глубокому анализу должны регулярно подвергаться практика расследования различных преступных деяний, направленных против семьи и несовершеннолетних, которые закреплены в 20 главе Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) , принимать меры по их предупреждению, и состояние надзора в этой сфере. По результатам проверок должны принимать меры, направленные на предупреждение совершения указанных деяний.

Предоставленные прокурорам полномочия дают им возможность обеспечивать соблюдение прав несовершеннолетних, которые пострадали от контрабанды людей, дилерской, сексуальной и любой иной эксплуатации [5, с.33]. При этом сотрудники прокуратуры обязаны обеспечивать засекреченность полученной ими в связи с этим информации и восстановление прав и законных интересов пострадавших несовершеннолетних.

Прием, регистрация, разрешение поступивших сообщений о фактах безвестного исчезновения детей также должны подвергаться серьезному надзору.

Допущенная сотрудниками органов внутренних дел волокита при осуществлении расследования преступлений, совершаемых несовершеннолетними, а также низкий уровень качества расследований должны вызывать последовательную реакцию со стороны прокурорских работников. В случае, если сотрудниками органов внутренних дел не были приняты все необходимые меры для выявления и устранения причин и условий, которые способствовали совершению преступлений, а также в случае отсутствия необходимых материалов, содержащих информацию о том, в каких условиях жил и воспитывался подросток, какому влиянию подвергался со стороны взрослых, обвинительные акты и заключения утверждаться работниками прокуратуры не должны.

Исполнение законов в сфере профилактики совершения несовершеннолетними преступлений также должно подвергаться надзору. При этом нельзя забывать о принципах гуманности в обращении с детьми, дифференциации уголовной ответственности, персонифицированном подходе к их исправлению,

Привлекая к ответственности несовершеннолетних, уполномоченные лица должны строго соблюдать конфиденциальность и Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) .

Таким образом, для того, чтобы осуществляемый сотрудниками органов прокуратуры надзор за исполнением законодательства о несовершеннолетних был действенным, работа организаций и органов прокуратуры должна быть четко организована и спланирована, все предоставленные прокурорам полномочия должны использоваться в полной мере.

Работникам, осуществляющим рассматриваемый вид надзора, необходимо не только заниматься постоянным изучением нормативного материала, регламентирующего вопросы прав и свобод несовершеннолетних, но и активно участвовать в его систематизации [6, с.92]. Кроме того, изучению подлежат также и материалы Генеральной прокуратуры РФ о проблемах правоприменения, поступающие информационные письма и иные документы.

Несомненной представляется необходимость постоянного обобщения материалов региональной судебной практики, а также практики Верховного суда Российской Федерации. Итог каждой прокурорской проверки, информация о результате рассмотрения заявлений и жалоб в сфере нарушения законодательства в отношении несовершеннолетних, поступающие как в компетентные органы, так и в прокуратуру, должно подвергаться внимательному изучению и анализу [7, с.245]. Только благодаря осуществлению указанных действий можно получить максимально верную информацию о состоянии дел в отдельных субъектах нашей страны.

Информация о всех затрагивающих несовершеннолетних социально-демографических изменениях (образовательных, профессиональных, возрастных), а также об учреждениях и организациях, работающих с детьми, также важна для сотрудников органов прокуратуры.

Прокуратура должна плотно взаимодействовать со всеми правоохранительными органами. Тогда осуществление координационной функции, возложенной на прокуратуру согласно ст.8 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» будет максимально эффективными. Кроме того, прокуроры, осуществляющие надзор в рассматриваемой сфере, должны владеть информацией о всех возбужденных материалах и уголовных делах о преступлениях, совершаемых лицами, не достигшими восемнадцатилетнего возраста.

В целом, важно иметь четкое представление о том, где и какие нарушения законодательства допускаются, какова динамика преступности, каков ее характер, причины и условия, а также каковы причины и условия, которые приводят к нарушениям законности, несоблюдению прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних.

Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года и Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года были изданы для того, чтобы решить проблемные вопросы, связанные с правами и законными интересами несовершеннолетних. Однако, несмотря на предпринимаемые государством усилия, все же права детей повсеместно нарушаются. Поэтому необходимо, чтобы сотрудники прокуратуры регулярно осуществляли надзор в рассматриваемой сфере, а также непримиримо и безоговорочно реагировали на действия и бездействия, совершаемые государственными органами и органами местного самоуправления и являющиеся противозакон-

ными, а также на недостаточной объем предпринимаемых такими органами мер. Результаты достигаются среди прочего путем осуществления координирующей функции и реализации права прокуроров на участие в правотворческой деятельности.

Работа по защите прав и законных интересов несовершеннолетних и молодежи организуется в соответствии с отраслевым приказом Генерального прокурора Российской Федерации и проводится по различным направлениям [8, с.380].

Для обеспечения защиты прав и законных интересов несовершеннолетних сотрудники органов прокуратуры наделяются довольно широким объемом общенадзорных, гражданско-правовых, уголовно-правовых и уголовно-исправительных полномочий, а также иными средствами выявления и устранения правонарушений. Исполнение органами опеки и попечительства требований законов о своевременном выявлении детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и их устройстве в семью, под опеку или в интернатные организации, осуществлении контроля за условиями их жизни и воспитания регулярно контролируются органами прокуратуры. Отдельные специалисты осуществляют систематические проверки условий содержания и соблюдения различных прав несовершеннолетних в учреждениях, созданных для детей, оставшихся без попечения родителей, и детей-сирот. В данной сфере сотрудники органов прокуратуры надзирают за тем, как соблюдается порядок осуществления процедуры усыновления (удочерения) воспитанников таких учреждений иностранными гражданами и гражданами Российской Федерации, обеспечивают приоритет прав граждан Российской Федерации на усыновление воспитанников таких учреждений. Кроме того, сотрудники прокуратуры обязаны принимать участие в судебных процессах по делам об усыновлении (удочерении).

В защиту прав и законных интересов несовершеннолетних прокурор может инициировать процессы в судах. Заявление в защиту интересов несовершеннолетнего может быть подано независимо от его просьбы или волеизъявления его законного представителя, что способствует исключению случаев нарушения или злоупотребления правами несовершеннолетнего.

Прокуроры осуществляют надзор за реализацией прав граждан на общедоступное и бесплатное дошкольное, общее и высшее профессиональное образование. С привлечением специалистов ежегодно проводятся проверки исполнения требований законов, направленных на обеспечение безопасных условий обучения детей. В некоторых случаях мерами прокурорского реагирования удается добиться принятия региональных программ развития дошкольного образования, выделения дополнительных средств на строительство, ремонт и реконструкцию зданий детских садов.

Причинами одной из существенных проблем детства - социального сиротства являются кризисные процессы в семьях под влиянием социально-экономических факторов, нарушения внутрисемейных отношений в условиях преодоления проблемной ситуации и, зачастую, бездействие государственных органов, призванных защищать права и интересы несовершеннолетних, проводить профилактическую работу с неблагополучными семьями.

В устанавливающем обязанности органов и организаций по защите прав ребенка и механизм взаимодействия между ними Федеральном законе «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» за-

ложена идея комплексного подхода к оказанию помощи ребенку или семье, которые попали в тяжелую жизненную ситуацию или находятся в опасном социальном положении.

В ходе проверок исполнения органами системы профилактики законодательства, направленного на предупреждение безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, прокурорами зачастую выявляются случаи неэффективной их работы, семейного неблагополучия и жестокого обращения с детьми, бездействия должностных лиц органов и учреждений системы профилактики, приводящего к тому, что жизнь и здоровье детей ставятся под угрозу.

В органах управления образованием и образовательных организациях при проверках обращается внимание на выполнение возложенных на них задач по обнаружению социально-опасных семей, безнадзорных и беспризорных детей, а также на своевременность выполнения возложенной на них обязанности по информированию уполномоченных органов системы профилактики о таких семьях и детях в целях недопущения нахождения детей в психотравмирующей обстановке, представляющей опасность для их жизни и здоровья, совершения ими и в отношении них противоправных действий.

Надлежащего взаимодействия с органами и учреждениями профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних прокуроры добиваются мерами реагирования и со стороны органов и организаций здравоохранения. Медицинские работники при выявлении в ходе медицинского патронажа фактов ненадлежащего содержания детей в семье (истощения, невыполнения рекомендаций врачей по уходу и лечению ребенка), а также в случаях нерегулярного их медицинского наблюдения по вине родителей обязаны информировать органы внутренних дел. Профилактическая работа не должна ограничиваться оказанием медицинской помощи, малоэффективными беседами с детьми и их родителями, после которых дети продолжают проживать в условиях, угрожающих их здоровью и жизни.

Под пристальным надзором находится деятельность территориальных органов внутренних дел по выявлению детского неблагополучия, семей, находящихся в социально опасном положении, пресечению преступлений в отношении детей.

Важную роль в деятельности органов системы профилактики играют комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, выполняющие координирующие функции. Пресекаются бессистемные проверки неблагополучных семей по месту жительства органов и учреждений системы профилактики, призванных работать с неблагополучными семьями, факты ненадлежащей координации их деятельности.

На региональном уровне прокуроры информируют руководителей регионов о результатах проверок, о состоянии законности и необходимости принятия дополнительных мер в целях обеспечения гарантированных прав детей.

По результатам проверок руководителям государственных органов и организаций, где выявляются нарушения закона, вносятся акты прокурорского реагирования. «Правовые средства или меры прокурорского реагирования на выявленные в ходе осуществления проверок случаи нарушения действующего законодательства представляют собой акты прокуроров, то есть, оформленные в письменном виде документы, в которых содержатся конкретные решения и требования в рамках полно-

мочий, предоставленных органам прокуратуры» [9, с. 157 - 158]. В Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации» закреплен перечень актов прокурорского реагирования: протест (ст. 23), представление (ст. 24), постановление (ст. 25), предостережение о недопустимости нарушения закона (ст. 25.1). Названные акты прокуроры вносят в целях ликвидации нарушений действующего законодательства о несовершеннолетних и защиты их прав. Прокурор – руководитель или его заместитель, осуществляя надзорные функции в рассматриваемой сфере, уполномочены выбирать и применять перечисленные выше меры прокурорского реагирования. Однако не все случаи неисполнения содержащихся в актах прокурорского реагирования требований влекут за собой привлечение к административной ответственности в соответствии со ст. 17.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее - КоАП РФ).

Требовать последовательного и безусловного исполнения примененных мер прокурорского реагирования, осуществлять контроль процесса исполнения – прямая обязанность сотрудников органов прокуратуры. В необходимых случаях прокуроры обязаны проверять, были ли устранены нарушения действующего законодательства.

Меры прокурорского реагирования должны соответствовать следующим требованиям: они должны быть составлены согласно правилам юридической техники понятным для восприятия языком [10, с.86].

Резюмируя изложенное, отметим, что одним из приоритетных направлений работы прокуратуры является защита прав детей, материнства и детства, а также надзор за исполнением законов о несовершеннолетних и молодежи. Органы прокуратуры в сфере надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних наделены достаточно широким объемом полномочий: они надзирают за различными сферами жизни общества и государства: образованием, здравоохранением, социальной защитой, жилищным обеспечением, профилактикой безнадзорности и совершаемых несовершеннолетними преступлений и проступков, трудовой занятостью, законностью нормативно-правовых актов, которые затрагивают права и законные интересы лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста, и иными. Надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, принятие установленных законодательством мер, направленных на защиту прав лиц, которые в силу возраста или по состоянию здоровья не имеют возможности самостоятельно их отстаивать – прямая обязанность сотрудников органов прокуратуры.

Литература

1. Румянцев Н.В. Профилактика противоправной деятельности несовершеннолетних, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы [Текст] // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. - 2019. - №1. - С. 11 - 15.
2. Зайкина А.А. Надзор за соблюдением законодательства о несовершеннолетних как самостоятельная отрасль прокурорского надзора [Текст] // Современные проблемы и перспективные направления инновационного развития науки. Сборник статей Международной научно-практической конференции: в 4-х частях. - 2016. - С. 177-179.

3.Хисматуллина Р.Р. Прокурорский надзор за соблюдением законодательства о несовершеннолетних [Текст] // Наука и образование в глобальных процессах. - 2016. - № 1 (3). - С. 142-144.

4.Костенко Е.Н. Прокурорский надзор за исполнением органами внутренних дел законодательства о профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних [Текст] // Государственно-правовой статус прокуратуры. Материалы международной научно-практической конференции. - 2017. - С. 194-202.

5.Валугина А.М. Прокурорский надзор за соблюдением законодательства о несовершеннолетних и молодежи [Текст] // Правоохранительные и правозащитные функции государства на различных стадиях его существования. Сборник статей Международной научно-практической конференции. Российский университет дружбы народов. - 2017. - С. 32-36.

6.Осмонов Д.М. Проблемы прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних [Текст] // Современные проблемы гуманитарных и естественных наук Материалы XXXVIII международной научно-практической конференции. - 2018. - С. 90-94.

7.Иванченко Е.А., Гулакова В.Ю. Об отдельных вопросах организации прокурорского надзора за исполнением законодательства об охране прав и законных интересов несовершеннолетних [Текст] // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. - 2016. - № 2 (18). - С. 244-247.

8.Дылдина О.В. Правовая природа и некоторые вопросы прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере защиты прав несовершеннолетних [Текст] // Форум молодых ученых. - 2018. - № 10 (26). - С. 377-385.

9.Прокурорский надзор: учебник и практикум для прикладного бакалавриата [Текст] / М. П. Поляков, А. В. Федулов, С. В. Власова, М. В. Лапатников; под общей редакцией М. П. Полякова. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2019. — 324 с.

10.Глумова А.Ю. Прокурорский надзор за соблюдением законодательства, регламентирующего правовой статус несовершеннолетних [Текст] // Студенческий вестник. - 2019. - № 22-2 (72). - С. 85-88.

Khomenko Svetlana Mikhailovna, Candidate of Law, Associate Professor, Taganrog Institute of Management and Economics, 347905, Rostov Region, Taganrog, Petrovskaya St., 45, e-mail: s.khomenko@tmei.ru

ESSENCE, GOALS AND OBJECTIVES OF THE PROSECUTOR'S SURVEILLANCE ON COMPLIANCE WITH THE LAWS ON MINORS

Abstract

Protecting the rights and legitimate interests of minors, as one of the most socially vulnerable groups of the population, is one of the priority areas of the human rights activities of the prosecutor's office. Prosecutorial supervision of the implementation of laws on minors and youth is an independent, specific area of activity of prosecution authorities, relates to supervision of the enforcement of laws in cross-cutting areas and is designed to ensure the effective imple-

mentation of legislation on the protection of the rights and legitimate interests of minors and youth, and the suppression and prevention of juvenile delinquency. This article defines the essence, considers the goals and objectives of the supervision of compliance with laws on minors.

Keywords: *prosecutorial supervision, compliance with laws, minors, youth, prosecution bodies, Attorney General, acts of prosecutorial response, protest, representation, resolution, warning.*

References

1.Rumyancev N.V. Profilaktika protivopravnoj deyatel'nosti nesovershennoletnih, sodержashchihsy v uchrezhdeniyah ugovolno-ispolnitel'noj sistemy [Tekst] // Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie. - 2019. - №1. - S. 11 - 15.

2.Zajkina A.A Nadzor za soblyudeniem zakonodatel'stva o nesovershennoletnih kak samostoyatel'naya otrasl' prokurorskogo nadzora [Tekst] // Sovremennye problemy i perspektivnye napravleniya innovacionnogo razvitiya nauki. Sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii: v 4-h chastyah. - 2016. - S. 177-179.

3.Hismatullina R.R. Prokurorskiy nadzor za soblyudeniem zakonodatel'stva o nesovershennoletnih [Tekst] // Nauka i obrazovanie v global'nyh processah. - 2016. - № 1 (3). - S. 142-144.

4.Kostenko E.N. Prokurorskiy nadzor za ispolneniem organami vnutrennih del zakonodatel'stva o profilaktike beznadzornosti i pravonarushenij nesovershenno-letnih [Tekst] // Gosudarstvenno-pravovoj status prokuratury. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. - 2017. - S. 194-202.

5.Valugina A.M. Prokurorskiy nadzor za soblyudeniem zakonodatel'stva o nesovershennoletnih i molodezhi [Tekst] // Pravoohranitel'nye i pravozashchitnye funkcii gosudarstva na razlichnyh stadiyah ego sushchestvovaniya. Sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Rossijskiy universitet druzhby narodov. - 2017. - S. 32-36.

6.Osmonov D.M. Problemy prokurorskogo nadzora za ispolneniem zakonodatel'stva o nesovershennoletnih [Tekst] // Sovremennye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk Materialy XXXVIII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. - 2018. - S. 90-94.

7.Ivanchenko E.A., Gulakova V.YU. Ob otdel'nyh voprosah organizacii prokurorskogo nadzora za ispolneniem zakonodatel'stva ob ohrane prav i zakonnyh interesov nesovershennoletnih [Tekst] // Vestnik Severo-Kavkazskogo gumanitarnogo instituta. - 2016. - № 2 (18). - S. 244-247.

8.Dyldina O.V. Pravovaya priroda i nekotorye voprosy prokurorskogo nadzora za ispolneniem zakonodatel'stva v sfere zashchity prav nesovershennoletnih [Tekst] // Forum molodyh uchenykh. - 2018. - № 10 (26). - S. 377-385.

9.Prokurorskiy nadzor: uchebnik i praktikum dlya prikladnogo bakalavriata [Tekst] / M. P. Polyakov, A. V. Fedulov, S. V. Vlasova, M. V. Lapatnikov; pod obshchej redakciej M. P. Polyakova. — 2-e izd., pererab. i dop. — Moskva: Izdatel'stvo YUrajt, 2019. — 324 s.

10.Glumova A.YU. Prokurorskiy nadzor za soblyudeniem zakonodatel'stva, reglamentiruyushchego pravovoj status nesovershennoletnih [Tekst] // Studencheskiy vestnik. - 2019. - № 22-2 (72). - S. 85-88.

РАССМОТРЕНИЕ ДЕЛ СУДОМ ПРИСЯЖНЫХ КАК ПРОБЛЕМА РОССИЙСКОГО ПРАВОСУДИЯ И БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

**Гринько
Сергей
Дмитриевич** кандидат юридических наук, доцент, старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин, Российская таможенная академия (140015, Россия, Московская обл., г. Люберцы, Комсомольский пр., д. 4).
E-mail: grinko-skags@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматривается состояние современного уголовно-процессуального законодательства, отмечается его нестабильность и несовершенство. Анализируется судебная практика по рассмотрению уголовных дел с участием присяжных заседателей и возникающие проблемы. На основании проведенного исследования делается вывод о том, что институт суда присяжных показал нашей стране не только свое несовершенство и неприемлемость, но и наносимый отправлению правосудия непоправимый вред.

Ключевые слова: суд присяжных, судопроизводство, правосудие, вердикт, приговор, обвинение, состязательность, преступность, причины, факторы.

Суд присяжных уже вводился в России в ходе судебной реформы 1864 года. Ее сторонники, как и ныне, утверждали, что он будет способствовать повышению качества расследования уголовных дел, обеспечению независимости, объективности и состязательности судебного процесса, преодолению недоверия общества к правосудию, укреплению судебной власти. Однако, «вновь, как и в 1864 году, суд присяжных оказался плодом кулуарной деятельности довольно узкого круга юристов западнической ориентации» [1, с. 101]. Вновь, как и прежде, утверждения сторонников суда присяжных оказались беспочвенными, не подтвержденными практикой его функционирования.

Суд присяжных в качестве эксперимента был введен в 1993-1994 гг. в девяти субъектах Российской Федерации. Никто, однако, сколько-нибудь серьезно и объективно итогов проведенного эксперимента не подводил. Более того, было проигнорировано, то обстоятельство, что один из подвергнутых этому эксперименту субъектов Федерации (Рязанская область) высказался однозначно против введения суда присяжных на своей территории. Несогласие западнически ориентированные реформаторы оставили без внимания [2, с. 262].

Нельзя не согласиться с мнением, что состояние современного уголовно-процессуального законодательства, находящегося в процессе постоянного реформирования, вызывает глубокую озабоченность. Поспешность, с которой принимаются поправки и дополнения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, приводит к негативным последствиям. Нестабильность законодательства влечет нестабильность правоприменительной практики. Складывается впечатление, что законодатель методом проб и ошибок создает некую «совершенную» модель уголовно-

го судопроизводства, но какую именно – пока не осознал и в выборе не определился. Такое положение в законодательстве, как правило, связано с противоречием, возникающим между характером общественных отношений и способом их законодательного регулирования [3, с. 31].

Присяжные заседатели, обсуждая поставленные перед ними председательствующим вопросы, в течение трех часов должны стремиться к принятию единодушных решений. Если этого не произошло, решение принимается голосованием, причем оправдательный вердикт обязателен для председательствующего судьи во всех случаях и влечет постановление оправдательного приговора, который объявляет подсудимого оправданным и освобождает его из под стражи в зале судебного заседания. Вердикт, принятый коллегией присяжных заседателей без нарушений уголовно-процессуального закона, в кассационном порядке обжалованию не подлежит.

Необходимо подчеркнуть, что для отправления правосудия его субъекты должны обладать специальными знаниями в судебной деятельности и практически навыками ее реализации. Ни тем, ни другим присяжные заседатели не обладают.

С. Ефименко отмечает, что «незнание законов и непонимание их смысла делает невозможным надлежащее отправление правосудия коллегией присяжных заседателей, пусть даже при принятии решения и вынесении вердикта они, опираясь на правосознание, совесть, нравственность, здравый смысл и т. д., должны руководствоваться общеобязательными правилами поведения, закрепленными в правовых нормах» [4, с. 43].

Судебное разбирательство уголовных дел, будучи завершающей стадией уголовного судопроизводства, представляет собой весьма сложный процесс, качество реализации которого существенно влияет на криминогенную обстановку в стране, которая с каждым годом ухудшается. Об этом однозначно свидетельствует уголовная статистика последних десяти лет.

Названные обстоятельства вызывают обоснованную тревогу еще и потому, что присяжные заседатели участвуют в судебном разбирательстве дел о наиболее опасных тяжких и особо тяжких преступлениях: убийствах (ст. 105 УК РФ), похищениях человека (ст. 126), изнасилованиях (ст. 131), терроризме (ст. 205), захвате заложника (ст. 206), организации незаконного вооруженного формирования и участия в нем (ст. 208), бандитизме (ст. 209), организации преступного сообщества (ст. 210), государственной измене (ст. 275), шпионаже (ст. 276), вооруженном мятеже (ст. 279), диверсии (ст. 281), разглашении государственной тайны (ст. 283), получении взятки (ст. 290), воспрепятствовании осуществлению правосудия и производству предварительного расследования (ст. 294), привлечении заведомо невиновного к уголовной ответственности (ст. 299), фальсификации доказательств (ст. 303), разработке, производстве, накоплении, приобретении или сбыте оружия массового поражения (ст. 355), геноциде (ст. 357), экоциде (ст. 358) и др.

По таким уголовным делам, вызывающим, как правило, большой общественный резонанс, чрезвычайно важен анализ доказательственной базы, нередко очень сложной и неоднозначной, особенно по делам о групповых преступлениях. Такие уголовные дела обычно бывают многотомными, их материалы насыщены специальной терминологией, заключениями различных судебных экспертиз. Разбирательство

по этим делам длится месяцами, а то и годами. Тут и профессиональному судье с большим опытом работы бывает непросто разобраться во всех обстоятельствах, взвесить все «за» и «против», дифференцировать степень виновности каждого подсудимого. Чтобы участвовать в отправлении правосудия нужны знания, опыт, гражданское мужество и четкая жизненная позиция. Есть ли они у людей, взятых «с улицы» путем случайной выборки? [2, с. 264-265].

Присяжные, в лучшем случае, терпеливо накапливают впечатления, а в худшем откровенно скучают, не понимая тонкости происходящего состязания сторон, но будучи обязанными играть роль судей факта. Однако присяжные в уголовном процессе – это не только судьи факта, но и судьи права, судьи виновности или невиновности подсудимого, поскольку вся их деятельность основана на праве, при решении поставленных перед ними вопросов они неизбежно вторгаются в сферу права, и вынесенный ими вердикт имеет правовые последствия [5, с. 513].

Положение еще более усугубляется тем, что при рассмотрении дела судом присяжных судья оценивает доказательства лишь в аспекте относимости и допустимости, не вдаваясь в их содержание. Такой подход тем более порочен, что на откуп присяжных отдан главный вопрос о виновности или невиновности каждого из подсудимых в инкриминируемом им опасном деянии. Для этого, в соответствии со здравым смыслом, совершенно необходимо оценить доказательства, полученные в ходе предварительного следствия и судебного разбирательства, чего человек без юридической подготовки и соответствующего профессионального опыта сделать абсолютно не в состоянии.

Это трудный путь, по которому присяжные заседатели никогда и не пытаются идти. Второй, психологически более комфортный подход, - оправдать подсудимого, что и происходит практически повсеместно. И дело тут не столько в беспринципности профессиональных юристов, в первую очередь адвокатов, цинично использующих эмоциональное в своем большинстве восприятие присяжными заседателями происходящего на процессе, сколько в отношении общества к судебной власти [6, с. 8].

Нельзя не отметить, что рассмотрение дела в суде первой инстанции по действующему уголовно-процессуальному законодательству допускается столь различными способами, что охватывает почти все многообразие юридической практики обеих правовых систем, взятых за основу при написании УПК РФ, - континентальной и островной. В зависимости от воли подсудимого, дело может быть рассмотрено судьей единолично, в том числе – в упрощенном порядке, коллегией из трех судей и судом присяжных англо-саксонского (островного) образца [7, с. 45].

При этом судья – назначаемый на должность профессиональный чиновник, никому не подконтролен и не подотчетен. Последнее обстоятельство является нормой для англо-саксонской системы ввиду выборности судей и это логично. Ибо избранное лицо подотчетно лишь своим избирателям. Однако бесконтрольный и неподотчетный чиновник (с точки зрения континентального процесса) – это нонсенс, феномен, невозможный в принципе, поскольку здесь открывается самый прямой путь к злоупотреблениям и коррупции.

Нормы УПК РФ затрудняют, а порой и прямо запрещают обжалование незаконных судебных решений (ст. 405 УПК РФ – например), особенно принятых в интересах обвиняемого, а закон «О статусе судей» и гл. 52 УПК, делают практически невозможной борьбу с преступностью среди самих судей. Пока сохраняется данная ситуация, будет оставаться верным вывод о том, что хотели суд независимый, а получили безответственный и коррумпированный.

При рассмотрении дела судом присяжных решение о виновности или невиновности подсудимого принимают присяжные, на основании доказательств и в соответствии с мастерством их представления сторонами в ходе судебного следствия. Состязательность сторон при устранении ведущего процесс профессионального судьи от оценки доказательств по существу – основной принцип работы суда присяжных англо-американского образца.

При такой форме судебного разбирательства об установлении истинных обстоятельств рассматриваемого преступного события не может быть и речи, так как действующий УПК РФ об установлении истины даже не упоминает, ибо она исключена из задач отечественного уголовного судопроизводства. Следует отметить, что из УПК РФ исключены и все другие социальные задачи – защита интересов государства и общества, воспитательное значение уголовного процесса, предупреждение преступлений и т. д. Истина законодателем принесена в жертву состязательности как конституционному принципу отправления правосудия.

Однако состязательность как логический прием познания криминальной действительности в уголовном судопроизводстве через столкновение и противоборство противоположностей сторон не имеет смысла и бесполезен, если его результатом не будет отыскание истины [8, с. 327], - считает В. П. Проценко. С ним солидарен Ю. К. Орлов, полагающий, что нельзя сводить уголовный процесс только к спору, разрешению конфликта. Слишком велики ставки, велика цена ошибки (или даже неумения), чтобы отдавать их на откуп спору, состязанию, а ценой здесь может быть человеческая жизнь. Причем не только при необоснованном осуждении, но и при необоснованном оправдании. Почему-то никто не удосужился подсчитать, сколько новых преступлений совершили оправданные (особенно судом присяжных), сколько безвинных жертв стоило такое оправдание [9, с. 16-17].

Представляется, что требования ст. 15 УПК РФ о разграничении функций обвинения, защиты и разрешения дела ни в коем случае не должны влечь абсолютной пассивности суда, поскольку в ходе судебного следствия могут возникнуть ситуации, требующие активного участия в их разрешении со стороны судьи. Бездействие в одной из таких ситуаций может привести к ненадлежащему проведению судебного следствия, к судебным ошибкам, вынесению несправедливого приговора. Поскольку судья ответственен за выносимый приговор, а значит и за всестороннее исследование представляемых сторонами доказательств, он не должен быть пассивным наблюдателем за «схваткой» сторон обвинения и защиты [10, с. 102].

Обязанность суда и судьи в каждом конкретном случае устанавливать по делу истину есть не только их служебный долг, но и долг нравственный. Суд не имеет нравственного права осудить невиновного, но суд не имеет и нравственного права оправдать виновное в преступлении лицо. Любой из этих вариантов постановления

судом соответствующего приговора есть отступление суда (судьи) как от своего служебного, так и нравственного долга [11, с. 160].

Нельзя не согласиться с обоснованным мнением, что главным источником проблем современного судебного следствия является абсолютизация методологической безупречности принципа состязательности. Как известно, новое – это хорошо забытое старое. Состязательность – не открытие сегодняшнего дня. Это древнейшее человеческое изобретение, которое преподносится как однозначно новаторский и прогрессивный метод разрешения уголовных дел. Насаждение «стерильной» состязательности в суде, лишение суда активной позиции в отыскании истины, «воскрешение исторических покойников» - суда присяжных, мировой юстиции – все это признаки архаизации уголовно-процессуального метода [12, с. 36].

Это мнение можно было бы отнести к излишне категоричным, если бы еще основоположник криминалистики Ганс Гросс не называл присяжных заседателей участвующих в отправлении правосудия профанами, не был убежден в несостоятельности такого суда, способного «задать целому поколению судебных следователей массу бесполезной работы и причинить им горькое разочарование» [13, с. 59]. С тех пор прошло больше века. Теперь реанимированный УПК РФ суд присяжных задает нынешним следователям горькое разочарование, оправдывая лиц, виновных в тяжких, особо опасных преступлениях, в том числе и в террористических актах.

Анализ рассмотренных уголовных дел с участием присяжных заседателей свидетельствует, что на практике возникают проблемы, которые требуют своего кардинального решения, так как институт суда присяжных показал нашей стране свое абсолютное несовершенство и неприемлемость в силу целого ряда причин.

Во-первых, это проблемы, возникающие при подборе кандидатов в присяжные заседатели. Не секрет, что часто они не имеют высшего образования, и соответственно образовательный уровень кандидатов в присяжные заседатели бывает невысок. Поэтому, участвуя в рассмотрении дела и вынося вердикт, присяжные могут просто не понять, о чем идет речь в ходе судебного заседания.

Согласно Конституции страны граждане могут участвовать в отправлении правосудия. К кандидатам в присяжные заседатели определены требования, но при этом закон выдвигает к профессиональным судьям более повышенные требования, в том числе и наличие обязательного юридического образования. Так почему же судьбу подсудимых по нетяжким преступлениям и откровенно мелким правонарушениям, определяют профессиональные судьи, имеющие высшее юридическое образование, определенный опыт работы и прошедшие строгий профессиональный отбор, а судьбу лиц, которых обвиняют в совершении тяжких и особо тяжких преступлений определяют люди, не имеющие надлежащего образования, и часто и достаточного жизненного опыта.

В ходе такого процесса решается судьба человека, его жизнь в полной мере поставлена в зависимость от решения присяжных заседателей. Мы же не приглашаем людей с улицы без медицинского образования для проведения, к примеру, хирургической операции. В этой связи обоснованно спросить, справедливо ли что вынесением юридического решения о судьбе человека должны заниматься по сути своей дилетанты?!

Во-вторых, мы сталкиваемся с проблемами, возникающими при отборе присяжных и формировании коллегии. Многие присяжные заседатели скрывают негативные данные о себе и своих близких. В результате мы имели отмененные приговоры, постановленные с участием недобросовестных заседателей. По представлению государственного обвинителя, судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отменила оправдательный приговор в отношении Мартынова М. М., обвинявшегося по п. «в» ч. 4 ст. 162, п.п. «в», «д», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Государственными обвинителями было выявлено, что ряд присяжных заседателей (7 из 12) сообщили суду недостоверные сведения относительно наличия у них или их близких родственников судимостей, а также фактов привлечения к административной ответственности. Сокрытие приведенных фактов не позволило государственному обвинителю заявить отводы кандидатам в присяжные заседатели. Это может свидетельствовать о негативном отношении отдельных кандидатов к деятельности правоохранительных органов и говорит о тенденциозности подхода при рассмотрении данного уголовного дела, что и способствовало вынесению оправдательного приговора.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ полностью согласилась с доводами государственного обвинителя и определением от 6 марта 2006 г. оправдательный приговор отменила и направила дело на новое судебное рассмотрение. При новом рассмотрении дела, также с участием присяжных заседателей, Мартынов был приговорен к 19 годам лишения свободы за совершение разбойного нападения и убийства.

Как показывает практика, процедура проверки данных о личности кандидатов в присяжные заседатели не проработана. При формировании коллегии сторонам представляются лишь общие сведения о кандидатах: фамилия, имя и отчество, год рождения, образование и род занятий. Поэтому уже в процессе судебного следствия государственные обвинители вынуждены проверять достоверность сообщенных присяжными заседателями сведений. Некоторые из присяжных заседателей, по ряду причин, скрывают факты привлечения их и близких родственников к уголовной и административной ответственности. В дальнейшем при вынесении вердикта, проявляя тенденциозность, оправдывают подсудимого, дают противоречивые ответы на вопросы вопросного листа.

По вышеуказанным основаниям, по представлению государственного обвинителя, был отменен оправдательный приговор, вынесенный коллегией присяжных заседателей, в отношении Вяльцева Ю. В., обвинявшегося по ч. 3 ст. 30, п. «е» ч. 2 ст. 105, ч. 1 ст. 222, ч. 2 ст. 167 УК РФ.

Вяльцев Ю. В. обвинялся в незаконном хранении патронов, 2 ручных гранат, в покушении на умышленное убийство своей жены Вяльцевой И. И. общеопасным способом, умышленном повреждении чужого имущества путем взрыва, повлекшем причинение значительного ущерба. Наряду с оправданием Вяльцева Ю. В., присяжные признали недоказанным то, что под ноги Вяльцевой И. И. были брошены приведенные в действие 2 ручные гранаты, которые взорвались. При этом на вопрос о доказанности того, что в результате взрыва 2 гранат магазину «Весна» и припаркованному автомобилю «ВАЗ-2112» были причинены повреждения, ответили утвердительно.

Как было установлено, 6 из 12 присяжных заседателей сообщили о себе и своих родственниках недостоверные данные о привлечении к административной и уголовной ответственности. Из-за противоречий вердикта и тенденциозности коллегии 30.05.2005 г. приговор по представлению государственного обвинителя отменен [14, с. 269-270].

В-третьих, проблемой является определенная непоследовательность и неустойчивость практики Верховного Суда Российской Федерации, касающаяся отбора присяжных заседателей и формирования коллегии.

В 2006 г. были отменены 2 приговора суда, когда кандидаты в присяжные заседатели сообщили о себе и своих близких неверные сведения при формировании коллегии. В 2007 г. направлялись 2 представления по аналогичным доводам, но поддержки не нашли.

В соответствии со ст. 328 УПК РФ при формировании коллегии присяжных заседателей кандидаты в присяжные заседатели обязаны правдиво отвечать на задаваемые им вопросы, а также представлять необходимую информацию о себе и об отношениях с другими участниками уголовного судопроизводства. Эти требования закона при разбирательстве дел были нарушены.

Государственный обвинитель в связи с сокрытием такой информации не мог решать вопросы по формированию беспристрастной и объективной коллегии присяжных заседателей, в частности о мотивированных и немотивированных отводах в отношении указанных кандидатов в присяжные заседатели.

Соккрытие кандидатами в присяжные заседатели значимой информации о себе и своих близких родственниках, с которыми они совместно проживают, свидетельствует о негативном с их стороны отношении к деятельности правоохранительных органов, о фактическом воспрепятствовании ими в выяснении стороной обвинения обстоятельств, препятствующих их участию в качестве присяжных заседателей в рассмотрении уголовного дела, неспособности объективно оценивать все обстоятельства рассматриваемого уголовного дела, что способствовало вынесению оправдательного вердикта при имеющихся доказательствах виновности Егорова В. Ю. в инкриминируемом преступлении.

Определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 27.04.2007 г. данный приговор Тамбовского областного суда от 21.02.2007 г. в отношении Егорова В. Ю. оставлен без изменения, а кассационное представление – без удовлетворения.

В определении указывалось, что приведенные в кассационном представлении данные о присяжных и их родственниках не являются препятствием для их участия в судебном разбирательстве.

Четвертая проблема видится в необходимости защиты присяжных заседателей и предупреждении их связей со сторонами на период рассмотрения дела и несколько позже. Факты оказания влияния на присяжных общеизвестны и широко освещались в средствах массовой информации.

В-пятых, проблемой в рассмотрении дел с участием присяжных является крайне субъективное восприятие ими информации не с точки зрения юридической объективности, а с позиции эмоциональности, руководствуясь обыденным мышле-

нием, так как где есть место эмоциям и страстям – не остается места справедливости. Об этом говорили еще древние греки, а богиня Фемида изображена с закрытыми глазами.

Государственные обвинители – это профессионалы в области юриспруденции, а не театрального искусства. Безусловно, государственный обвинитель в любом случае должен владеть культурой речи и стремиться достигнуть вершин ораторского искусства, но и превращать судебный процесс в шоу тоже не допустимо, ибо цели и задачи уголовного права иные [14, с. 273-274].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что основная проблема, которую создает суд присяжных, это наличие перспективы необъективного рассмотрения и несправедливого наказания (оправдания) лиц, виновных (невиновных) в совершении особо тяжких преступлений. Это влияет на следователей, расследующих такие дела, наиболее опытных и профессионально подготовленных, самым негативным образом, затрудняет борьбу с преступностью, ухудшает качество судебного разбирательства наиболее сложных уголовных дел, является криминогенным фактором, стимулирующим рост преступности. Так одна проблема порождает целый ряд других, не менее острых.

Нужна ли современной России эта особо сложная судебная процедура, к тому же отягощенная чрезвычайно высокими процессуальными издержками (14 присяжных, каждый из которых получает половину зарплаты судьи), если учесть, что дела о бандитизме, террористических актах, заказных убийствах нередко рассматриваются более года?

Единственным радикальным средством, которое может устранить эту либеральную «ценность», представляется ликвидация суда присяжных как института, являющегося историческим покойником, приносящего отправлению правосудия в стране непоправимый вред [15, с. 3].

Наше общество не готово по своей сути, менталитету и сложившимся представлениям людей об осуществлении правосудия к участию присяжных заседателей. В нашей стране не сформировано гражданское общество, а правовая культура находится в глубоком упадке. Можно искать возможные правовые пути существования этого института, внося коррективы в закон, но не правильнее ли, исходя из анализа практики с учетом здравого смысла, признать, что институт суда присяжных показал нашей стране не только свое несовершенство и неприемлемость, но и на сегодняшний момент вредность своего существования, так как правосудие – это удел профессионалов, а не дилетантов в области юриспруденции.

Литература

1. Демичев Н. Перспективы российского суда присяжных // Государство и право. 2002. № 11. С. 101-105.
2. Ищенко Е. П. Проблемы, создаваемые рассмотрением уголовных дел с участием присяжных заседателей // Новая криминальная ситуация: оценка и реагирование. М., 2009. С. 262-269.
3. Литвинова И. В. Значение судебной реформы XIX века для развития современного уголовного процесса в России // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2008. № 3. С. 31-36.

4. Ефименко С. Социально-экономические препятствия функционированию суда присяжных // Законность. 2007. № 4. С. 43-47.
5. Маркова Т. Ю. Разграничение компетенции между профессиональным судьей и присяжными заседателями // Актуальные проблемы уголовного судопроизводства: вопросы теории, законодательства, практика применения. М., 2007. С. 513-517.
6. Глобенко О. А. Заметка присяжного // Уголовное судопроизводство. 2007. № 1. С. 8-15.
7. Белкин А. Р. Особый порядок как профанация судебного разбирательства // Воронежские криминалистические чтения. Воронеж, 2006. С. 45-52.
8. Проценко В. П. Система и антисистема права: уголовно-процессуальный, философский и нравственный аспекты. Краснодар: «Сов. Кубань», 2004. 367 с.
9. Орлов Ю. К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. М.: Юристъ. 167 с.
10. Румянцева И. В. Ситуационный подход в разрешении проблем тактики судебного следствия // Уголовный процесс и криминалистика: современные проблемы и пути их решения. Калининград: РГУ им. И. Канта. С. 102-111.
11. Зинатуллин З. З., Зинатуллин Т. З. И снова об истине как цели уголовно-процессуального доказывания // Уголовно-правовые и процессуальные проблемы отправления правосудия в современной России. Курск, 2005. С. 160-166.
12. Поляков М. П. Принцип чистой состязательности как источник проблем судебного следствия // Уголовное судопроизводство. 2007. № 1. С. 36-39.
13. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. М. 2002. 259 с.
14. Гурулев Д. В. О проблемах поддержания государственного обвинения в суде присяжных и путях их решения // Новая криминальная ситуация: оценка и реагирование. М., 2009. С. 269-275.
15. Ищенко Е. П., Ищенко П. П. Так нужен ли России суд присяжных? // Уголовное судопроизводство. 2007. № 1. С. 3-8.

Grinko Sergei Dmitrievich, PhD in Law, Associate Professor, Senior lecturer at the Department of Criminal Law Disciplines, Russian Customs Academy (4, Komsomolsky pr., Moscow region, Lyubertsy, 140015, Russian Federation).
Email: grinko-skags@yandex.ru

REVIEW OF CASES BY THE JURY TRIAL AS A PROBLEM OF RUSSIAN JUSTICE AND COMBATING CRIME

Abstract

The article discusses the state of modern criminal procedure legislation, notes its instability and imperfection. The jurisprudence in criminal cases involving jurors and the problems that arise are analyzed. Based on the research, it is concluded that the institute of jury trials showed our country not only its imperfection and unacceptability, but also the irreparable harm inflicted on the administration of justice.

Keywords: jury trial, legal proceedings, justice, verdict, sentence, charge, adversariality, crime, reasons, factors.

References

1. Demichev N. Perspektivy rossijskogo suda prisyazhnyh // Gosudarstvo i pravo. 2002. № 11. С. 101-105.
2. Ishchenko E. P. Problemy, sozdavaemye rassmotreniem ugolovnyh del s uchastiem prisyazhnyh zasedatelej // Novaya kriminal'naya situaciya: ocenka i reagirovanie. M., 2009. S. 262-269.
3. Litvinova I. V. Znachenie sudebnoj reformy HIIH veka dlya razvitiya sovremennogo ugolovnogogo processa v Rossii // Vestnik Akademii General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii. 2008. № 3. S. 31-36.
4. Efimenko S. Social'no-ekonomicheskie prepyatstviya funkcionirovaniyu suda prisyazhnyh // Zakonnost'. 2007. № 4. S. 43-47.
5. Markova T. YU. Razgranichenie kompetencii mezhdu professional'nym sud'ej i prisyazhnymi zasedatelyami // Aktual'nye problemy ugolovnogogo sudoproizvodstva: voprosy teorii, zakonodatel'stva, praktika primeneniya. M., 2007. S. 513-517.
6. Globenko O. A. Zametka prisyazhnogo // Ugolovnoe sudoproizvodstvo. 2007. № 1. S. 8-15.
7. Belkin A. R. Osobyj poryadok kak profanaciya sudebnogo razbiratel'stva // Voronezhskie kriminalisticheskie chteniya. Voronezh, 2006. S. 45-52.
8. Procenko V. P. Sistema i antisistema prava: ugolovno-processual'nyj, filo-sofskij i npravstvennyj aspekty. Krasnodar: «Sov. Kuban'», 2004. 367 s.
9. Orlov YU. K. Problemy teorii dokazatel'stv v ugolovnom processe. M.: YUrist". 167 s.
10. Rumyanceva I. V. Situacionnyj podhod v razreshenii problem taktiki sudebnogo sledstviya // Ugolovnyj process i kriminalistika: sovremennye problemy i puti ih resheniya. Kaliningrad: RGU im. I. Kanta. S. 102-111.
11. Zinatullin Z. Z., Zinatullin T. Z. I snova ob istine kak celi ugolovno-processual'nogo dokazyvaniya // Ugolovno-pravovye i processual'nye problemy ot-pravleniya pravosudiya v sovremennoj Rossii. Kursk, 2005. S. 160-166.
12. Polyakov M. P. Princip chistoj sostyazatel'nosti kak istochnik problem sudebnogo sledstviya // Ugolovnoe sudoproizvodstvo. 2007. № 1. S. 36-39.
13. Gross G. Rukovodstvo dlya sudebnyh sledovatelej kak sistema kriminalistiki. M. 2002. 259 s.
14. Gurulev D. V. O problemah podderzhaniya gosudarstvennogo obvineniya v sude prisyazhnyh i putyah ih resheniya // Novaya kriminal'naya situaciya: ocenka i reagirovanie. M., 2009. S. 269-275.
15. Ishchenko E. P., Ishchenko P. P. Tak nuzhen li Rossii sud prisyazhnyh? // Ugolovnoe sudoproizvodstvo. 2007. № 1. S. 3-8.

**ТЕНДЕНЦИИ ПРЕСТУПНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЕЙ
В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА И «САНКЦИОННОГО» ДАВЛЕНИЯ**

**Алтухов
Сергей
Анатольевич** кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры
уголовного права и криминологии ФГБОУ ВПО ВГУЮ
«РПА Минюста России»
e-mail; ser-altuhov@yandex.ru

**Ширяев
Александр
Сергеевич** кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права
и процесса Юридического института Северо-Кавказского
федерального университета
e-mail; 411ga@mail.ru

Аннотация

Анализируются тенденции преступности в России на фоне влияния социально-экономического кризиса, распространения пандемии коронавируса, европейских и американских санкций. Выявленные авторами закономерности и формы проявления преступности дают основу для оптимизации процесса по ее противодействию, использованию новых способов и методов профилактики.

Ключевые слова: *преступность, причины и условия преступности, противодействие преступности, правоприменительная практика.*

Преступность всегда оставалась и остается неременным спутником человеческого общества, отражая уровень его развития, качество жизни населения, режим обеспечения прав и свобод граждан. Оценить все эти показатели и иные характеристики общества довольно непросто, особенно в условиях нестабильности и кризисных явлений в обществе. Не позволяет это сделать и отсутствие стабильности в международных отношениях, а также сложный характер причинно-следственных связей рассматриваемого криминального феномена, что приводит к неоднозначным корреляционным зависимостям и совершенно противоречивым выводам.

Как замечает профессор В.В. Лунеев, глубокие и системные изменения преступности обусловлены в значительной степени трудностями модернизационных процессов в России. Действительно, в условиях даже незначительного экономического кризиса уровень преступности в стране должен возрастать. И это не просто общеизвестная истина и основная идея теории депрессии (одной из экономических теорий современной криминологии), это аксиома. Любое государство, сталкивающееся с системным экономическим кризисом, становится более уязвимым с точки зрения как экономической, так и национальной безопасности. На это обращал внимание

и один из основоположников криминологии – Э.Дюркгейм, который объяснял риск проявления криминальной активности населения бурными изменениями экономических, социальных и политических процессов, усиливающийся с учетом состояния аномии (беззакония).

Этот вывод отчасти подтверждается целым рядом событий последних лет и их последствиями. Так, события на Украине и вхождение Крыма в состав России, участие России в военных и гуманитарных операциях в Сирии, экономические разногласия с зарубежными партнерами по контролю за добычей нефти, распространение пандемии коронавируса Covid-19 и борьба за первенство в создании вакцины против него, создали основу так называемого «санкционного давления» стран НАТО и их союзников в отношении нашего государства. Очередным поводом для введения экономических и политических санкций против российского государства станет, по всей видимости, история с «отравлением» блогера А. Навального.

Санкции оказывают негативное влияние на развитие практически всех сфер жизнедеятельности общества, отражаясь, в числе прочего, на отношении и доверии иностранных инвесторов и кредиторов российским эмитентам и финансовым учреждениям. Санкционное давление и незаконное использование финансовых инструментов ощутило снизили темпы роста экономики, обусловили значительное сокращение доходов населения, повысили уровень инфляции и рост безработицы (в Ростове-на-Дону она выросла в 3 раза), расширили масштабы теневого сектора экономики, создав новые возможности для занятия преступной деятельности.

Потеря реальных доходов и увеличение числа лиц, живущих за чертой бедности (это согласно данным Росстата примерно каждый 7-й россиянин) в условиях повышенной закредитованности граждан (только в 2018 году банками было выдано 38 млн. кредитов населению, а в 2019 году их число выросло еще на 19,4%), как известно, продуцирует не только замедление темпов роста экономики, но и предопределяет высокий уровень неопределенности, тревоги, напряженности и конфликтности среди населения.

На этом фоне значительная часть населения, пытаясь удовлетворить свои, в том числе жизненно необходимые потребности, начинает проявлять повышенную нервозность, панические настроения, формируя новые пессимистические ожидания и опасения, страх и неуверенность в завтрашнем дне, что зачастую ведет к деструктивным изменениям личности, желанию минимизировать свои проблемы, в том числе противоправным путем. Отличительной особенностью этих процессов является продолжающийся процесс алкоголизации населения, выражающийся в употреблении спиртных напитков, особенно различных суррогатов. Более чем двукратное превышение критической дозы (не более 8 литров спирта согласно данным ВОЗ) потребляемого алкоголя на душу российского населения в 2008 году было названо серьезнейшей угрозой национальной безопасности со всеми ее последствиями. За 2019 года указанный показатель снизился и составил 11,1 л. Но ведь это только лишь то, что отражает фиксируемые государством продажи алкоголя.

Указанные симптомы социального неблагополучия стали, со всей очевидностью, просматриваться при анализе данных о преступлениях, совершаемых лицами в состоянии алкогольного опьянения. Так, если в 2014 году число таких преступлений

превышало 311 тыс., то к концу 2015 года их количество выросло более чем на 28% (до 401 тыс.), а в 2016 г. – до 440 тыс. В дальнейшем темпы прироста этих преступлений стали снижаться, однако на конец 2018 года их число почти на 13 % превышало показатели 2014 года (периода введения антироссийских экономических санкций). В 2019 году количество таких преступлений составило 323,5 тыс., что составляет более 30,7% всех совершенных посягательств в указанный период .

Иными словами, последствия политической, экономической и военной конфронтации России со странами Евросоюза и США, вызванные событиями на Украине, а затем Сирии, а теперь уже и в Беларуси и последовавшие вслед за этим экономические санкции, самым серьезным образом отразились на состоянии экономической ситуации в стране. При этом стоит заметить, что реальные масштабы и последствия экономического кризиса, с одной стороны, специально «затушевываются» соответствующими «победами» на международной арене (Сирия, Венесуэла) либо весьма сложными аналитическими подсчетами (нередко противоречащими логике и здравому смыслу), а с другой – уже дают о себе знать, несмотря на желание государства не допустить негативных сценариев изменения преступности. В этой связи некоторые специалисты и аналитики считают, что эти санкции имеют исключительную «точечную» направленность не в отношении государства, а в отношении конкретных субъектов экономических отношений . Однако основной груз ответственности целиком ложится на плечи наших граждан.

Тем не менее, в условиях кризиса почему-то наблюдается некое статистическое «благополучие» и даже ежегодное снижение преступности (исключением был лишь период 2015 года): 2014 г. – 2,19 млн.; 2015г. – 2,388 млн.; 2016г.– 2,16 млн.; 2017г. – 2,058 млн.; 2018г. – 1,992 млн.; 2019 г. – 2,024 млн.

Как это ни странно, но практически все ответственные за состояние дел борьбы с преступностью лица считают такое положение закономерным следствием улучшения регистрационной дисциплины и улучшением эффективности предупредительно-профилактической деятельности органов внутренних дел. В подтверждение тому приводятся данные официальной статистической отчетности и результаты опроса общественного мнения последних лет.

Но вопрос о доверии такой информации стоит уже давно, да и первые лица государства называют статистику преступности «брехней» . Кроме того, даже после вхождения в состав России Крыма и Севастополя, когда численность населения пополнилась на 2,34 млн. человек, уровень преступности в России вопреки всякой логике продолжал снижаться, а число зарегистрированных преступлений на полуострове за весь предшествующий период не превышало отметки в 38 тыс. .

Нет особого смысла доверять и проверять информацию о результатах опроса общественного мнения, которые проводят известные в стране центры – ВЦИОМ, ФОМ, ИНИОН и т.д. Несмотря на практически сопоставимый объем репрезентативной выборки и одинаковые методы исследований разница в итоговых оценках может достигать более чем 2-кратного значения.

Специалисты-криминологи до сих пор озабочены проблемой определения реального уровня преступности. Причиной тому выступает запредельный уровень латентности , причем как скрытой, так и скрываемой. Так, с момента вступления в силу

УК РФ число заявлений и сообщений о преступлениях выросло более чем в 3,3 раза (с 9,5 (1997 г.) до 32 млн. (2018 г.), тогда как количество зарегистрированных преступлений за указанный период снизилось на 17% (с 2,4 млн. до 2 млн. соответственно)! По мнению профессора Б.Я. Гаврилова, указанные диспропорции связаны с резким ростом «отказных материалов». С 1992 по 2017 гг. их число выросло в 8 раз, что свидетельствует о низкой эффективности реагирования правоохранительных органов на сообщение о преступлении. Прокуратурой только в 2017 году было выявлено почти 5,2 млн. нарушений при приеме и регистрации заявлений, а также было отменено почти 2,4 млн. постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела. В 2018 и 2019 гг. число выявленных нарушений на досудебных стадиях уголовного судопроизводства практически не изменилось – свыше 5,1 млн., однако на конец прошлого года количество нарушений, допущенных органами предварительного расследования выросло на 5,9%, отменено более 2 млн. постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, а также более 26 тыс. постановлений о прекращении уголовных дел.

Полагаем, что одной из причин весьма контрастного несоответствия между числом поступающих в правоохранительные органы заявлений и сообщений и количеством принятых решений о возбуждении уголовного дела является и соответствующая процедура регистрации такой информации, а точнее установленные соответствующим правовым актом правовые основания ее фиксации и передачи. Так, например, в конце 2019 года были разработаны новые требования к Инструкции о порядке приема и регистрации преступлений.

В условиях недостатка объективной информации, а также попыток «приукрашивания» действительного положения дел в борьбе с преступностью, полагаться на данные статистики следует весьма осторожно. Это связано с тем, что состояние фактической преступности может заметно отличаться от статистических данных о зарегистрированных преступлениях, а также информации о судебной практике. Тем не менее, криминологические закономерности такого социального явления, как преступность, могут сохраняться и на уровне статистического ее (преступности) «среза», взяв за основу выборочный метод исследования с его многочисленными преимуществами (экономичностью, простотой, быстротой обработки информации и т.д.). Однако эти преимущества нивелируются и весьма серьезными недостатками – неполнотой исследования объекта наблюдения (преступности) и ошибкой репрезентативности, т.е. некой погрешностью, возникающей за счет того, что наблюдению подвергается не вся генеральная совокупность, а лишь незначительная ее часть. Действительно, взятие пробы качества воды на одном краю моря не гарантирует такой же ее состав повсеместно.

Так, известный в науке «эффект воронки», на «входе» в которую уже начинают действовать различные механизмы «очистки», показывает, что к моменту «выхода» весьма значительный объем единиц совокупности куда-то пропадает, исчезает, не проходит «фильтр» и т.д. Весьма схожая картина находит свое отражение и в системе регистрации информации о преступности («вход») и результаты судебной практики применительно к числу осужденных («выход»). В качестве примера приведем информацию о практике противодействия преступности в России за 2018 год (в 2019

году этот показатель перестали включать в отчетные данные). Так, число заявлений и сообщений о преступлениях в 2018 году составило почти 32 млн. («вход»). После проверки информации уполномоченными должностными лицами правоохранительных органов было принято почти 2 млн. (1,992 млн.) решений о возбуждении уголовных дел, а также выявлено 931,1 тыс. лиц, совершивших преступления. На конец года было раскрыто 1,088 млн. преступлений, а в суды поступило 884 тыс. уголовных дел на 956,4 тыс. лиц, которые предстали перед судом. Судами же было осуждено около 682 тыс. человек, что соответствует 2,1% лиц, предположительно совершивших преступления.

Отбросив многие сомнения, попытаемся все же определить, основываясь на тех же статистических данных и собственных наблюдениях основные тенденции развития современной преступности в условиях экономических санкций:

1) стабильный рост фактической преступности с тенденцией продолжающегося социально-психологического привыкания населения к последствиям криминальных проявлений и потери у граждан интереса не только к малозначительным преступлениям, но и посягательствам, которые совершают высокопоставленные чиновники, представители правоохранительных органов и иные лица, чьи противоправные действия всегда вызвали общественный резонанс. Даже такие показательные судебные процессы (как, например, в отношении футболистов Кокорина и Мамаева, актера Михаила Ефремова) не могут остановить социально-психологический процесс привыкания населения к растущей преступности. Этому способствует и доказавший свою эффективность институт компромисса ;

2) виртуализация преступности с уходом ее в интернет и повышением уровня латентности. И это неудивительно, ведь с распространением компьютерных технологий многие граждане, организации и государственные учреждения стали зависеть от сети Интернет (число пользователей в Интернете только в России составляет от 82 млн. человек до 110 млн. человек). Использование возможностей информационных технологий в противоправных целях привело к резкому росту преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (в 2019 году рост таких преступлений составил 68,5%). Только за первую половину 2020 года число совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий преступлений выросло почти вдвое (+94,6%), в том числе тяжких и особо тяжких – почти на 130% ;

3) изменение структурных характеристик коррупционной преступности, последствия которой с учетом правоприменительной и особенно судебной практики все настойчивее нивелируют конституционный принцип равенства всех перед законом и судом;

4) затянувшийся кризис экономики России, последствия санкционного давления и не всегда справедливые и необоснованные решения, принимаемые на региональном и государственном уровне по ряду жизненно важных социальных проблем, серьезно подрывают основы государственного управления, накаляют уровень протестного движения, способствуют появлению новых видов и форм экстремисткой и террористической деятельности, таких, как, например, антиисламский терроризм;

5) увеличение числа тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных организованными группами или преступными сообществами, дальнейший рост ситуационной, досуговой и бытовой преступности, подпиткой которой выступает продолжающаяся алкоголизация и наркотизация населения, увеличение доли лиц, ранее совершавших преступления и отбывавших наказание, в том числе в условиях изоляции от общества;

6) рост фактов криминального насилия, основу которого будут по-прежнему составлять такие мотивы, как месть, корысть, сексуальные побуждения, расовая и национальная вражда и нетерпимость, а также противоправные действия невменяемых лиц и лиц с психическими аномалиями, удельный вес которых практически не меняется (судами ежегодно назначаются принудительные меры медицинского характера в отношении почти 9 тыс. невменяемых лиц) и т.д.

Государство должно быть заинтересовано в снижении уровня преступности особенно в таких крайне сложных социально-экономических условиях, как сегодня. Однако реализуется эта задача нередко лишь искусственным путем – путем декриминализации преступлений, принятия новых оснований освобождения от уголовной ответственности, расширения гарантий ее неприменения, продления амнистии «капиталов» и т.д. Занижая и скрывая фактическую картину преступности, правоохранительные органы лишаются возможности просить у государства средства, необходимые для борьбы с реальной преступностью. Государству же не приходится тратить лишние деньги на борьбу с преступностью. Более того, последствия такой явно ущербной и непродуманной политики ведет к сокращению личного состава органов правопорядка, которую связывают с необходимостью очередного реформирования правоохранительной системы.

Литература

1. Ведерникова О.Н. Британский опыт изучения латентной преступности. // Российский криминологический взгляд. 2009. №1. С. 335.
2. Гишинский Я.И. Генезис преступности. Проблема причинности в криминологии // Российский ежегодник уголовного права. 2008. №2. С. 382-298.
3. Демидченко Ю.В. Современное состояние и предпосылки развития компромиссных моделей правосудия в России // Интеллектуальные ресурсы - региональному развитию. 20015. №5. С. 80-84.
4. Краснов М.А. Институциональная система реализации полицейской функции в России. - Москва, 2015.
5. Латентная преступность в Российской Федерации: 2001-2006: науч. издание / под ред. С.М. Иншакова. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2007.
6. Лунеев В.В. Модернизация в условиях преступности // Государство и право. 2012. №5. С. 56-67.
7. Лунеев В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Вольтерс Клувер, 2005
8. Ожегова Л. А., Сикач К. Ю. Изменение геокриминогенной обстановки в Республике Крым и городе Севастополе (2010–2016 гг.): территориальные риски //

Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. География. Геология. Том 3 (69). №3.Ч.1. 2017 г. С. 75–81.

9. Приказ МВД России от 9 октября 2019 г. № 688 «О внесении изменений в Инструкцию о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях, утвержденную приказом МВД России от 29 августа 2014 г. № 736».

10. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2019 года. М.: ГИАЦ МВД России, 2020. С. 57.

Altukhov Sergey Anatolyevich, candidate of law, associate Professor, Professor of the Department of criminal law and criminology of the RPA of the Ministry of justice OF Russia, e-mail; ser-altuhov@yandex.ru

Shiryaev Alexander Sergeevich, candidate of law, associate Professor of criminal law and procedure Department of the North Caucasus Federal University Law Institute, e-mail; 411ga@mail.ru

TRENDS IN CRIME AND PROBLEMS OF COUNTERING IT IN THE CONTEXT OF THE CRISIS AND "SANCTIONS" PRESSURE

Abstract

Crime trends in Russia are Analyzed against the background of the impact of the socio-economic crisis, the spread of the coronavirus pandemic, and European and American sanctions. The patterns and forms of crime identified by the authors provide a basis for optimizing the process of countering it, using new methods and methods of prevention.

Keywords: *crime, causes and conditions of crime, crime prevention, law enforcement practice.*

References

1. Vedernikova O. N. British experience in studying latent crime. // Russian criminological view. 2009. no. 1. P. 335.

2. Gilinsky Ya. I. The Genesis of crime. The problem of causality in criminology // Russian Yearbook of criminal law. 2008. no. 2. Pp. 382-298.

3. Demidenko Y. V. Modern state and development preconditions of the compromise models of justice in Russia // Intellectual resources for regional development. 2015. No. 5. Pp. 80-84.

4. Krasnov M. A. Institutional system for implementing the police function in Russia. - Moscow, 2015.

5. Latent crime in the Russian Federation: 2001-2006: scientific publication / ed. By S. M. Inshakov. M.: UNITY-DANA: Law and law, 2007.

6. Luneev V. V. Modernization in the conditions of crime // State and law. 2012. no. 5. Pp. 56-67.

7. Luneev V. V. Crime of the twentieth century: world, regional and Russian trends. 2nd ed., reprint. and add. M.: Volters Kluwer, 2005

8. Ozhegova L. A., Sikach K. Yu. Changes in the geocriminogenic situation in the Republic of Crimea and the city of Sevastopol (2010-2016): territorial risks // Scientific notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Geography. Geology. Volume 3 (69). no. 3. CH. 1. 2017, Pp. 75-81.

9. The Ministry of internal Affairs order of October 9, 2019 No. 688 "On amendments to the Instruction on the procedure of reception, registration and permission in territorial bodies of the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation of statements and messages on crimes, on administrative offences, on incidents, approved by order of the interior Ministry of Russia dated 29 August 2014 No. 736".

10. A criminality condition in Russia for January-December 2019. M.: Giac MVD Rossii, 2020. P. 57.

УДК 347.

DOI: 10.22394/2074-7306-2020-1-3-161-169

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА МОШЕННИЧЕСТВО И НЕКОТОРЫЕ ЕГО ВИДЫ В РОССИИ

- Изнева
Елена
Владимировна** Сочинский государственный университет,
кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой
гражданского и уголовного права и процесса (Россия, г. Сочи).
E-mail: gpp00@mail.ru
- Князькова
Марина
Геннадьевна** Сочинский государственный университет,
кандидат юридических наук, город Сочи, доцент кафедры
гражданского и уголовного права и процесса (Россия, г. Сочи).
E-mail: margoshaum@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается теоретико-практический аспект уголовной ответственности за мошенничество и некоторые его виды в России, формулируются предложения по совершенствованию отечественного уголовного законодательства.

Ключевые слова: *уголовный закон, Уголовный кодекс РФ, мошенничество, состав преступления, уголовная ответственность, обман, злоупотребление доверием, право на чужое имущество, квалифицирующие признаки, значительный ущерб гражданину, электронное средство платежа.*

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что Российская Федерация в настоящее время находится на пути становления правового и социального государства. Часть 2 ст. 8 Конституции Российской Федерации (принята всенародным

голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) (далее Конституция РФ) провозглашает, что «в Российской Федерации признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности». Однако следует констатировать, что охрана данной сферы общественных отношений продолжает находиться не на должном уровне. Особое место среди хищений занимают деяния, совершаемые путем обмана или злоупотребления доверием (мошенничество). Это преступление проявляется в различных сферах, постоянно модернизируется и обновляется по способам и характеру преступных посягательств.

Официальные данные статистики Министерства внутренних дел Российской Федерации, прокуратуры Российской Федерации, Судебного Департамента Верховного Суда Российской Федерации свидетельствуют о том, что ежегодно по России общий вред, причиненный преступлениями, оценивается в миллиардах рублей. По данным Росстата, за 2017-2019 годы произошел резкий рост мошенничества. Так, уже в первом полугодии 2019 года в России было зарегистрировано 122,8 тысяч преступлений, что на 10,9 % больше, чем за аналогичный период 2018 года. Так за март 2020 года число мошенничеств возросло на 48,5 % [1].

Существенной проблемой в настоящее время в науке уголовного права является уголовная ответственность за мошенничество и его разновидности. Традиционно, в соответствии с доктриной уголовного права и российским уголовным законодательством, ответственность за совершение мошенничества может нести лишь вменяемое физическое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста. В диспозиции ч. 1 ст. 159 Уголовного кодекса РФ (далее - УК РФ) законодателем сформулирован состав мошенничества. Наиболее полная характеристика мошенничества дается в разъяснениях постановления Пленума Верховного Суда от 30 ноября 2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» [2] (далее - Пленум Верховного Суда № 48), в котором выделяются следующие признаки объективной стороны мошенничества:

- во-первых, мошенничество является разновидностью хищения;
- во-вторых, мошенничество совершается и с помощью приобретения права на чужое имущество;
- в-третьих, ненасильственные методы выполнения объективной стороны деяния, итогом которых является добровольная передача имущества или права на него лицу, совершающему преступление.

В науке уголовного права основополагающим является подход, согласно которому, объектом преступления являются общественные отношения, охраняемые уголовным законом.

Согласно теории деления объекта преступления «по вертикали» видовым объектом мошенничества выступают отношения собственности, так как ст. 159 УК РФ занимает свое место в Главе 21 УК РФ «Преступления против собственности».

Вопрос об определении непосредственного объекта мошенничества вызывает множество точек зрения.

Так, Пленум Верховного Суда № 48 [2] в п. 2 дает разъяснение, приводя примеры обмана как способа совершения мошенничества, указывая, например, что обман может состоять в сознательном сообщении потерпевшему заведомо ложных сведений.

При мошенничестве потерпевший, введенный в заблуждение, сотрудничает с виновным и самостоятельно осуществляет передачу собственного имущества.

Важно определить, что понятие права на чужое имущество, остается дискуссионным в науке уголовного права.

Нельзя расценивать действия виновного как хищение, если у него есть какие-либо права на данное имущество. Но при некоторых обстоятельствах соответствующие действия можно рассматривать как самоуправство (ст. 330 УК РФ).

В науке уголовного права более распространенной точкой зрения является, что хищение производится методом изъятия [3]. Изъятие означает лишение имущества или же права на данное имущество у собственника или титульного владельца в пользу виновного, осуществляется принудительная передача имущества собственником или владельцем. Значит, изъятие носит насильственный характер, т.е. отсутствует добровольность при передаче имущества мошеннику.

Главным действием при хищении является «обращение», так как только с этого момента оно считается оконченным и мошенник, действительно, способен получить некую выгоду из похищенного имущества. Однако, Пленум Верховного Суда РФ указывает, что при завершении мошеннических действий имущество или право на него передается, или абсолютно отсутствует какое-нибудь противодействие при его изъятии.

Интересным представляется пример отграничения мошенничества от кражи, как тайного хищения чужого имущества.

Так, приговором Центрального районного суда города Сочи Краснодарского края обоснованно признан виновным гражданин К. в совершении действий, нарушающих ст. 159 УК РФ. Находясь в супермаркете, К., набрав товаров, обманул продавщицу, что будто бы запомнил пин-код от собственной банковской карты, который, якобы записан на бумаге в автомобиле, но в действительности прекрасно знал, что денежных средств на ней недостаточно. Для того, чтобы убедить сотрудницу магазина в своей истории, оставил банковскую карту на кассе, взяв при этом неоплаченные продукты и скрылся [4].

Следует отметить, что мошенничество с платежными картами, можно разделить на два вида: мошенничество в офлайн-режиме и мошенничество в сети Интернет.

В этой связи, определенный интерес представляет пример из судебной практики.

Так, К., находясь в сетевом магазине «Карри», с целью хищения чужого имущества путем обмана, передал похищенную им ранее кредитную карту продавцу магазина Н. для оплаты выбранных им товаров. Продавец, Н., не подозревая о преступных намерениях гражданина К., предполагая, что он является владельцем кредитной карты и находившихся на счете денежных средств, приняла от последнего кредитную карту и с использованием кассового терминала произвела оплату покупки. Шелеховский городской суд признал К. виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 159.3. УК РФ [5].

Обязательным признаком материального состава хищения является наличие, а конкретнее наступление неблагоприятных последствий, которые причиняются собственнику, либо другому владельцу в виде реального имущественного ущерба.

Необходимо разграничивать понятия «общественно опасное последствие» и «преступный результат». Думается, что наличие и создание преград для реализации возможности владения, пользования и распоряжения собственным имуществом является общественно – опасным последствием хищения. А преступный результат в уголовно-правовой науке является последствием преступления, который каким-либо образом причиняет имущественный вред определенным объектам, охраняемым законом, который может быть определен исходя из суммарной стоимостью похищенного имущества. Важно понимать, что любые преступные действия влекут результат и последствия, за которые лицо впоследствии несет уголовную ответственность, так как субъективные права, как собственника, так и титульного владельца охраняются законом одинаково.

Проанализировав положения УК РФ, в которых закрепляются специальные виды мошенничества (ст. 159.1-159.6 УК РФ), можно прийти к выводу, что ответственность также распределена в зависимости от принадлежности имущества.

Так, по ст. 159 УК РФ крупным размером является совокупность имущества на сумму свыше 250000 рублей, а особо крупным – на сумму, превышающую 1000000 рублей. А по ст. ст. 159.1-159.6 крупным размером определяется сумма имущества свыше 1500000 рублей, а особо крупным – свыше 6000000 рублей.

Определенными новеллами уголовного законодательства являются п. 5 п. 6, п. 7 и примечания к ст. 159 УК РФ, которые были введены в УК РФ в июле 2016 года, согласно которым добавлен новый вид мошенничества – мошенничество, которое сопряжено с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, если это повлекло: значительный ущерб (сумма, не менее 10000 рублей); крупный размер (сумма, свыше 3000000 рублей); особо крупный размер (стоимость имущества более 12000000 рублей) [6].

Момент окончания преступления является важным фактором при квалификации содеянного преступления. А.И. Бойцов замечает, что в разные времена момент окончания хищения понимался неодинаково [7]. Так, Пленум Верховного Суда РФ определяет, что преступление считается оконченным, когда у виновного появится реальная возможность воспользоваться похищенным имуществом.

По мнению Г.А. Кригера деяние считается оконченным с момента обособления имущества и установления противоправного умысла» [8]. Данное суждение непосредственно можно отнести и к мошенничеству.

Обратимся к судебной практике. Так, приговором Хостинского районного суда города Сочи осудили бывшего директора ООО «П...» П. в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 Уголовного Кодекса Российской Федерации.

Согласно обвинительному заключению П., являясь учредителем и директором ООО «П...», достоверно зная, что другое юридическое лицо с аналогичным наименованием являлось единственным в Краснодарском крае поставщиком посадочного материала лесных растений хвойных пород, не имея намерений и возможности исполнять взятые на себя обязательства по договору купли-продажи по передаче в

собственность ОГАУ «ЛИЦ» сеянцев хвойных пород на общую сумму 8 млн. рублей, получил по платежному поручению денежные средства в сумме 4 млн. рублей в качестве оплаты по договору купли-продажи, однако своих обязательств по договору не выполнил. Похищенными денежными средствами распорядился по своему усмотрению, чем причинил ОГАУ «ЛИЦ» вред в размере 4 (четырёх) млн. рублей [9].

Представители теории завладения имуществом аргументируют свою позицию тем, что реальная возможность может и отсутствовать, но самым важным является осознание наличия данной возможности в будущем [10].

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 48 разъясняется, что является конкретным моментом окончания мошенничества, если безналичные денежные средства представлены в качестве предмета, будет являться время зачисления непосредственно денежных средств на банковский счет, к которому преступник или лицо, в пользу которого он осуществлял данные действия, имеет доступ владеть и распоряжаться данными деньгами.

Проанализировав данную форму мошенничества, следует отметить, что преступление является оконченным, после того как виновный получит юридически оформленную возможность владеть, а также распоряжаться украденным имуществом, как своим собственным.

По мнению В. Н. Лимонова, мошенничество является своего рода приобретением права на чужое имущество, но не является хищением, так как не происходит изъятия или обращения похищенного имущества [11].

Лопашенко Н. А. представляет приобретение права на имущество с помощью мошеннических действий как отдельную обособленную разновидность мошенничества-хищения [12].

Мошенничество, таким образом, представляет собой корыстное преступление против собственности, связанное с извлечением имущественной выгоды для виновного лица или лиц, в пользу которых оно действовало. При сопоставлении состава мошенничества и принесении материального ущерба с помощью обмана или злоупотребления доверием, явно видны определенные схожие признаки между вышеназванными деяниями. Ключевым различием считается то, что в итоге пострадавшему причиняется материальный вред в виде «упущенной выгоды».

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод о том, что мошенничество нужно предопределять как извлечение имущественной, т. е. материальной выгоды для виновного или виновным в пользу иных лиц с помощью обмана. Однако необходимо заметить, что чужое имущество, а также право на него, является предметом данного преступления. Причиненный вред от мошенничества может быть реальным, а также в виде упущенной выгоды.

Особенностью мошеннических действий является отсутствие насилия при совершении данного преступления. Соответственно, способом мошенничества является обман или злоупотребление доверием.

Итак, злоупотребление доверием – это один из видов обмана, который используется для создания видимости правдоподобия обмана в случае предварительно установившихся отношений, которые применяются впоследствии [13].

Важно отметить, что в специальных видах мошенничества, а именно в ст. 159.2, ст. 159.3, ст. 159.5, ст.159.6 УК РФ абсолютно не упоминается злоупотребление доверием.

В связи с этим можно сделать вывод, что злоупотребление доверием необходимо рассматривать как самостоятельный состав преступления, который связан с использованием собственных полномочий по отношению к чужому имуществу, а также и сделок с ним, или с совершением иных непосредственных юридически значимых действий вопреки законным интересам доверителя или иным образом действовать, несмотря на доверительные отношения [14].

Проанализировав судебную практику можно говорить о том, что на самом деле деяние, которое совершило виновное лицо, квалифицируется как мошенничество, совершенное путем злоупотребления доверием, однако использование обмана непосредственно имело место быть, вопреки отношениям, сложившимся между лицами.

Так, Центральным районным судом г. Сочи 21 марта 2018 г. гражданин Л. был признан виновным в совершении мошенничества путем злоупотребления доверием, а также в причинении значительного ущерба гражданину, за что данному лицу вменялась ч.2 ст. 159 УК РФ. Л. якобы решил оказать помощь А. с поиском жилья, рассказав А., что друзья Л. как раз сдают в аренду свою квартиру, и убедил А., что внес за него залог, а именно 15000 рублей, своими личными денежными средствами. Для подтверждения данной легенды Л. вручил А. ключ от какой-то квартиры и назвал неверный адрес. А., естественно, «вернул» Л. указанный залог на сумму 15000 руб., которые гражданин Л. использовал в собственных интересах [15].

Как свидетельствуют данные криминологических исследований, мошенники специально внедряются в доверие к своим жертвам, так как наличие доверительных отношений, дает уверенность обманутому лицу, что ему, действительно безвозмездно помогают и соответственно вернут ему его имущество. На самом деле обман, который в любом случае впоследствии используется для возникновения у виновного желания добровольно передать имущество (или право на него).

Проанализировав Федеральный Закон от 23 апреля 2018 № 111-ФЗ [16], который выделяет специальный вид мошенничества (ст. 159.3 УК РФ «Мошенничество с использованием электронных средств платежа»), можно отметить следующее.

С ростом электронной торговли ежедневно увеличивается рост случаев мошенничества с кредитными картами. Так дополнительным непосредственным объектом могут выступать общественные отношения в сфере обеспечения бесперебойного оказания услуг по переводу денежных средств. Предметом выступает чужое имущество в виде денежных средств. Важно отграничить данный состав мошенничества от смежного состава, предусмотренного ст.158 УК РФ (Кража), в том случае если изъятие денежных средств с похищенной карты осуществлялось посредством банкомата.

Следует отметить особенности предмета преступления. Так, поддельная или принадлежащая другому лицу кредитная карта выступает средством совершения преступления.

Важно отметить, что правоохранительным органам требуется незамедлительно реагировать на заявления о совершении мошеннических действий с использованием электронных средств платежей.

Мошенничество представляет собой современное корыстное преступление против собственности, при котором предметом рассматриваемого состава преступления выступает чужое имущество. Лицо, совершившее преступление, преследует цель в результате совершения мошенничества получить любую имущественную выгоду и потерпевшему может быть причинен как реальный ущерб в виде стоимости имущества, так и в размере упущенной выгоды.

На основании вышеизложенного, предлагается внести изменение и дополнение в ч. 1 ст. 159 УК РФ и изложить в следующей редакции: «Статья 159. Мошенничество»
1. Извлечение имущественной выгоды и (или) хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество для виновного или других лиц путем обмана или злоупотребления доверием, - наказывается...

Литература

1. О состоянии преступности в Российской Федерации в 1-м квартале 2020 года // Официальный сайт МВД России <https://xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/19986723/> (дата обращения 01.06.2020 г.).

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате». – Бюллетень ВС РФ. – 2018. – № 4.

3. Лопашенко, Н. А. Законодательная реформа мошенничества: вынужденные вопросы и вынужденные ответы // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. - 2015. - Т. 9. - № 3. - С. 504 – 513.

4. Дело из архива Центрального районного суда города Сочи от 12 ноября 2018 года // [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://sudact.ru/regular/doc/Y1E4KZB0MKoV/> (дата обращения: 28 июня 2020 г.).

5. Приговор Шелеховского городского суда от 17 августа 2015 г. по делу № 1-55/2015 // «СудАкт» (дата обращения: 01 июня 2020 г.).

6. Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» от 03.07.2016 № 323-ФЗ (последняя редакция) // СЗ РФ. – 2016. - № 27 (часть II). - Ст. 4256.

7. Бойцов, А. И. Преступления против собственности / А. И. Бойцов. – М, 2016. – С. 268.

8. Кригер, Г. А. Квалификация хищений социалистического имущества / Г. А. Кригер. – М.: Юрид. лит, 1974. – С. 109.

9. Дело из архива Хостинского районного суда г. Сочи от 26 ноября 2018 года // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/5eOkD5dekUIT/>

10. Владимиров, В. А. Квалификация похищений личного имущества / В. А. Владимиров. – М.: Юрид. лит, 1974. – С. 38.

11. Лимонов В.Н. Понятие мошенничества // Законность. - 1997. - № 11.

12. Лопашенко, Н. А. Посягательства на собственность: монография / Н. А. Лопашенко. – М.: Норма, 2012. – С. 199.

13. Минская, В. С. Современное законодательное регулирование уголовной ответственности за мошенничество и вопросы квалификации. Законы России: опыт, анализ, практика / В. С. Минская. – М., 2013. – № 10. – С. 36.

14. Розенцвайг, А. И. Способы мошенничества : ретроспективный анализ и теоретико-правовое моделирование / А. И. Розенцвайг // Общество и право. – 2011. №1 (33). – С. 123, 125.

15. Дело из архива Центрального районного суда города Сочи от 24 апреля 2015 года // [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://sudact.ru/regular/doc/NOXAKSBfCTJv/>

16. Федеральный закон от 23.04.2018 № 111-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2018. - № 18. - Ст. 2581.

Ivneva Elena Vladimirovna, Sochi state University, PhD in law, associate Professor, head of the Department of civil and criminal law and procedure, Sochi, 7 Politechnicheskaya str, E-mail: gpp00@mail.ru

Knyazkova Marina Gennadijevna, Sochi state University, candidate of law, Sochi, associate Professor of the Department of civil and criminal law and procedure, Sochi, ul. Politechnicheskaya, E-mail: margoshaum@mail.ru

ON THE ISSUE OF CRIMINAL LIABILITY FOR FRAUD AND SOME OF ITS TYPES IN RUSSIA

Abstract

The article examines the theoretical and practical aspect of criminal liability for fraud and some of its types in Russia, and formulates proposals for improving the domestic criminal legislation.

Keywords: *criminal law, criminal code of the Russian Federation, fraud, corpus delicti, criminal liability, deception, abuse of trust, right to another's property, qualifying.*

References

1. O sostoyanii prestupnosti v Rossijskoj Federacii v 1-m kvartale 2020 goda // Oficial'nyj sajt MVD Rossii <https://xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/19986723/> (data obrashcheniya 01. 06. 2020 g.).

2. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 30 noyabrya 2017 № 48 «O sudebnoj praktike po delam o moshennichestve, prisvoenii i rastrate». – Byulleten' VS RF. – 2018. – № 4.

3. Lopashenko, N. A. Zakonodatel'naya reforma moshennichestva: vynuzhdennye voprosy i vynuzhdennye otvety // Kriminologicheskij zhurnal Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava. - 2015. - Т. 9. - № 3. - С. 504 – 513.

4. Delo iz arhiva Central'nogo rajonnogo suda goroda Sochi ot 12 noyabrya 2018 goda // [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa : <http://sudact.ru/regular/doc/Y1E4KZB0MKoV/> (data obrashcheniya: 28 iyunya 2020 g.).

5. Prigovor SHelekhovskogo gorodskogo suda ot 17 avgusta 2015 g. po delu № 1-55/2015 // «SudAkt» (data obrashcheniya: 01 iyunya 2020 g.).

6. Federal'nyj zakon «O vnesenii izmenenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii i Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii po voprosam sovershenstvovaniya osnovanij i poryadka osvobodzheniya ot ugolovnoj otvetstvennosti» ot 03.07.2016 № 323-FZ (poslednyaya redakcija) // SZ RF. – 2016. - № 27 (chast' II). - St. 4256.

7. Bojcov, A. I. Prestupleniya protiv sobstvennosti / A. I. Bojcov. – M, 2016. – S. 268.

8. Kriger, G. A. Kvalifikaciya hishchenij socialisticheskogo imushchestva / G. A. Kriger. – M.: YUrid. lit, 1974. – S. 109.

9. Delo iz arhiva Hostinskogo rajonnogo suda g. Sochi ot 26 noyabrya 2018 goda // [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://sudact.ru/regular/doc/5eOkD5dekUIT/>

10. Vladimirov, V. A. Kvalifikaciya pohishchenij lichnogo imushchestva / V. A. Vladimirov. – M.: YUrid. lit, 1974. – S. 38.

11. Limonov V.N. Ponyatie moshennichestva // Zakonnost'. - 1997. - № 11.

12. Lopashenko, N. A. Posyagatel'stva na sobstvennost': monografiya / N. A. Lopashenko. – M.: Norma, 2012. – S. 199.

13. Minskaya, V. S. Sovremennoe zakonodatel'noe regulirovanie ugovnoy otvetstvennosti za moshennichestvo i voprosy kvalifikacii. Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika / V. S. Minskaya. – M., 2013. – № 10. – S. 36.

14. Rozencvajg, A. I. Sposoby moshennichestva : retrospektivnyj analiz i teoretiko-pravovoe modelirovanie / A. I. Rozencvajg // Obshchestvo i pravo. – 2011. №1 (33). – С. 123, 125.

15. Delo iz arhiva Central'nogo rajonnogo suda goroda Sochi ot 24 aprelya 2015 goda // [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa : <http://sudact.ru/regular/doc/NOXAKSBfCTJv/>

16. Federal'nyj zakon ot 23.04.2018 № 111-FZ «O vnesenii izmenenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii» // SZ RF. – 2018. - № 18. - St. 2581

РЕАЛИЗАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ В ФОРМИРОВАНИИ ПРИЗНАКОВ СУБЪЕКТОВ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Пащенко Елена Анатольевна канд. юрид. наук, доцент, ФГБОУ ВПО Южно-Российский институт управления – филиал «Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Ростов-на-Дону
E-mail: pashenkoea@mail.ru

Аннотация

В статье исследован законодательный подход в установлении возраста привлечения к уголовной ответственности за определенные деяния. Осмысление содержания противодействия преступности предопределяет не только уголовно-правовые последствия, но и возможность предупредительной деятельности. Анализ приведен с примерами норм, в которых возникает спорность возрастных границ субъектов.

Ключевые слова: субъект уголовной ответственности, признаки субъекта, возраст уголовной ответственности, вменяемость, осознание общественной опасности, уголовная политика, предупреждение преступности, криминализация, декриминализация.

Субъекты уголовной ответственности для российского уголовного законодательства – категория, имеющая постоянные признаки, для сниженного возраста уголовной ответственности обязательным является и постоянный набор видов составов преступлений. Стабильные несменные признаки физического лица и вменяемости дополнены условием достижения определенного возраста. Именно возрастные характеристики позволяют определять критерии наполнения понятия «осознание общественной опасности деяния».

Системно критикуемый за частоту изменений законодательный подход, в корректировках части второй ст. 20 УК РФ нападкам не подвергается, поскольку за весь период действия УК РФ, данная норма изменена единожды, Федеральным законом от 06.07.2016 №-375 ФЗ. Традиции законодательства сводятся к пониманию тех единственно важных и значимых условий, с которых устанавливается возможность понимания общественно опасной деятельности и последствий совершенного деяния.

Возрастные физиологические признаки субъекта ответственности подлежат учету в силу рекомендаций международного законодательства. Рекомендательное содержание Пекинских правил сводится к учету способности к восприятию уголовной ответственности подростком и способности к восприятию наказания. Положения, комментирующие содержание Пекинских правил обосновывают возможность применения наказания только ситуацией достаточности уровня психо-физиологического развития подростка и учета его индивидуальных особенностей.

Системен ли подход российского законодателя к перечню составов преступлений, представленных в ч. 2 ст. 20 УК РФ?

В законодательной деятельности, в целом, вопросы изменения подхода к возрасту субъектов ответственности поднимались не раз, в 2019 году эти предложения поступали в связи с изменением редакции ст. 245 УК РФ, у которой фактические исполнители явно моложе правовых исполнителей. Очевидна политическая потребность в снижении возрастной планки субъекта. Допустить «интерес» к жестокому обращению с животными лиц, достигших эмоциональной зрелости, достаточно сложно, этот состав популярен среди подростков. Учитывая возрастные особенности лиц, совершающих данное посягательство, был внесен законопроект о снижении возраста уголовной ответственности: «Внесение предусмотренных проектом изменений позволило бы исключить ситуации, при которых явно делинквентное поведение несовершеннолетних в возрасте от 14 до 16 лет не находит юридической оценки до момента совершения ими тяжких преступлений против личности». Проектное предложение не реализовано, снижение возраста ответственности по ст. 245 УК РФ не произошло.

Правоприменитель также сталкивался с измененным подходом в силу реализации криминализационно-декриминализационных принципов, таким, достаточно неожиданным, был декриминализационный оборот ст. 213 УК РФ. В связи с изменениями, внесенными в УК РФ Федеральным законом от 08.12.2003, ст. 213 Уголовного кодекса Российской Федерации стала содержать всего две части, третья введена Федеральным законом от 24.11.2014 N 370-ФЗ. Часть первая, в редакции Федерального закона от 03.04.2017 N 60-ФЗ дополнена признаками, позволяющими говорить о способности к осознанию подростком в возрасте от 14 до 16 лет характера общественной опасности деяния. Особенно это утверждение касается п.п. «б» и «в» ч.1 ст. 213 УК РФ – мотива и места совершения хулиганских действий. Однако в часть 2 ст. 20 Уголовного кодекса Российской Федерации каких-либо изменений законодателем внесено не было, длительное время по ч. 1 ст. 213 УК РФ ответственность в силу ст. 20 Уголовного кодекса Российской Федерации наступает не с 14, а с 16 лет.

В 2016 году законодатель дополнил перечень деяний со сниженным возрастом уголовной ответственности составами «террористической направленности» - статьи 205.3, 205.4, часть вторая статьи 205.5, статья 205.6, часть вторая статьи 208, 211, 361. Уровень общественной опасности, предопределивший конструкции указанных составов преступлений, исключает дискуссии об их целесообразности, хотя замечания в части примененной юридической техники в научной среде звучали [1]. Противоречивость «антитеррористических норм» и непоследовательность законодателя в реализации изменений, позволяет говорить о преждевременности установления ответственности с 14-летнего возраста.

Еще менее последовательными видятся правоприменительные позиции в связи с практикой реализации примечания к ст. 131 УК РФ. Действия, подпадающие под правовую квалификацию ст. ст. 131 и 132 УК РФ совершаются в отношении лиц, не достигших 12-летнего возраста, и составляют добровольное половое сношение или действия сексуального характера либо развратные действия. Судебная практика уже столкнулась с недостоверной оценкой субъектных признаков. Так, со ссылкой на

примечание к ст. 131 УК РФ суд [2] пришел к выводу о том, что совершенные Ш. деяния в отношении не достигшего двенадцатилетнего возраста П. могут рассматриваться как преступление, предусмотренное п. "б" ч. 4 ст. 132 УК РФ, только в том случае, если эти деяния подпадают под признаки преступления, предусмотренного ст. 135 УК РФ. Однако, поскольку Ш. не достиг восемнадцатилетнего возраста, он не является субъектом преступления, предусмотренного ст. 135 УК РФ, в связи с чем его деяния не могут быть квалифицированы по п. "б" ч. 4 ст. 132 УК РФ. Обосновав данным доводом отсутствие в действиях Ш. состава преступления, суд оправдал подсудимого.

Принимая указанное решение, суд первой инстанции не учел, что согласно диспозиции ст. 135 УК РФ по ч. 1 данной статьи наступает уголовная ответственность за развратные действия в отношении лица, не достигшего шестнадцатилетнего возраста, а по ч. 2 - в отношении лица, достигшего двенадцатилетнего возраста, но не достигшего четырнадцатилетнего возраста. Субъектом этих преступлений, т.е. совершения развратных действий без применения насилия, является лицо, достигшее ко времени совершения преступления восемнадцатилетнего возраста.

Как следует из диспозиций ст. ст. 131 и 132 УК РФ, уголовная ответственность по указанным нормам наступает как за половое сношение и насильственные действия сексуального характера с применением насилия или угрозой его применения к потерпевшему или другим лицам, так и за совершение этих действий с использованием беспомощного состояния потерпевшего.

Таким образом, половое сношение и иные действия сексуального характера, а также развратные действия, совершенные с лицом, находящимся в силу возраста в беспомощном состоянии, законодателем признаются соответственно изнасилованием и насильственными действиями сексуального характера, а уголовной ответственности за такие деяния согласно положениям ч. 2 ст. 20 УК РФ подлежат лица, достигшие ко времени совершения преступления четырнадцатилетнего возраста.

Осмысление содержания противодействия преступности находится в связке с достижением целей наказания. Без достаточности учета возрастных особенностей субъектов, как объективно законодателем при формировании перечня составов преступлений, так и субъективно при учете индивидуальных особенностей, превентивная функция останется фикцией. Изменение подхода, обязательная его системность требуют в построении перечня преступлений, предусматривающих привлечение к ответственности с 14-летнего возраста соблюдения баланса достаточности запрета и синхронно способности подростка к его осознанию.

Литература

1. Рарог А.И. Сомнительная коррекция института соучастия / А.И. Рарог // Уголовное право: истоки, реалии, переход к устойчивому развитию: материалы 6-го российского конгресса уголовного права. – Москва. 2011. – С. 113–116;
2. Гладких В.И. Новые правовые механизмы противодействия терроризму: критический анализ // Российский следователь. 2014. № 5. С. 37;

3. Борисов С.В., Морозова А.А. Пособничество в совершении террористического акта как форма содействия террористической деятельности // Закон и право. – 2016. – N 4. – С. 26 – 28;

4. Рарог А.И. Уголовный кодекс России против терроризма // Lex russica. 2017. N 4. С. 155 - 178.

5. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 26.11.2014 N 83-АПУ14-15 Уголовной ответственности за деяния, предусмотренные примечанием к ст. 131 УК РФ, в соответствии с положениями ч. 2 ст. 20 УК РФ подлежат лица, достигшие ко времени совершения преступления четырнадцати лет. // "Бюллетень Верховного Суда РФ", 2015, N 7.

Pashenko E. A. South-Russian Institute-branch of the Russian academy of economy and public administration under the President of the Russian Federation, Rostov-on-Don
E-mail: pashenkoea@mail.ru

THE IMPLEMENTATION OF CRIMINAL POLICY IN THE FORMATION OF SIGNS OF SUBJECTS OF CRIMINAL RESPONSIBILITY

Abstract

The article explores the legislative approach in establishing the age of criminal prosecution for certain acts. Understanding the content of combating crime determines not only the criminal legal consequences, but also the possibility of preventive activities. The analysis is given with examples of norms in which the controversy of the age limits of subjects arises.

Key words: *subject of criminal responsibility, signs of the subject, age of criminal responsibility, sanity, awareness of public danger, criminal policy, crime prevention, criminalization, de-criminalization.*

Refereces

1. Rarog A.I. Somnitel'naya korrekciya instituta souchastiya / A.I. Rarog // Uголовное право: istoki, realii, perekhod k ustojchivomu razvitiyu: materialy 6-go rossijskogo kongressa uголовного права. – Moskva. 2011. – S. 113–116;

2. Gladkih V.I. Novye pravovye mekhanizmy protivodejstviya terrorizmu: kritiche-skiy analiz // Rossijskij sledovatel'. 2014. № 5. S. 37;

3. Borisov S.V., Morozova A.A. Posobничество v sovershenii terroristicheskogo akta kak forma sodejstviya terroristicheskoy deyatel'nosti // Zakon i право. – 2016. – N 4. – S. 26 – 28;

4. Rarog A.I. Uголовный кодекс Rossii protiv terrorizma // Lex russica. 2017. N 4. S. 155 - 178.

5. Opredelenie Sudebnoj kollegii po uголовnym delam Verhovnogo Suda RF ot 26.11.2014 N 83-АПУ14-15 Uголовной otvetstvennosti za deyaniya, predusmotrennye prime-chaniem k st. 131 UK RF, v sootvetstvii s polozheniyami ch. 2 st. 20 UK RF podlezhata lica, dostigshie ko vremeni soversheniya prestupleniya chetyrnadcati let. // "Byulleten' Verhovnogo Suda RF", 2015, N 7.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Статья должна соответствовать профилю журнала, быть ориентированной на актуальные проблемы юриспруденции.

К статье прилагается рецензия-рекомендация кафедры (научного подразделения), специалиста.

Рукопись, подписанная автором (авторами), представляется в редакцию на электронном и бумажном носителях. Рукописи аспирантов дополняются рекомендацией к печати научным руководителем.

Рецензии-рекомендации кафедр и рецензии специалистов сторонних организаций заверяются печатью.

Объем статьи не должен превышать 12 – 14 страниц (до 22 тыс. знаков с пробелами и сносками). Шрифт Таймс, 14 кегль, межстрочный пробел – 1,5 интервала, поля по 2 см по периметру страницы, абзацный отступ – 1 см. Таблиц должно быть не более 3-х. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Все графы в таблицах должны также иметь заголовки.

Иллюстративные материалы (рисунки, графики, схемы) должны быть четко читаемыми, черно-белыми, сгруппированными в единый объект, также не более 3-х.

Структура представляемого материала:

1. Статья должна быть классифицирована – иметь УДК, указываемый в левом верхнем углу материала.
2. На русском и английском языках:
 - Фамилия, имя, отчество автора полностью, полные контактные данные (место работы, научная степень, должность, почтовый адрес, телефон, адрес электронной почты).
 - Заголовок статьи.
 - Аннотация 8 – 10 строк.
 - Ключевые слова или словосочетания, несущие в тексте основную смысловую нагрузку (7 – 10, выбираются из текста материала).
3. Ссылки на литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [3, с. 15]), а список литературы, составленный в порядке встречаемости ссылок, помещается за текстом.
4. На последней странице автором указывается: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений ограниченного распространения. Статья проверена в системе «Антиплагиат»».

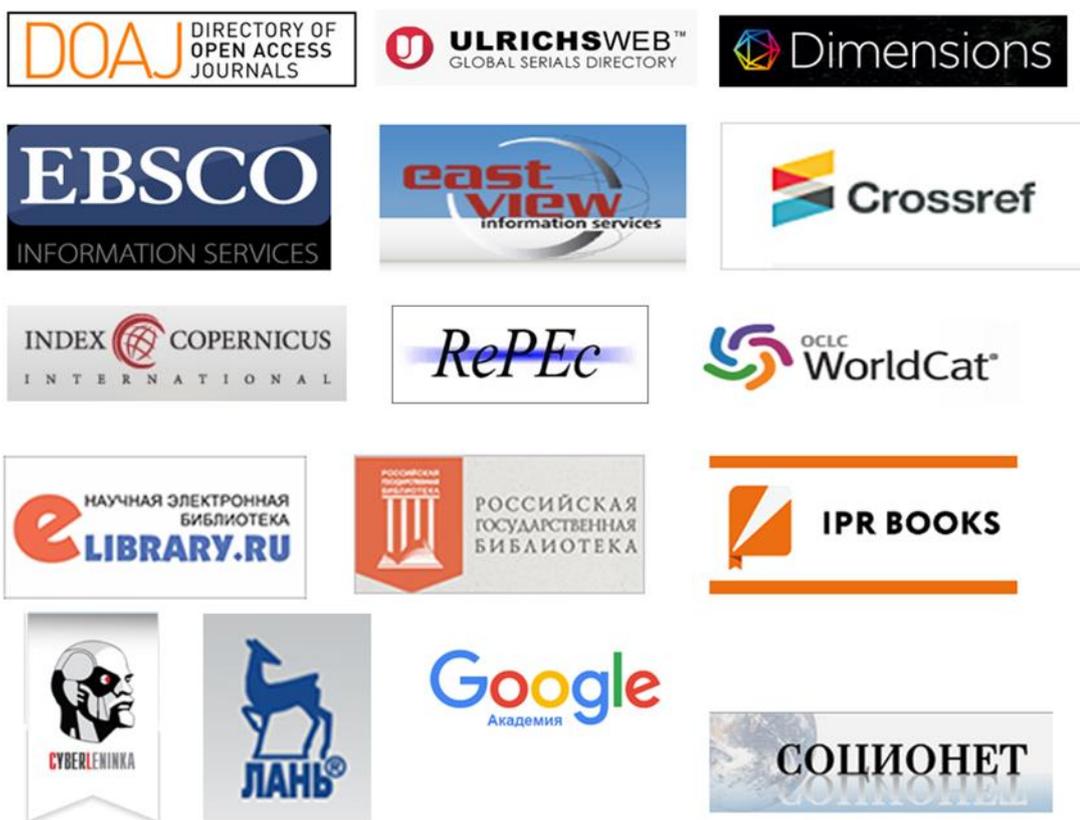
Редакция оставляет за собой право производить необходимые уточнения и сокращения.

Статьи принимаются по адресу: 344002. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54, к. 216. ЮРИУ – филиал РАНХиГС. Редакция журнала «Северо-Кавказский юридический вестник».

Тел. 8-863-203-63-89; e-mail: yurvestnik@mail.ru

**СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК**
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 3, 2020

Выход в свет 30.09.2020. Гарнитура Cambria. Формат 60x84¹/₈. Печать офсетная.
Бумага писчая. Тираж 100 экз.

Адрес издателя:

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
119571, г. Москва, пр. Вернадского, 84.

Адрес редакции:

Южно-Российский институт управления – филиал
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54.

Свободная цена

Отпечатано в типографии «Фабрика печати»
603057, г. Н. Новгород, Шорина, 13/13. Тел.: (831) 463-91-68, 413-62-61